13
СОКРОВИЩ
Мишель Харрисон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Таня обладает способностью общаться с волшебными существами — фэйри, но это не идет ей на пользу — они всячески мучают ее и запрещают рассказывать о них другим людям. Мать, не в силах более терпеть столь же необъяснимое, сколь и невыносимое поведение Тани, отправляет ее к бабушке, в старинное родовое поместье. Но очень скоро девочка узнает, что дом полон жутких загадок, что в соседнем лесу время от времени пропадают люди и что в этих краях тоже водятся фэйри…

- Мишель Харрисон
  - Пролог
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
  - Часть вторая
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
  - Эпилог
- notes
  - 1

Мишель Харрисон
«13 сокровищ»

Моей маме и племяннице Тане

Пролог

Еще совсем малышкой Таня знала, что бабушкино поместье хранит множество секретов. Она слышала разговоры о проложенных под домом и давно забытых ходах. И, как поступил бы на ее месте всякий ребенок, провела немало дождливых дней, разыскивая скрытые входы в них, но безрезультатно. Когда ей исполнилось тринадцать, Таня оставила надежду обнаружить тайные подземелья и даже начала сомневаться в их существовании.

Поэтому когда книжный шкаф повернулся и в стене открылся проход на узкую каменную лестницу, ведущую вниз, в пахнущую плесенью тьму, она ничуть не испугалась. Но ни трепета, ни восхищения она тоже не почувствовала, потому что долгожданное открытие произошло совсем не так, как она воображала.

Если бы жители поместья были повнимательнее, уже давно выяснилось бы, что потайными ходами в дом проникает кто-то, у кого нет на это никакого права. Однако все подсказки, от сообщения о похищении в информационном выпуске радионовостей до странных звуков, доносившихся из старого коридора в ночной тиши, остались незамеченными. Для живущих в глуши такие вещи не имеют особого значения.

Теперь, когда Таня увидела в мрачной пещере глубоко под домом незнакомку с диковатым блеском в глазах, все прошлые странные события припомнились и встали на место, как детали мозаики. Она не знала, что, собственно, ожидала найти — но уж никак не это.

Девушка была ненамного старше ее: самое большее, пятнадцать. Однако взгляд зеленых глаз казался жестким и взрослым не по годам. На поясе у нее висел нож, и поскольку Тане не хотелось думать, чем это может обернуться, она заставила себя перевести взгляд на малютку на руках девушки.

Ребенок, не мигая, смотрел на нее. От того, что произошло дальше, внутри у Тани все похолодело от страха. Пока малыш разглядывал ее, его внешность начала изменяться. Кончики ушей удлинились и заострились, кожа приобрела зеленоватый оттенок. Глаза целиком налились чернотой и заблестели. Этот отталкивающий облик очень быстро исчез — но Таня не сомневалась, что видела его.

И рыжеволосая незнакомка тоже.

— Ты видела, — хрипло прошептала она.

Таня оторвала взгляд от создания в руках девушки и сглотнула.

— Просто не верится. Ты видела. Ты тоже можешь их видеть.

Между ними на миг возникло молчаливое взаимопонимание. Потом девушка прошептала:

— Ты обладаешь вторым зрением.

— Что ты делаешь здесь с этим ребенком?

— Хороший вопрос, — ответила девушка. — Садись. Я расскажу тебе свою историю. Уверена, тебя это заинтересует.

Часть первая

Фэйри, это чудо света, существуют, лишь пока есть те, кто может их видеть.

Чарльз де Линт

1

Она ощутила их присутствие в комнате еще до того, как проснулась.

Веки Тани затрепетали сами по себе — верный признак того, что неприятностей не избежать. Это и разбудило ее. Она чуть приоткрыла глаза. Как обычно, она по детской своей привычке спала, накрывшись одеялом с головой. Это было не очень удобно, но менять позу она не спешила — иначе они поймут, что она проснулась.

Таня продолжала лежать под душным одеялом, мечтая отбросить его и позволить проникающему сквозь окно легкому летнему ветерку омыть тело. Она лежала неподвижно, уговаривая себя, что видит сон; может, на самом деле их здесь вовсе и нет. Однако в глубине души знала, что они тут — так же уверенно, как то, что лишь она может их видеть.

Веки снова задергались. Даже сквозь одеяло она чувствовала их, ощущала, что воздух в комнате заряжен странной энергией и наполнен землистым запахом влажных листьев, грибов и созревших ягод — их запахом.

Тьму вспорол тихий голосок.

— Она спит. Разбудить?

Таня замерла в убежище из одеяла и простыней. У нее еще не сошли оставшиеся с прошлого раза синяки, фиолетовые и черные — так сильно ее щипали. И тыкали пальцами под ребра, аж дыхание перехватывало.

— Она не спит, — холодно, уверенно произнес второй голос. — Просто притворяется. Неважно. Я так люблю эти игры.

Последние остатки дремоты покинули ее. В этих словах чувствовалась угроза. Таня приготовилась скинуть одеяло, но внезапно оно стало ужасно тяжелым и с каждым мгновением становилось все тяжелее.

— Что происходит? Что вы делаете?

Она вцепилась в одеяло, неистово пытаясь скинуть его, но оно, казалось, обматывалось вокруг нее, точно кокон. Ей стало трудно дышать, но вот наконец она сумела освободить голову и глубоко вдохнуть прохладный ночной воздух. Облегчение, однако, длилось недолго — ровно до тех пор, пока она не заметила, что прикрывающий электрическую лампочку стеклянный плафон находится прямо перед ее лицом.

Внезапно до Тани дошло, почему одеяло казалось таким тяжелым. Она плавала в воздухе, в пяти футах над кроватью, и именно одеяло с простынями поддерживали ее.

— Опустите меня!

Медленно она начала переворачиваться в воздухе. Одеяло соскользнуло и упало на ковер. Таня в пижаме парила над постелью лицом вниз. Оставшись без одеяла, она почувствовала себя ужасно беззащитной. Откинула волосы с лица, осмотрела комнату, но разглядела во мраке лишь единственное живое существо — кошку, пушистую серую персидскую кошку, калачиком свернувшуюся на подоконнике. Кошка поднялась, одарила Таню высокомерным взглядом, повернулась спиной и уютно устроилась снова.

— Где вы? — дрожащим голосом спросила Таня. — Покажитесь!

Откуда-то рядом с постелью послышался противный смех. Таня почувствовала резкий толчок и, не успев сообразить, что происходит, сделала кувырок в воздухе, потом еще один и еще…

— Прекратите!

Как она ненавидела эти нотки отчаяния в собственном голосе!

Кувырканье прекратилось, и она встала на ноги — на потолке, вниз головой. Занавески вздымались под порывами ветра. Таня отвела взгляд от окна. Складывалось впечатление, что сила тяжести изменила направление только для нее. Кровь не приливала к голове, пижама не спадала, волосы по-прежнему рассыпались по спине.

Таня смирилась с поражением и уселась на потолке. Вот почему они приходят посреди ночи, она уже давно поняла это. Ночью она оказывалась целиком в их власти, в то время как днем их могли бы спугнуть взрослые, а она, как обычно, сказала бы, что это просто игра или трюк. Просто еще одна из множества «игр» и «трюков», в которые она «играла» годами.

Она не могла вспомнить точно, когда в первый раз увидела их. Они всегда были здесь. Она росла, без конца болтая сама с собой — так это выглядело в глазах родителей, поначалу забавляя их, а позже и тревожа. В раннем детстве она честно объясняла, что видит фэйри, — родители лишь понимающе улыбались.

С годами она научилась убедительно врать — когда поняла, что в ее разговоры с фэйри уже никто не верит. Таня не слишком обижалась. Люди не склонны верить в то, чего не видят, это нормально.

Однако чем дальше, тем больше вреда «игры» фэйри причиняли девочке. Одно дело — отрезать несколько спутанных прядей волос после попытки расчесать их заколдованной щеткой или обнаружить утром, что за ночь домашние задания

таинственным образом испорчены. С годами неприятности становились гораздо серьезнее. Вот уже несколько месяцев Таню терзало беспокойство, что в конце концов произойдет что-то очень плохое, настолько плохое, что она никак не сможет этого объяснить. Больше всего она боялась, что из-за своего все более странного поведения окажется в психиатрической клинике.

Плавать в воздухе — вот одна из тех ситуаций, которая ничего хорошего не предвещает. Если мать проснется и обнаружит ее разгуливающей по потолку, то вызовет не доктора, а приходского священника. Это хуже всего, что только можно себе представить.

Таня ощутила на лице дуновение прохладного воздуха, к щеке прикоснулись покрытые перьями крылья. Большая черная птица уселась ей на плечо, мигнула блестящими глазами — и начала изменяться так быстро, как в солнечном свете исчезает тень. Хищный, изогнутый клюв исчез, зато появились шелковистые черные волосы и удлиненные уши с розоватыми кончиками. И вот уже там, где только что была птица, появилась женщина такой же величины. На ней было платье из черных перьев, на фоне которого особенно выделялась кожа цвета слоновой кости.

— Ворона, — прошептала Таня, глядя, как с платья фэйри осыпаются перья и, кружась, падают на ковер. — Зачем ты здесь?

Не отвечая, Ворона опустилась на кровать, где сидели еще два маленьких «человечка», один пухлый и красноносый, другой темнокожий, жилистый, с хитроватой и даже коварной физиономией. Оба заинтересованно разглядывали девушку.

Самый мелкий из них заговорил первым.

— Ты опять писала о нас.

Таня почувствовала, как загорелось лицо.

— Нет, Гредин… Я не делала этого.

Желтые глаза Гредина вспыхнули, резко выделяясь на фоне коричневой кожи.

— В прошлый раз ты то же самое говорила. И в позапрошлый.

Точно принесенный ветром, в раскрытое окно вплыл темный четырехугольный предмет, грациозно проскользнул между занавесками и замер перед лицом испуганной Тани. Дневник, совсем новенький, весь в земле. Сегодня днем она закопала его под яблоней в саду. Как глупо с ее стороны!

— Твой, надо полагать? — спросил Гредин.

— Никогда не видела его.

Толстячок рядом с Гредином фыркнул.

— Ох… брось! — сказал он. — Хочешь проторчать в таком положении всю ночь?

Он поднял руку и слегка погладил воткнутое в шляпу павлинье перо — перо замерцало колдовским светом. Толстяк подкрутил свои крысиные усы, снял перо со шляпы и взмахнул им.

Дневник открылся, из него выпал комок земли и угодил прямо на Танину тапку. Из тапки послышалось приглушенное чиханье и появился четвертый и последний фэйри — безобразный, похожий на свинью. Он с усилием взмахнул потрепанными коричневыми крыльями и неуклюжей грудой опустился на постель. Восстановил равновесие и принялся яростно чесаться, осыпая простыни клочьями меха и блохами, потом зевнул, раскрыв огромную пасть и потирая морду крошечными коричневыми лапками.

Однажды, когда Таня была младше и еще до того, как ее родители развелись, она надулась, получив очередной выговор. Несколько минут понаблюдав за ней, мать воскликнула:

— Не будь таким маленьким Мизхогом!

— Кто такой Мизхог?

Вопреки скверному настроению у Тани проснулось любопытство.

— Ужасное свиноподобное создание самого жалкого вида, — ответила мать. — И ты выглядишь в точности как он, с этим своим надутым лицом.

Именно это Таня вспоминала каждый раз, когда видела замученного блохами коричневого фэйри. Вечно виноватое выражение его морды так точно соответствовало описанию матери, что про себя Таня всегда называла его Мизхогом, тем более что он — в отличие от других фэйри — никогда не говорил, как его зовут. Если не считать блох и запаха, как от промокшего пса, Мизхог был непритязателен и скромен. Он никогда не разговаривал — по крайней мере, на понятном для Тани языке, — был всегда голоден и имел привычку чесать живот. В остальном его, казалось, полностью устраивало просто разглядывать все вокруг добрыми карими глазами. Сейчас он тоже таращился на девочку широко распахнутыми, немигающими глазами, издавая странные сопящие звуки.

Дневник покачивался перед Таней. Она поспешно перевела на него взгляд.

— Читай! — приказал Гредин.

— Не могу. Здесь слишком темно.

Взгляд Гредина был тверд, как кремень. Страницы дневника начали с бешеной скоростью переворачиваться то туда, то обратно, как бы ища, где остановиться, и наконец замерли ближе к концу. Таня увидела дату — это было меньше двух недель

назад. Разобрать написанное было выше ее сил; да что там — она и свои руки-то едва различала, так сильно в глазах все расплывалось от слез. Но тут волосы у нее встали дыбом: со страницы зазвучал ее же голос, достаточно тихий, чтобы никого не разбудить, но четко произносящий каждое слово. Он звучал как бы издалека, точно со временем дневник терял силы.

— Они снова приходили сегодня ночью. Почему ко мне? Ненавижу их. НЕНАВИЖУ их…

Таня в ужасе слушала, как ее голос читает одну страницу за другой — сердитый, огорченный, беспомощный.

Все это время фэйри наблюдали за ней: Ворона подавленно, Шляпа-с-Пером и Гредин с каменными лицами, Мизхог без видимого интереса, продолжая скрести живот.

— Хватит, — сказал Гредин, когда, казалось, прошла целая вечность.

Голос тут же оборвался, лишь продолжали шелестеть страницы, как будто их листала невидимая рука. Каждое написанное слово медленно выцветало прямо у Тани на глазах и исчезало, словно впитывающиеся в промокашку чернила.

Дневник упал на постель и рассыпался от удара.

— Так ты ничего не сможешь добиться. — Ворона сделала жест в сторону того, что осталось от дневника. — Только расстраиваешь сама себя.

— А вот и нет — если бы кто-то однажды прочел его, — с горечью ответила Таня. — И поверил мне.

— Правила просты, — сказал Шляпа-с-Пером. — Ты никому о нас не рассказываешь. А если будешь снова пытаться, мы снова накажем тебя.

Остатки дневника зашевелились на постели и, словно рой насекомых, сквозь открытое окно вылетели в ночь.

— Вот и все. Будто его никогда и не было, — сказал Гредин. — Пусть лежит там, где растет розмарин, около ручья, текущего вверх по склону холма. Территория пикси.

— Не может быть никакого ручья, текущего вверх по склону холма, — сказала Таня, расстроенная, что ее сокровенные мысли только что были зачитаны вслух.

— Дикие создания эти пикси, — продолжал Гредин. — Непредсказуемые. В некотором смысле опасные. Чего ни коснутся, все искажается. И розмарин, который помогает сохранить память, там тоже испорчен. Его свойства изменены на прямо противоположные.

Он для большего эффекта сделал паузу. Таня не стала снова прерывать его.

— Итак, существует некий маленький народец, известный

фэйри как чрезвычайно коварный, который знает свойства разных растений, в том числе и розмарина. Однако даже от испорченного пикси розмарина может быть толк. Употребленный в должном количестве, он обладает силой навсегда уничтожать некоторые воспоминания в голове смертного — такие, скажем, как воспоминания о бывших возлюбленных. Очень полезно в некоторых обстоятельствах. Однако фэйри — хотя им претит иметь дело с мерзкими маленькими пикси — и сами умеют извлекать пользу из этой магической травы. Она в особенности хороша, когда люди неожиданно натыкаются на царство фэйри и видят то, что их никак не касается. Обычно помогает совсем небольшая доза, да и человек ничуть не страдает — просто думает, что видел приятный сон, но при этом не помнит, что именно ему снилось. Другое дело, если доза подобрана неверно. Тогда стираются все воспоминания, в мгновение ока, вот так.

Гредин щелкнул пальцами, и Таня вздрогнула.

— Конечно, это по большей части происходит случайно и крайне редко, но иногда… всего лишь иногда… может быть использовано как последнее средство, чтобы заставить замолчать того, кого иначе никак не угомонишь. Крайне тяжкая судьба — такие бедняги не могут вспомнить даже собственного имени. Прискорбно, но необходимо. В конце концов, чего не помнишь, о том и болтать не станешь.

У Тани от страха пересохло во рту.

— Я не буду больше писать о вас.

— Хорошо, — сказал Шляпа-с-Пером. — С твоей стороны будет глупо попробовать еще раз.

— Просто ответьте мне на один вопрос, — дерзко, насколько могла, сказала Таня. — Не могу же я быть единственной такой. Я знаю, я не единственная…

Взгляд Гредина заставил ее умолкнуть.

Спуск оказался совершенно неожиданным. Чувствуя, что падает, Таня ухватилась за единственное, что подвернулось под руку, — за плафон, прикрывающий электрическую лампочку. Послышался ужасный треск, когда провод натянулся под ее весом, и куски штукатурки, каждый размером с тарелку, полетели вниз и с грохотом разбились об пол.

Лампочка тоже упала и разбилась, плафон выскользнул из руки Тани, врезался в шкаф и разлетелся на множество осколков.

Таня лежала, хватая ртом воздух, и услышала на лестничной площадке торопливые шаги. Не глядя, она знала, что фэйри исчезли — словно ветром сдуло. В комнату ворвалась мать и с такой силой дернула ее за плечо, что Таня вскрикнула, но тут же смолкла, увидев, что творится вокруг.

— Мама… — прохрипела она. — Я… Мне приснился кошмар… Прости…

Даже в лунном свете Таня разглядела выражение безысходности на лице матери. Осознав, с какой силой вцепилась в Танину руку, мать отпустила ее и медленно осела на кровать, закрыв глаза ладонями.

— Мама?

Таня коснулась руки матери.

— Я устала, — еле слышно сказала мать. — Выдохлась. Не знаю, что еще предпринять. Я не в силах достучаться до тебя. Не в силах справиться с тобой.

— Не говори так. Я исправлюсь, обещаю.

На губах матери промелькнула кривая улыбка.

— Ты всегда так говоришь. И я хочу верить тебе… помочь тебе, но не могу. И не смогу, если ты не расскажешь мне или доктору…

— Мне не нужен доктор. А ты не поймешь.

— Ты права, дорогая, я тебя не понимаю. Единственное, что я понимаю, это что дошла до предела. — Она скользнула взглядом по комнате. — Ну, утром приведи все здесь в порядок. Все, все, все, до последней пылинки. И за ремонт заплатишь своими карманными деньгами, сколько бы времени на это ни ушло. И чтобы больше такого не было. Я уже не могу терпеть твои фокусы.

Таня перевела взгляд на пол и заметила, что осколок стекла впился в голую ногу матери. Она опустилась на колени и осторожно вытащила его. На этом месте тут же проступила бусинка темной крови.

Мать никак не реагировала. Просто встала и направилась к двери, понурив плечи, волоча ноги, хрустя осколками стекла и не обращая на это внимания.

— Мама?

Дверь спальни закрылась, она снова осталась в темноте.

Таня была так потрясена, что, когда легла, не могла даже плакать. Выражение лица матери сказало ей все. Сколько раз ее предостерегали, сколько раз говорили о «последней соломинке»? Сейчас, слушая рыдания, доносившиеся из спальни по ту сторону коридора, она понимала: сегодняшняя ночь и стала для матери той самой «последней соломинкой».

2

Автомобиль медленно ехал по извилистой дороге среди зеленых деревьев. Листья и ветки сплетались в плотный полог, сквозь который не мог пробиться даже свет июльского солнца. Время от времени вдали мелькали золотистые поля, фермерские дома или загоны для скота, но больше смотреть было не на что, поскольку они находились в самом центре сельской местности Эссекса. Такие привлекательные в своем разнообразии виды Лондона остались далеко позади.

Сидя на заднем сиденье, Таня не отрывала взгляда от затылка матери.

— Не понимаю, почему я должна жить с ней. Наверняка есть и другие места, куда можно меня отослать.

— Больше некуда, — ответила мать, заспанная и казавшаяся блеклой без обычного макияжа. — Мы уже сто раз обсуждали это.

— Почему я не могу просто уехать к папе?

— Ты же знаешь, он уезжает на несколько месяцев по работе. Что тебе делать в пустом доме?

— До сих пор не могу поверить! Неделя, какая-то вшивая неделя летних каникул, а теперь я должна провести с ней ужас сколько времени! — воскликнула Таня. — У няни Айви и то было лучше.

— Ну, няни Айви больше нет. Вот уже три года, как нет. И тебе не повредит сделать над собой усилие и побыть какое-то время с бабушкой, которая пока еще жива.

— Да уж, без усилий не обойтись, потому что с ней у меня одни сплошные проблемы. Даже два дня проторчать в этом затянутом паутиной доме — жуть какая-то! Если бы ты не настаивала, я бы и столько не выдержала.

— Неправда.

— Нет, правда! Она тоже не хочет, чтобы я жила там, и ты это знаешь! Разве она хоть раз приглашала меня к себе по доброй воле?

Мать хранила молчание. Таня поджала губы.

— Что, нет? Вот именно!

— Хватит! Ты сама виновата. Вспомни, что ты вытворяла прошлой ночью… и все последние месяцы. — Тон матери смягчился. — Мне нужна передышка. Думаю, нам обеим она нужна. В конце концов, речь идет всего о паре недель. По-моему, это справедливо… и я даже позволила тебе взять с собой Оберона. А потом, когда вернешься, у нас состоится серьезный разговор.

Таня молчала, пытаясь проглотить ком в горле. Мать вставила в CD-плеер автомобиля диск — это означало, что разговор окончен.

Жалобный вой вырвался из глотки слегка страдающего избыточным весом добермана, втиснутого между Таней и большой сумкой с вещами. Она положила руку на затылок пса и, успокаивая, принялась почесывать за шелковистыми ушами, уныло глядя в окно. Сколько бы она ни протестовала, толку никакого. Ей придется жить с бабушкой столько, сколько захочет мать.

Так они и ехали. На переднем сиденье мать смотрела прямо перед собой, на дорогу. На заднем сиденье Таня буравила взглядом затылок матери.

— Вот мы и на месте.

Таня посмотрела, куда указывала мать, но увидела лишь плотные ряды деревьев и кустов.

— Тут все заросло сильнее, чем обычно.

— Тут всегда все зарастает! — сердито сказала Таня. — Еще чуть-чуть, и мы вообще проехали бы мимо.

За деревьями невозможно было разглядеть, куда ведет узкая дорога и где она кончается. Ветки царапали бока машины, вокруг летали раздраженные появлением чужаков фэйри. Один опустился на окно рядом с Таней и с любопытством уставился на нее. Он оставался там около минуты, все время ковыряя в носу грязным пальцем. К ее облегчению, это занятие вскоре ему надоело и он вернулся на дерево. Она вздохнула: без сомнения, впереди у нее много таких встреч. Каким-то образом фэйри всегда узнавали, что она может их видеть, и слетались к ней, сколько бы она ни притворялась, что понятия не имеет об их существовании.

Дорога все тянулась, изгибаясь, точно лабиринт, из которого никогда не выбраться. В конце концов деревья стали реже, и за последним поворотом налево машина остановилась перед большими коваными воротами, запертыми на висячий замок. По их ажурному каркасу тянулись искусно выкованные слова: «Поместье Элвесден». На каменных столбах скалили зубы горгульи. Мать Тани пару раз призывно посигналила, бросив раздраженный взгляд на часы на приборной панели машины.

— Почему, интересно, ворота все еще не открыты? Мы же предупреждали, что приедем часов в десять.

Она снова сердито просигналила.

Несколько минут ничего не происходило. Таня старательно отводила взгляд от горгулий. Поверх высокой стены можно было разглядеть лишь крышу дома.

— Можно выйти наружу и размять ноги, — сказала мать, открыла дверцу и выбралась из машины.

Таня с радостью последовала за ней: в машине было жарко и тесно. Оберон забегал среди деревьев, принюхиваясь, фыркая, помечая новую территорию.

— Какой чудный, свежий воздух! Подожди, ты будешь еще радоваться, что оказалась здесь.

Таня бросила на мать злой взгляд и оглянулась по сторонам. В отдалении послышался звон колоколов, и она вспомнила, что здесь есть маленькая церковь. Если не считать ее, дом стоял в гордом одиночестве, и хотя дорога от города заняла чуть больше двух часов, казалось, что они в совершенно безлюдном месте, полностью изолированном от всего остального мира. Прикрыв глаза от солнца, Таня посмотрела вдаль. К ним быстро приближалась темная фигура.

— Уорик, — с облегчением сказала мать.

Таня опустила взгляд и поддала ногой камешек. Она не испытывала особого расположения к смотрителю поместья. Когда мать была ребенком и жила здесь, эту роль выполнял отец Уорика, Амос. Потом Амос состарился, отошел от дел и должность перешла к его сыну. Они оба жили в поместье с бабушкой Тани, Флоренс, и сыном Уорика, Фабианом, которого Танина мать называла «противным маленьким нахалом». И хотя некоторая доля истины в этом была, Таня не могла, даже против воли, не сочувствовать Фабиану. Его мать умерла, когда ему было пять лет, а отец уделял мальчику очень мало внимания. Неудивительно, что он рос таким несносным.

Уорик подошел к ним. Он был в длинном пальто, слишком теплом для такой погоды, и грязных молескиновых штанах, заправленных в такие же грязные сапоги. Всклокоченные темные волосы, пересыпанные сединой, были небрежно связаны сзади, кожа смуглая, грубая — как у человека, много времени проводящего на воздухе. Вместо приветствия он лишь кивнул с угрюмым видом, прошагал мимо, отпер ворота и сделал им знак вернуться в машину. Таня с неприязнью заметила, что на спине у него пристегнуто духовое ружье. Ворота со скрипом отворились; Уорик отошел в сторону, пропуская машину.

Как всегда, при виде дома глаза Тани широко распахнулись. Без сомнения, когда его только построили, а было это в конце восемнадцатого столетия, он выглядел впечатляюще. В нем было около двадцати спален — не считая комнат для слуг — и почти столько же гостиных и кабинетов, когда-то богато отделанных. Если бы особняк поддерживали в хорошем состоянии, он до сих пор выглядел бы очень эффектно.

Увы. Потрескавшиеся стены, словно саван из листьев, покрывал толстый плющ, с каждым годом разрастающийся все шире и даже проникающий в окна. Большинство комнат сейчас были либо заперты, либо находились в полном упадке; окружающие дом обширные земельные угодья одичали. Двор перед домом зарос сорняками; немного облагораживали зрелище несколько деревьев и неработающий фонтан. Таня никогда не видела в нем воды.

Припарковавшись, они вылезли из машины и остановились, дожидаясь Уорика. Он тяжелым шагом пересек двор, поднялся по ступеням к большой двери и провел их внутрь. Оберон остался снаружи, улегся в тени дома, тяжело дыша.

В прихожей пахло всегда одинаково — сыростью, плесенью и лишь чуть-чуть духами Флоренс. Двери, выходящие в коридор, были заперты; это Таня знала по прошлому опыту. Сейчас в доме использовалось всего несколько комнат. Прихожая переходила в фойе, где было еще несколько дверей и выход на главную лестницу; поднявшись по ней, можно было попасть на маленькую площадку, а оттуда — в уходящий в обе стороны коридор первого этажа. На второй этаж, где когда-то располагались помещения для слуг, почти никто не заглядывал — если не считать Амоса, который там жил. Таня помнила, что однажды осмелилась туда подняться и тут же с визгом бросилась обратно вслед за Фабианом, который сделал вид, будто увидел призрак.

— Вон туда, — сказал Уорик в своей немногословной манере; хорошо хоть, что вообще открыл рот.

Таня состроила неодобрительную гримасу, увидев отслаивающиеся, выцветшие обои, в сотый раз спрашивая себя, почему бабушка продолжает жить в доме, который слишком велик, чтобы содержать его в порядке.

На первой лестничной площадке стояли старые дедушкины часы — они всегда показывали время неправильно, хотя их несколько раз чинили. Таня догадывалась почему: за годы в них поселилось множество фэйри. Это было второй причиной, почему она ненавидела поместье: оно просто кишмя кишело фэйри.

Вслед за Уориком она поднялась по лестнице; мать осталась внизу. Когда она проходила мимо часов, из их глубины послышался ехидный голосок:

— Гляньте-ка на эту малышку. Она забавная.

Проигнорировав эти слова, Таня поднялась по ступенькам и, оказавшись наверху, замерла. Полоска разноцветных перьев вела к расшатанному комоду, на котором сидел толстый рыжий одноглазый кот. Во рту у него было полно перьев.

— Это чучело, — со скучающим видом объяснил Уорик.

Тут Таня заметила полуощипанное чучело фазана без головы и почувствовала облегчение, смешанное с отвращением.

— Вулкан! Давай-ка выплюнь все это! — приказал Уорик.

Вулкан ответил ему немигающим, высокомерным взглядом единственного глаза, продолжая жевать то, что было во рту. Уорик с раздраженным видом прошел мимо и остановился у первой двери слева.

— Твоя комната.

Таня кивнула, не произнеся ни слова. Она всегда останавливалась в этой комнате; даже непонятно, зачем нужно было сопровождать ее сюда. В голову приходили два объяснения: либо Уорик хотел таким образом проявить любезность, либо опасался, что она станет совать нос в другие комнаты. Учитывая его обычную манеру поведения, Таня склонялась ко второму.

Как и большинство комнат в доме, Танина была просторной, но скудно меблированной. Ковер потертый, лавандового цвета обои на стенах в нескольких местах облезли. В углу стояли маленький столик и кресло, а в центре недавно застланная кровать; на хрустящих белых наволочках еще сохранялись следы заутюженных складок. В ногах лежало сложенное тонкое алое покрывало. В стене напротив постели был чугунный камин, а рядом с ним дверь в маленькую ванную комнату.

К несчастью, там обитал мерзкий, похожий на жабу фэйри с нездоровой тягой ко всему блестящему. Вороватое создание уже стащило у Тани часы и несколько безделушек, и она не раз наблюдала, как недоумевающий Уорик извлекал всевозможные блестящие предметы из сливной трубы.

Над камином висела картина «Эхо и Нарцисс»: красивый юноша смотрит на свое отражение в лесном озере, а за ним, незамеченная, подглядывает девушка. Таня никак не могла решить, нравится ей эта картина или нет.

Она вытряхнула содержимое сумки на постель и разложила все по местам, но и после этого комната выглядела такой же пустой, как прежде. Тапочки Таня поставила в ногах кровати, припомнив, как однажды Вулкан оставил в одной из них крысиный хвост. Хотя сейчас подобного опасаться не стоило.

Вулкану исполнилось шестнадцать — по кошачьим меркам, древний старик. Он только и способен, что нападать на чучела, а в случае большой удачи поймать парочку пауков или мух.

Она подошла к подоконнику и провела по нему пальцем, оставив в глубоко въевшейся грязи тонкий след. Из окна открывался вид на сад: все те же сорняки, а среди них несколько деревьев и одичавших розовых кустов. За оградой можно было разглядеть церковь с маленьким кладбищем и вдалеке —

казавшийся бескрайним лес, который называли «лес Висельника». Таня видела, как мать села в машину, собираясь уехать, и порадовалась, что та решила обойтись без прощания. В лучшем случае они обе огорчились бы, а в худшем — снова поссорились.

Таня вернулась к кровати и медленно опустилась на нее. Зеркало туалетного столика треснуло, и изображение двоилось: на нее смотрели одинаковые смуглые лица с карими глазами и темными волосами. Таня отвела взгляд. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой.

3

В глубине леса Висельника стоял старый фургон, наполовину скрытый густой листвой и прохладной тенью уходящих в небо деревьев. Выкрашенный в ярко-желтый цвет, он тем не менее чаще всего оставался незамеченным; в эту часть леса люди редко забредали. Большинству из них здесь делалось как-то не по себе, но обитавшей в фургоне старой цыганке лес дарил желанное уединение. Она вела простую жизнь, избегая встреч с горожанами и их взглядами, иногда любопытными, иногда враждебными, иногда исполненными страха.

Давно ходили слухи, что эта цыганка — колдунья. Зная свойства лесных растений, она могла излечивать многие недуги. В основном она варила целебные зелья для себя, а другим помогала, только если ее просили, — и не задаром. Однако было в старой цыганке кое-что еще, вызывающее интерес горожан и не имеющее отношения к травам, лечебным настоям и тому подобному, — ее способность видеть прошлое и будущее. Те, кто не боялся забредать глубоко в лес, приходили к ней и расспрашивали об этом, и она отвечала и за беспокойство брала у них деньги. Однако иногда — и в последнее время все чаще — сила в ней иссякала, и она не могла ответить на их вопросы. Бывали случаи, когда она видела то, что люди не захотели бы знать, и поэтому хранила молчание. И ее мать, и бабушка обладали такой же силой, они называли ее «вторым зрением». Когда она была помоложе, сила приходила к ней легко, часто во сне. Теперь же пряталась так глубоко, что цыганка едва ощущала ее, и приходилось молить и заклинать, чтобы она проявила себя.

Она не любила взывать к ней и делала это лишь при крайней необходимости.

Старая женщина смотрела в открытое окно и слушала пение птиц. Седые волосы она заплела в косу, хоть это и не шло к ее грубоватому, морщинистому лицу. Глаза, несмотря на возраст, были ярко-голубые, васильковые, живые, чем-то похожие на птичьи — и не лишенные доброты.

Женщина потерла висок шишковатой рукой: хорошо знакомая боль становилась все сильнее. Она встала и зашаркала в кухонный закуток, ненадолго задержавшись взглядом на мелкой лужице, собравшейся в раковине из-за протекающего крана. В воде начали кружиться темные, искаженные фигуры. Цыганка закрыла окно, опустила шторы, и в фургоне стало почти совсем темно. Из маленького буфета, не обращая внимания на многочисленные банки и бутылки, она достала деревянную чашу

и несколько свечей. Дрожащими руками наполнила чашу водой, поставила на стол и зажгла свечи.

Села в кресло у стола, склонилась над ним; в пляшущем пламени свечей морщины на лице проступали резче. Пульсирующая боль в виске нарастала, отдаваясь теперь уже во всей голове. Женщина быстро пробормотала заклинание, и боль отступила.

В фургоне похолодало, пламя свечей замерцало голубым. Дрожа, старая цыганка плотнее натянула шаль на хрупкие плечи, не сводя взгляда с чаши. Вода помутнела, но быстро очистилась. Теперь там неясно вырисовывались какие-то фигуры, то сливаясь, то снова разделяясь. По коже, как всегда, побежали мурашки, словно слабые электрические разряды. Потом возникли образы, будто немое кино.

Часы пробили полночь. Через окно детской луна осветила спящего в колыбели ребенка. Набежало облако, а когда луна появилась снова, колыбель была пуста, если не считать маленького игрушечного мишки с пучком набивки, торчащим из прорези на животе. На чистых белых простынях отпечатались крошечные грязные следы. Цыганка нахмурилась, пытаясь осмыслить увиденное. Совсем скоро вода очистилась, и на мгновение мелькнула мысль, что на этом все, однако возник новый образ: девочка лет двенадцати-тринадцати, с каштановыми волосами и темными, выразительными глазами. Девочка выглядела печальной оттого, что никто не понимает и даже не слушает ее. Однако вода сообщила и еще кое-что: девочка была не одна; вода показала, что окружало ее со всех сторон. Девочка могла видеть то, что другим не дано. Цыганка не сомневалась: девочка обладала вторым зрением.

Картины растаяли. Старая женщина долго сидела, потирая руки, чтобы согреться; теперь холод слишком легко добирался до ее костей. И даже когда полуденное солнце залило фургон теплым, сияющим светом, она все еще неподвижно сидела в кресле, продолжая смотреть в чашу, хотя образы в воде давно исчезли. Осталось, правда, множество вопросов.

Потом женщина встала и с рассеянным видом убрала в буфет чашу и свечи. В одном она не сомневалась: что пути ее и этой девочки пересекутся. И скоро.

4

Таня спускалась к обеду с тяжелым сердцем. Мать уехала два часа назад, и девушку ужасала мысль, что она застряла в этом поместье с пауками и запертыми дверями.

Приехала бабушка в своем старом «вольво», груженном продуктами. Они холодно поздоровались, Таня принялась вытаскивать сумки из машины и почти сразу заметила на ветровом стекле мертвого фэйри. Сперва она подумала, что это просто очень большая муха или жук, но, приглядевшись, убедилась, что, несомненно, это фэйри, причем такой, какого до сих пор ей видеть не приходилось. Крошечный, меньше ее мизинца. Маленькие ручки прижаты к стеклу, и только одно крыло уцелело, другое размазало по стеклу.

Таню чуть не вырвало; она поспешно отвернулась. Раньше она не видела мертвецов, если не считать сбитого машиной кота и всяких мелких тварей, которых убивал Вулкан. Фэйри выглядел совсем по-другому.

Естественно, аппетит у нее пропал. Таня ковыряла ложкой противный суп, не в силах перестать думать о безжизненном тельце на машине. Да, она терпеть не могла фэйри, и все же просто оставить его там, словно раздавленное насекомое, было выше ее сил. Она решила, что похоронит его как положено, едва представится такая возможность.

Обед подали на дубовом столе в кухне, более уютной, чем другие комнаты. Приготовления к обеду разбудили сварливого старого брауни, мирно спавшего в чайнице, и маленькую пугливую фею камина, которая считала своим долгом следить, чтобы тарелки сохраняли тепло, а содержимое кастрюль не переливалось через край. Тане ни разу не удалось разглядеть ее как следует, так быстро она металась, прямо как молния, из одного темного угла в другой. Заметны были только длинные, тонкие пальцы, платье из кухонного полотенца и свешивающиеся на лицо рыжевато-каштановые волосы. Осенью и зимой, когда огонь в камине горел, она грелась, спрятавшись позади корзины с углем. В теплые месяцы, когда камин не разжигали, фея жалась к любому другому источнику тепла на кухне — кроме микроволновой печи, которая пугала ее.

Особенно нравилась Тане на кухне винтовая лестница, начинавшаяся в небольшой нише рядом с камином. Она была перекрыта у первого поворота, поскольку ее давно не использовали по назначению. В прежние времена по этой лестнице слуги носили подносы с едой или грязной посудой из

кухни в комнаты и обратно. Таня в очередной раз пожалела, что лестница забита, ведь ей так хотелось исследовать ее! В кирпичной кладке ниши было сделано маленькое окно, и теперь ступеньки использовали как полки для всяких кухонных принадлежностей. Зимними вечерами, когда на каминной решетке рдели угольки, нишу заливал почти призрачный свет. Однако даже таинственная винтовая лестница не могла поднять Тане настроение.

— Ты не голодна?

Таня увидела, что бабушка внимательно разглядывает ее. Тонкие черты лица подчеркивались седыми волосами, обрамляющими его и собранными на затылке в тяжелый узел.

— Я немного устала, — соврала Таня, быстро взглянув на фею, греющую руки о только что вскипевший чайник. — А где Фабиан?

— Где-то здесь. Каникулы у него начались на прошлой неделе. По крайней мере, составите компанию друг другу.

Танино сердце упало еще глубже, хотя казалось, что хуже уже быть не может. Мысль о том, что Фабиан составит ей компанию, ужасала: всякий раз, когда она приезжала, он увязывался за ней, преследовал неотступно. Он был одиноким, никогда не приводил в дом друзей и, видимо, не понимал, что другие нуждаются в уединении. В небольших дозах Таня относилась к нему терпимо — однако две недели! Это совсем другое дело. Обмякнув в кресле, она отодвинула тарелку. Дела складывались все хуже и хуже.

После обеда Таня помогла все убрать, а заодно стащила кое-что для похорон фэйри. Когда бабушка отвернулась, она оторвала кусок картона от коробки с крупой и сунула его в карман, высыпала спички в мусорное ведро, а коробок тоже положила в карман.

Бабушкина машина была припаркована с той стороны дома, куда выходили окна главным образом пустых комнат, поэтому шанс, что ее застукают, был невелик. Единственную опасность представлял Уорик. Как раз в этом крыле дома у него была маленькая мастерская, где он держал инструменты и садовые принадлежности, а потому частенько заглядывал туда. Сейчас его в поле зрения не было, и Таня решила рискнуть.

Картонкой она соскребла фэйри со стекла и положила в спичечный коробок, стараясь — не слишком успешно — не смотреть на след засохшей крови из его носа и странно вывернутую голову. Она попыталась засунуть в коробок и второе, оторванное крыло. Это, однако, оказалось труднее, чем она думала. Что же, придется похоронить его с одним крылом.

Задний двор зарос кустами и ежевикой, за которыми уже давно никто не ухаживал. Продравшись сквозь них и оцарапавшись о колючки, Таня обнаружила у корней конского каштана растение с маленькими желтыми цветочками и начала копать землю. Оберон, следовавший за девушкой по пятам, некоторое время восторженно наблюдал за ней, а потом с энтузиазмом принялся и сам рыть ямы с поразительной скоростью, осыпая Таню землей. Вырыв несколько штук, он уселся в позе терпеливого ожидания. Его влажный нос покрывал тонкий коричневый слой почвы.

Выкопав достаточно глубокую яму, Таня сорвала желтый цветок и положила его рядом с фэйри, опустила коробок в яму и засыпала землей. Кончики пальцев измазались в земле, но чувствовала она себя чуть лучше. Вернувшись к дому, она остановилась в тени большого дуба и вымыла руки под установленным во дворе краном. Покончив с этим, она хотела вернуться в дом, но тут с дерева спрыгнул Фабиан и приземлился в двух футах от нее.

— Привет! — сказал он. — Что это ты делаешь?

— Я? — возмущенно переспросила Таня, когда бешено заколотившееся сердце начало успокаиваться. — Что ты делаешь, прячась на деревьях и прыгая на людей? Ты чуть не до смерти напугал меня!

— Извини.

Ухмылка Фабиана выводила ее из себя. Она сердито смотрела на него, вытирая руки о джинсы. Фабиан был на несколько месяцев младше, ему еще не исполнилось тринадцати, но за год, прошедший с их последней встречи, он сильно вырос и теперь был заметно выше ее. В остальном его облик изменился мало: худой мальчик, голова кажется слишком большой по сравнению с телом. Густые, волнистые рыжеватые волосы, давно не стриженные и торчащие во все стороны. В отличие от отца, Фабиан имел нездорово бледный цвет лица, потому что все время проводил дома, поглощая одну научную книгу за другой. На прямом, тонком носу сидели очки, заметно увеличивающие умные голубые глаза.

Таниной матери Фабиан не слишком нравился. Она считала, что он развит не по годам, и ее безумно раздражала его привычка называть взрослых по именам, включая отца и деда, что даже Таня находила странным.

Когда они встретились прошлым летом, Фабиан поджаривал насекомых с помощью увеличительного стекла и записывал время, за которое они сгорали, в коричневую записную книжку в кожаном переплете, которую повсюду таскал с собой. На вопрос,

для чего все это, он смущенно отвечал: — научные исследования. Судя по его нынешнему виду, он занимался чем-то в том же роде. Вся одежда на нем была зеленой, за исключением коричневых сапог и шляпы. К шляпе он прицепил множество веточек и листьев, надо полагать, для маскировки, а к очкам крепилось самодельное устройство, состоящее из двух увеличительных линз, удерживаемых вместе проволокой и тесьмой.

— Так что же ты делаешь? — с любопытством спросила Таня, придя в себя. — Ловишь всяких беспомощных созданий, чтобы пытать и убивать их?

Фабиан пожал плечами.

— На самом деле это скорее наблюдательный проект.

— И что же ты наблюдаешь?

Снова несносная ухмылка.

— Кого ты похоронила в саду?

— Мертвую мышь, — ответила Таня, отчасти опасаясь, что он попросит выкопать ее, чтобы поэкспериментировать.

Несколько мгновений он пристально разглядывал ее.

— Жаль, — заявил он в конце концов. — Ты могла бы отдать ее Вулкану.

Они стояли, уставившись друг на друга; ни один не желал первым моргнуть или отвести взгляд. По счастью, Таня сильно преуспела в этом, поскольку часто практиковалась на одноклассниках. Фабиан сдался первым. Эта маленькая победа вызвала у Тани всплеск самодовольства. Она повернулась и зашагала к дому, а Фабиан, бросив на нее сердитый взгляд, полез обратно на дерево.

Войдя в дом, она направилась к себе и уже поставила ногу на первую ступеньку, когда заметила, что обычно запертая дверь в комнату справа была приоткрыта и оттуда в темный коридор проникал тонкий луч света. Она прокралась к двери. Изнутри не доносилось ни звука. Таня осторожно открыла дверь, вошла в комнату и остановилась, пораженная.

От пола до потолка вдоль стен тянулись полки, на которых стояли книги по всем темам, какие только можно себе представить. Большой письменный стол в углу у окна, тоже заваленный книгами, был покрыт густым слоем пыли.

Таня вытащила несколько книг с полок и пролистала их, поднимая клубы пыли. Стало ясно, что уже много лет никто не прикасался к ним. Проведя пальцем по корешкам, она поняла, что книги очень старые. Одна носила любопытное название «Мифические персонажи и магия». Таня открыла ее, просмотрела оглавление и нашла то, что искала.

— «Фэйри, — шепотом прочитала она. — Мифические существа из легенд и фольклора, также известные как феи, эльфы или „маленький народец“. Слово „фэйри“ заимствовано из французского языка и впервые стало употребляться в Англии во времена Тюдоров со ссылками на литературные источники прежних веков.

Существовало широко распространенное поверье, что, если ребенок фэйри родится безобразным, больным или изуродованным, фэйри могли украсть здорового человеческого ребенка, подменив его своим. Этих украденных детей называли подменышами.

В прошлом было принято дарить фэйри подарки. Люди верили, что, если оставят „маленькому народцу“ еду, их доброта будет вознаграждена удачей.

Защититься от докучливых фэйри можно с помощью простых методов: соль, ношение чего-нибудь красного из одежды или выворачивание ее наизнанку, железный гвоздь в кармане, нахождение около проточной воды».

— Фэйри, — прошептала Таня, водя пальцем по исполненному в старинном стиле тексту на странице.

Название казалось подходящим для них, этих странных созданий, которые преследовали ее.

Она порылась в верхнем ящике стола, но нашла лишь какие-то старые бумаги и сморщенных засохших насекомых. Второй ящик оказался либо заперт, либо его заело, однако в третьем она обнаружила обрывок бумаги, ручку и старомодный серебряный браслет с брелоками. Заинтересовавшись, она вытащила драгоценность из ящика. Браслет был тяжелый, холодный, и пусть серебро потускнело, но в работе отчетливо чувствовалась рука мастера. Каждый брелок поражал своей красотой. Таня положила его на стол. Интересно, сколько он пролежал в ящике и кто надевал его в последний раз?

Взяв обрывок бумаги, она начала писать, но потом заколебалась. Если фэйри обнаружат его, не стоит даже обсуждать, что они сделают на этот раз. Она ни на мгновение не усомнилась, что Гредин способен превратить ее в бессвязно бормочущую, лишенную памяти развалину.

— Но это же не мои записи, — сказала она себе. — Я просто копирую. Об этом он ничего не говорил.

Она слово в слово переписала отрывок из книги, аккуратно сложила бумагу, убрала ее в карман и с любопытством стала читать дальше.

«*См. также* Наваждение фэйри, Тринадцать сокровищ, Дворы: Благий и Неблагий».

— Хорошо… посмотрим, — пробормотала Таня и принялась снова листать страницы.

> «*Наваждение фэйри*: магическая иллюзия, столь мощная, что способна обмануть наблюдателя, воспринимающего ее как реальность; маска обмана, заставляющая омерзительное выглядеть прекрасным. Наваждение позволяет менять форму и размеры, принимать облик животного — как правило, птицы — или даже человека.
>
> Фэйри, с успехом притворяющийся смертным, обладает большой магической силой, однако наблюдательный человек может распознать обман по его поведению. Речь у них высокопарная, старомодная или рифмующаяся, одежда несовременная или неуместная. Природные образования — такие как желуди или камни — под чарами выглядящие, к примеру, как монеты, могут быть использованы ими для уплаты за товары и возвращаются к своему естественному виду спустя часы или даже дни».

Таня захлопнула том, затаив дыхание в восторге от такого открытия. Она зажала под мышкой выбранные книги, собираясь уходить, и тут маленькая книжка на столе привлекла ее внимание. Это оказался «Сон в летнюю ночь» Шекспира, щедро иллюстрированный. Любопытствуя, она положила свои книги и взяла эту. Когда она листала страницы, из книги выпал листок бумаги. Таня подняла его. Это оказалась вырезка из местной газеты, датированная 22 июня ровно пятьдесят лет назад. Многократно сложенная, она пожелтела от времени. Заголовок гласил: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ДЕВУШКА».

> «Вчера были организованы поиски дочери местного священника, не вернувшейся домой предыдущим вечером. Полиция не может найти объяснения исчезновению Морвенны Блум, четырнадцати лет, которая вчера вечером отправилась на прогулку в лес Висельника и пропала.
>
> Представитель полиции заявил, что они сильно опасаются за судьбу девушки. Последним ее видел местный шестнадцатилетний юноша рядом с пользующимися дурной славой катакомбами Висельника, которые за последние годы унесли жизни нескольких человек; к тому же это место привлекает самоубийц. Полиция допросила юношу, но позднее

освободила его без предъявления обвинения. Местные жители уже в который раз призывают власти в интересах безопасности огородить провалы в земле».

Таня снова положила вырезку между страницами.

Катакомбы Висельника находились в глубине леса позади поместья, разветвляясь под землей на множество тянущихся на мили туннелей. Считалось, что они естественного происхождения, хотя ходили разговоры, будто это остатки меловых шахт. В последние годы вокруг каждого входа установили ограждения, и тем не менее Уорик всегда предупреждал Фабиана и Таню, чтобы они не заходили дальше бегущего по лесной опушке ручья. Таню никогда в лес и не тянуло. Ее пугали фэйри, несомненно обитающие там.

Кто-то негромко откашлялся у нее за спиной.

Она подскочила и обернулась. В дверном проеме стояла бабушка.

— Что ты здесь делаешь?

Таня громко сглотнула, уверенная, что на ее лице написано чувство вины.

— Я просто… Дверь была открыта, и мне захотелось взглянуть на книги.

Флоренс вошла в комнату и сняла с полки книгу.

— Некоторые из них очень старые. — Она провела линию на пыльной обложке. — Многие находятся здесь с тех пор, как был построен этот дом, то есть больше двухсот лет.

Таня беспокойно заерзала, опасаясь, что ее ждет выговор.

— Я вот что нашла, — сказала она, достав из книги газетную вырезку. — Это о девушке, пропавшей пятьдесят лет назад.

На лице бабушки промелькнуло странное выражение, похожее на страх. Однако оно тут же сменилось характерной для нее невозмутимостью.

— Мы с ней были ровесницами… ходили в одну школу. Ее отец служил священником в маленькой церкви неподалеку.

— Вы с ней дружили?

— Да. Какое-то время, когда были помладше. — Флоренс резко, с обеспокоенным видом оборвала себя. — Потом… разошлись.

— Ее нашли? — спросила Таня.

— Нет. Больше ее никто не видел. — Флоренс положила вырезку на стол и подула на паутину. — Эта комната нуждается в хорошей уборке. Уорик еще две недели назад обещал сделать это, но у него все руки не доходят.

— Я с удовольствием помогла бы, — сказала Таня, думая об

открывающихся при этом возможностях.

— Спасибо. Уверена, Уорик будет рад твоей помощи. — Взгляд синевато-серых глаз Флоренс привлек браслет с брелоками. — А я-то все думала, куда он подевался.

Она поднесла браслет к свету. Брелоки тускло поблескивали на солнце.

— Это твой? — спросила Таня.

— Да. Это старая фамильная драгоценность. Он очень давно принадлежит нашей семье.

Таня внимательно разглядывала браслет, подсчитывая серебряные брелоки. Тринадцать любопытных маленьких вещиц, каждая изящно и тонко сделана; самыми впечатляющими среди них были ключ, украшенный драгоценными камнями кубок и крошечный канделябр.

— Какой красивый, — сказала она.

— Тяжелая, неуклюжая вещь, — ответила бабушка. — Я уже давным-давно не ношу его. — Взгляд у нее стал отсутствующим. — В прежние времена люди высоко ценили такие вещи. Считалось, что они охраняют от злых сил — что-то вроде талисманов на удачу или для защиты.

Неожиданно она протянула браслет Тане.

— Хочешь? Внизу под раковиной есть средство для чистки серебра, и он будет как новенький.

— Ох! — Предложение застало Таню врасплох. — Спасибо.

Она застегнула браслет на своем тонком запястье, смущенная неожиданным бабушкиным великодушием.

Коротко кивнув, Флоренс покинула комнату, оставив дверь открытой. Таня с неохотой последовала за ней, но бабушка, казалось, растворилась в воздухе. Таня быстро вернулась в комнату, прихватила книгу «Мифические персонажи и магия», вышла и осторожно притворила за собой дверь библиотеки. Из дедушкиных часов доносился топоток фэйри, и Таня подошла ближе, думая, что сможет услышать перебранку здешних обитателей, однако голоса тут же смолкли. Девушка пошла дальше и свернула на кухню.

Она проголодалась — ведь за обедом она почти ничего не ела. Сделала себе сэндвич, налила в высокий стакан апельсинового сока, села и в тишине принялась за еду, но потом ее внимание привлекли странные звуки. От чайницы слышался приглушенный храп, и она внезапно вспомнила о живущем там брауни, крошечном создании с мерзким характером, разбивающем глиняные горшки и заставляющем прокисать молоко, когда он бывал чем-то недоволен, а такое случалось частенько.

Покончив с едой, она вымыла и вытерла тарелку, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить брауни, а потом на цыпочках покинула кухню. Коридор был пуст, хотя, по-видимому, недавно тут проходил Фабиан: на полу валялись листья и ветки. Таня поднялась по лестнице на первый этаж, вошла в свою комнату и заперла за собой дверь, убедившись, что в коридоре никого нет. Обычно она не запиралась, но сейчас это было необходимо, поскольку она не хотела, чтобы ее застали врасплох.

Она осторожно опустилась на колени перед камином и закатала ковер, под которым обнаружилось грубо обработанное, неполированное дерево. Таня приподняла кусок половицы и отодвинула его в сторону. Внизу открылось пространство, достаточно большое для обувной коробки, — тайник, который Таня обнаружила, когда ей было семь. Она проверила, не завелись ли там пауки, достала коробку и сняла крышку. В коробке лежали ее записки, несколько семейных фотографий и разбухший старый дневник. Таня стиснула зубы. Очевидно, фэйри пока его не обнаружили.

Она вытащила из кармана сегодняшние заметки, перечитала их и положила на дно коробки. Установила кусок половицы на место, раскатала ковер, спрятала книгу под одеяло. Из головы не выходило: сколько же еще интересного ждет ее в библиотеке!

И уже встав и направляясь к туалетному столику, она заметила на полу черное перо, похожее на воронье.

5

Тикиэнд — торговый городок, где люди водят собак в специальные собачьи парикмахерские, а по воскресеньям усердно моют свои машины; где соседи спорят о том, у кого лучшая коллекция садовых гномов. Это город, где все знают всех, и если вы нездешний, занавески на окнах подрагивают, когда вы проходите мимо.

На главной улице города так много интересных и необычных магазинов — даже за целый день вам не обойти их все. По вторникам, четвергам и субботам на площади открывается рынок, где торговцы зазывают прохожих покупать товары, а те вовсю торгуются, чтобы не заплатить слишком много. Повсюду изобилие ярких красок, от блестящей серебристой чешуи только что пойманной рыбы до спелых фруктов и плодов всех цветов и оттенков, а по утрам воздух наполняет восхитительный запах только что испеченных пирожков с мясом или яблоками.

Многочисленные антикварные магазины и лавки древностей прячутся в глубине, подальше от суеты и толкотни главной улицы. Именно в этих магазинах Таня любила проводить часы.

Во вторник утром она проснулась рано и прошла полмили до полуразрушенной автобусной остановки, стремясь покинуть унылое поместье хотя бы на несколько часов. К несчастью, возникла одна загвоздка. Бабушка отпустила ее лишь с условием, что сопровождать ее будет Фабиан.

До Тикиэнда ехали минут пятнадцать по приятной, живописной местности, хотя воздух доносил с окрестных полей противный запах компоста. Выйдя из автобуса, они пошли на площадь, где рынок уже кипел вовсю и было не протолкнуться.

Вскоре Таня заметила прилавок, где продавали ткани: шелка, ленты и тесьму всех цветов радуги. Она задержалась возле груды шелковых шарфов, модных этим летом. На хорошенькой азиатке за прилавком был бирюзовый шарф. Всегда равнодушная к моде, Таня хотела пройти мимо, но тут увидела шарф в красных тонах. Вспомнив отрывок из обнаруженной в библиотеке книги, она полезла в карман за деньгами.

Фабиан фыркнул.

— А я-то думал, ты такая пацанка!

Таня не ответила. Как только девушка вручила ей коричневый бумажный пакет и сдачу, она вытащила шарф из упаковки и надела, мечтая теперь проверить, можно ли хоть в какой-то степени полагаться на старую книгу. Они пошли по рынку; Фабиан остановился, заинтересовавшись научно-

фантастическими комиксами, а Таня потратила последние деньги на большую мозговую кость для Оберона, которую тот, конечно, с радостью будет грызть. Лежа в хозяйственной сумке, кость неприятно ударяла Таню по бедру во время ходьбы.

Судя по всему, день обещал быть жарким. Побродив по Тикиэнду часа два, Таня почувствовала, что новые сандалии натерли ей ноги.

— Сколько сейчас времени? — спросила она Фабиана, автоматически глянув на свое запястье и вспомнив, что часов у нее больше нет.

Сегодня утром она положила их на край ванны, а обитатель водостока украл их.

— Четверть двенадцатого, — ответил Фабиан. — До следующего автобуса еще полчаса.

Таня кивнула. Она хотела вернуться в особняк не только из-за растертых ног — она договорилась с Уориком, что после обеда поможет ему убираться в библиотеке.

Они шли по Вишбонвок, любимой улице Тани в Тикиэнде. Все дома тут были старые, обшарпанные, а между ними теснились необычные магазинчики, которые так ей нравились. Кроме того, тут имелось множество пабов и гостиниц.

Фабиан шел, напевая какую-то мелодию, но то и дело обрывая себя, чтобы рассказать очередную местную сплетню. Таня слушала его с интересом, хотя в жизни не призналась бы в этом. Фабиан был кладезем информации и обладал даром рассказчика, это Таня заметила уже давно. Когда речь заходила об интересном для него событии, глаза Фабиана вспыхивали, он оживлялся, напоминая Тане учителя-энтузиаста или актера на сцене. Внезапно он кивнул на паб под названием «Винтовая лестница».

— Этой зимой здесь провалился сад. Видимо, от дождей земля просела, а внизу оказались катакомбы. Хорошо еще, что это произошло не летом, когда в пабе сидят люди. Теперь многие жители заключают специальную страховку на случай, если такое случится с ними. А вот та маленькая гостиница по-настоящему древняя… Я когда-нибудь рассказывал тебе о потайном ходе, который тянется под землей к поместью?

— Всего лишь миллион раз, — со стоном ответила Таня. — Неужели ты все еще веришь во все эти тайные ходы? Это такой вздор!

— Никакой это не вздор! — запротестовал Фабиан. — Это правда. В местных исторических книгах рассказано о ведущем к поместью туннеле. Но он то ли замурован, то ли засыпан обвалившейся землей… Самое обычное дело для больших старых

зданий — иметь тайные проходы, по которым можно сбежать в случае вторжения. Отсюда можно предположить, что есть и еще один, ведущий к церкви.

— Мы уже столько раз искали твои тайные проходы, но только распугивали диких гусей, — фыркнула Таня. — Наверняка кто-то просто придумал все это, чтобы Тикиэнд казался более интересным.

— Ну, это было весело — искать их, пусть даже мы ничего и не нашли.

— Да уж, очень весело таскаться под дождем, — грубо ответила Таня. — Как бы то ни было, моя бабушка и твой отец не раз повторяли, что нет никаких туннелей… все это просто слухи.

— Конечно, они и должны так говорить, — мрачно заметил Фабиан, — потому что не хотят, чтобы мы шныряли по округе в поисках. А если кто-то и знает секреты дома, то это Уорик.

— Почему ты называешь по именам его и Амоса? — спросила Таня. — Почему не называешь Уорика папой?

Фабиан пожал плечами.

— Так уж привык, еще с малых лет.

— Ну а почему бы сейчас не перестроиться?

— Не знаю. Просто… не называю, и все.

— Но это странно, — настаивала Таня. — И ты же знаешь, это раздражает его.

Скользнувшая по губам Фабиана улыбка прояснила, что как раз этого он и добивается. Он тут же сменил тему разговора, и улыбка исчезла.

— Сейчас будет место, от которого у меня всегда мурашки по коже, — продолжал он, пока они шли дальше по улице. — Старый детский дом.

Таня проследила за его взглядом и увидела ветхий дом в стороне от дороги. Очевидно, заброшенный — с разбитыми или заколоченными окнами, с осыпающейся кирпичной кладкой. Окружающая дом ограда из колючей проволоки придавала ему неприветливый и унылый вид. Интересно, как это она никогда не замечала его прежде?

— Мне он кажется просто печальным, — сказала она. — Но такие дома — обычное дело. Приюты — не самые веселые места.

Фабиан покачал головой.

— Нет, это не потому, что приют, а потому, что там происходили исчезновения.

— Исчезновения?

— Всего год назад там пропадали дети, в основном совсем малыши. Не старше двух-трех лет. Проводилось серьезное расследование, и приют закрыли.

Холод закрался в сердце Тани, когда она вспомнила найденную в библиотеке газетную вырезку о пропавшей девушке. Похоже, в Тикиэнде дети растворяются в воздухе.

Они замолчали, продолжая идти по дороге. Время от времени Таня заглядывала в окна магазинов, стараясь выкинуть из головы мысли о детском доме. На углу улицы в стороне от остальных стоял крошечный магазинчик, который Таня помнила как захудалый, без названия, с мутными окнами и облупившейся краской. Весь прошлый год он был пуст, однако сейчас, видимо, тут появился новый хозяин, поскольку магазинчик был не только заново выкрашен, но и обзавелся названием: «Ящик Пандоры». Мгновенно заинтересовавшись, Таня окликнула Фабиана, который, опустившись на колени, набрасывал что-то в своей записной книжке.

— Я хочу зайти туда.

Фабиан поднял на нее взгляд.

— У нас осталось совсем мало времени. Пора уже свернуть к автобусной остановке.

— Ты иди, — сказала Таня. — Я тебя догоню. Если заблужусь, я позвоню тебе. — Она достала из кармана сотовый телефон и включила его, дожидаясь, пока экран засветится. — Ну вот, наконец-то есть сигнал. В поместье его никогда не бывает. Какой номер твоего мобильника?

Фабиан закатил глаза.

— У меня нет мобильного телефона. Уорик не разрешает. Говорит, я слишком молод. У Флоренс Интернета тоже нет. Я живу прямо как среди динозавров. — Он снова вернулся к своему наброску. — Я подожду здесь. Только быстро.

Когда Таня открыла дверь, над головой звякнул колокольчик. Внутри пахло ладаном. За стойкой сидела полная женщина с румяным, добродушным лицом. Таня осторожно пошла вдоль полок, заставленных всякими любопытными вещами. Здесь было множество банок и бутылок с сухими травами и порошками. На одной висела этикетка «Драконья кровь». Продвигаясь вглубь магазина, Таня миновала статуэтки ведьм, колдунов и созданий типа гоблинов, хрустальные шары и лотки с полудрагоценными камнями. Заметив в дальней части магазина книжную полку, она свернула к ней. Там были книги о картах Таро, астрологии и прочем в том же духе, но ни одной книги о фэйри.

И тут колокольчик снова звякнул — кто-то вошел в магазин. Таня обернулась, чтобы посмотреть, кто это, и заранее сердясь, если это Фабиан, вошедший, чтобы поторопить ее. Однако это оказался не Фабиан. Уголком глаза Таня разглядела старую женщину, медленно волочащую ноги, нагруженную тяжелыми

хозяйственными сумками. В окно было видно, что Фабиан закончил делать наброски и теперь стоял с видом нетерпеливого ожидания. Таня решила, что пора уходить. Однако, обогнув высокую груду стоящих друг на друге коробок, она столкнулась со старой женщиной. Сумки упали на пол, из них во все стороны покатились персики и яблоки.

— Простите, — смущенно пробормотала Таня и опустилась на колени, чтобы помочь женщине. — Вы не ушиблись?

Старая женщина пристально смотрела на нее и не отвечала. Руки у нее слегка дрожали, кожа была тонкая, изрезанная глубокими морщинами, волосы заплетены в длинную косу. Одета старомодно. Во многих местах одежда залатана, а кое-где так и остались дыры. Странное выражение промелькнуло на лице старой женщины. Таня нервно сглотнула, во рту внезапно пересохло. Что-то было в этой женщине пугающее, и Тане не нравилось, как та смотрит на нее.

— Мне правда очень жаль.

Отводя взгляд, она отдала женщине сумку с собранными фруктами.

Женщина медленно протянула Тане сомкнутую ладонь.

— Думаю, это для тебя.

Не желая показаться грубой, девушка тоже протянула руку. От прикосновения искривленных узловатых пальцев Таня ощутила покалывание, как будто от несильного удара электрического тока. Женщина вложила в ее ладонь что-то холодное, гладкое и тяжелое. Это был тусклый бронзовый компас, круглый, с длинной цепочкой, чтобы носить его на шее. Большинство букв отсутствовали — видимо, стерлись от времени. Таня в недоумении смотрела на него. Может, старая женщина подумала, что, столкнувшись с ней, девушка выронила компас?

— Это не мой.

Женщина не ответила. Вместо этого она потянулась к новому шарфу Тани, пропуская между пальцев красный шелк.

— Хороший цвет для хорошенькой девушки. И мудрый выбор.

Таня почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Что вы имеете в виду? — тонким испуганным голосом спросила она. — Кто вы?

По-прежнему игнорируя ее вопросы, женщина кивнула на компас:

— Береги его… и используй с толком.

Она развернулась и заковыляла к двери.

Таня, все еще потрясенная встречей, вышла на солнечный свет. Фабиан ленивой походкой подошел к ней.

— Ты понимаешь, что нам еще час ждать, если мы пропустим

этот автобус? — Он бросил взгляд на компас в Таниной руке, но тот не произвел на него впечатления. — Ты что, купила это старье?

— Старуха, — дрожащим голосом ответила Таня. — Она отдала мне его.

— Какая старуха?

Фабиан окинул взглядом улицу, но женщина исчезла.

— Она была в магазине, — ответила Таня, оцепеневшими пальцами сжимая компас. — Она прямо передо мной вышла.

Челюсть у Фабиана отвисла.

— Ты имеешь в виду Безумную Мораг?

— Безумная Мораг? Ты ее знаешь?

— Все ее знают.

Фабиан затрусил по дороге. Чтобы не отставать от него, Тане пришлось почти бежать, и кость для Оберона колотила ее по коленям.

— Как ты познакомился с ней? — тяжело дыша, спросила она, когда они выскочили на площадь и пробегали мимо прилавков.

— На самом деле я с ней не знаком. Я имел в виду, что знаю о ней. Ходят всякие слухи.

— Какие?

— Типа, что она живет в лесу в фургоне и редко покидает его. И еще реже разговаривает с людьми — только когда предсказывает им судьбу. Предполагается, что она ведьма.

Показался автобус, и к нему тут же выстроилась очередь.

— Я не стал бы обращать на нее внимание, — добавил Фабиан. — Мало ли что в голову старухе взбредет.

Но, даже оказавшись в автобусе, Таня не перестала думать о старой женщине. Взглянув на компас, она впервые заметила, что стрелка вращается, а не указывает в каком-то одном направлении.

— Он даже не работает, — заметил Фабиан. — Выбрось его. Ты не знаешь, в чьих руках он побывал.

— Можно мне? — послышался голос с заднего сиденья. — Не возражаете, если я взгляну на него?

Повернувшись, Таня увидела неряшливого мужчину средних лет, с живейшим интересом наклонившегося к ней. Одет он был странно, не по погоде — тонкий, изорванный плащ и широкополая шляпа, отчасти скрывающая лицо.

— Видите ли, я собираю старинные вещи, — продолжал он, достав очки и протянув к Тане руку.

Она неохотно отдала ему компас. Внезапно возникло необъяснимое ощущение, будто каким-то образом этот человек ей

знаком. Может, видела по телевизору, в программе о собирателях древностей? Она попыталась вглядеться в его лицо, но незнакомец наклонил голову, изучая компас, и теперь она видела лишь его шляпу. Спустя мгновение он поднял взгляд, и Таня быстро отвела глаза, поскольку не хотела, чтобы он понял, что она его разглядывает.

— Сколько ты заплатила за него?

Таня непонимающе смотрела на него.

— Пять фунтов, — солгала она.

— Если бы он работал, то стоил бы все пятьдесят, — сказал незнакомец. — Но все равно он стоит дороже. — Сжимая компас одной рукой, он сунул другую в карман и вытащил пачку хрустящих банкнот. — Я дам тебе за него двадцать фунтов.

Таня так удивилась, что сразу не нашлась что ответить. По счастью, на помощь ей пришел Фабиан.

— Почему? — не скрывая подозрительности, спросил он.

— Я же сказал, что торгую древностями.

— Нет, вы сказали, что собираете древности, — мгновенно возразил Фабиан.

Улыбка человека погасла. Было ясно, что настойчивость Фабиана раздражает его.

— Я дам тебе тридцать фунтов. — Теперь он снова обращался к Тане. — Это хорошая сделка, поверь мне.

— А я вот вам не верю, — тут же заявил Фабиан. — Откуда нам знать, сколько компас стоит на самом деле, если приходится полагаться только на ваше слово? Вы вполне можете быть и обманщиком.

Разговор привлек внимание других пассажиров, люди стали перешептываться. Таня и двух слов не сказала незнакомцу, но чем больше он настаивал, тем больше ею овладевала решимость оставить компас у себя.

— Тридцать фунтов — мое последнее предложение, — жестко, уже без малейшего оттенка притворного дружелюбия заявил мужчина.

Надо полагать, последнее замечание Фабиана возмутило его.

— Эй! — крикнул водитель автобуса. — Оставьте детей в покое, а не то сойдете на следующей остановке!

Торговец древностями густо залился краской и встал.

— Я сойду немедленно.

Таня протянула руку и вздрогнула, когда он с силой впечатал компас ей в ладонь. Ворчание клокотало у него в горле, когда он шагал к передней двери автобуса. Водитель резко затормозил, хотя никакой остановки здесь и близко не было, и человек вышел.

— Скатертью дорога, — пробормотал водитель.

Они поехали дальше, оставив торговца древностями позади.

— Наверное, я перегрелся на солнце. — Фабиан потряс головой. — Я мог бы поклясться… ладно, проехали.

— Нет, скажи, что?

— Просто когда он встал, мне показалось, что стрелка его часов движется в обратную сторону, — со смехом ответил Фабиан. — Глупо, знаю. Как бы то ни было, он вел себя слишком назойливо. Этот компас наверняка стоит немало и, скорее всего, дороже, чем он предлагал. — Он замолчал и со злорадным вскриком поднял что-то с пола. — Смотри! Старый дурак, должно быть, уронил это, когда размахивал тут своими деньгами! — Он продемонстрировал Тане хрустящую двадцатифунтовую банкноту. — Наверно, выпала у него из кармана. Эй, она твоя. Купи себе новые часы.

— Я не могу взять эти деньги, — ответила Таня. — Это же кража… типа того.

Фабиан закатил глаза.

— Уж будто бы. Ты его никогда больше не увидишь и при всем желании не сможешь вернуть их. Отдай на благотворительность, если просто взять тебе неприятно. Или отдай мне. Я найду, как потратить их. А он, мне кажется, даже не заметит потери.

Таня сунула банкноту в карман — ничего другого ей просто в голову не пришло.

К тому времени, когда они доехали до своей остановки, краска начала возвращаться на Танины щеки. И пока они шли к дому, она в первый раз в жизни почувствовала, что просто жаждет вернуться в бабушкино поместье. Однако, когда десять минут спустя они туда добрались, ее ожидало новое потрясение.

Лендровер Уорика стоял во дворе, а его прицеп был доверху набит книгами. Таня мгновенно поняла, что он начал уборку библиотеки без нее и, судя по всему, большая часть работы уже сделана. Она бросилась внутрь. Дверь библиотеки была распахнута, Уорик стоял на письменном столе спиной к двери.

— Что вы собираетесь сделать с ними? — воскликнула она, не в силах сдержать возмущение.

Не прекращая своих трудов, Уорик буркнул через плечо:

— Отвезу в благотворительный магазин.

Таня пробежала взглядом по рядам оставшихся книг и поняла, что ни одна из них ей не пригодится.

— Что тут происходит?

Она повернулась. В дверном проеме стоял Фабиан.

— Твой отец решил избавиться от всех книг в доме, вот что тут происходит!

Фабиан вытаращил глаза.

— С какой стати?

Не отвечая, Таня покинула библиотеку — никакого смысла оставаться и помогать теперь не было — и поднялась по лестнице. Пробегая мимо дедушкиных часов, она услышала хихиканье внутри и с трудом сдержала желание ударить по часам ногой.

Оказавшись в своей комнате, она, тяжело дыша, упала на кровать и почувствовала, как что-то болезненно врезалось в бедро. И только тут вспомнила про компас. Вытащила его из кармана и с сомнением принялась разглядывать. Мало того что стрелка не работала, так еще вместо буквы «С», указывающей, где север, была буква «Д». Что бы это значило? Таня засунула компас под подушку, снова и снова задаваясь вопросом: почему старая женщина отдала его ей?

6

Утром в среду крепко спавшую Таню разбудил чей-то крик. Она посмотрела на окно: через плотно задернутые занавески проникал яркий солнечный луч. Часы на туалетном столике показывали шесть утра.

Крик не смолкал. Амос, отец Уорика, звал его из своей комнаты на втором этаже. Старик был вне себя и с каждой минутой кричал все громче: — Уорик? Где ты? Я хочу завтракать! Уже поздно! Ты всегда опаздываешь, парень!

Тяжелые шаги прогрохотали по второму этажу — Уорик поспешил к старику. Последние пять лет с Амосом общались лишь его сын и Танина бабушка, а больше никто. Старик стал затворником и не желал видеть даже Фабиана. Уорик являлся к нему по первому зову что днем, что ночью, а если его не было дома, когда отец вызывал его, старик продолжал кричать до тех пор, пока хватало сил.

Наверху хлопнула дверь, и крики смолкли. Таня лежала, глядя на растрескавшийся, грязный потолок и понимая, что уснуть больше не удастся. В конце концов она встала, тщательно умылась и оделась: джинсы, сандалии и ярко-красная футболка.

Завтрак протекал мрачно. Таня снова и снова помешивала кофе, глядя в чашку, словно надеялась там что-нибудь увидеть. Фабиан, все еще сонный, гонял по тарелке обкусанный кусок тоста и молчал.

— Уорик сказал мне, что ты вчера немного расстроилась, — произнесла бабушка и отпила глоток чая.

Сама она ничего не ела по утрам, но настаивала, чтобы на завтрак все собирались за столом, что чрезвычайно раздражало Таню.

— Я не расстроилась, — ответила Таня. — Я просто хотела помочь.

— Понимаю.

Уклончивый ответ Тани ни на мгновение не обманул Флоренс.

— Я думала, Уорик хочет прибраться в библиотеке, — продолжала Таня. — Мне и в голову не приходило, что он задумал избавиться от всех книг.

Она бросила осуждающий взгляд на Уорика, но тот остался невозмутим.

— На самом деле это была моя идея — увезти книги, — объяснила бабушка. — Уже много лет никто не читал их.

— Я читала бы! — воскликнула Таня.

— Сожалею, — сказала Флоренс без намека на сожаление в голосе. — Если бы я знала, то сохранила бы их. — Она помолчала и допила чай. — Однако я не могу попросить магазин вернуть книги.

Таня молчала, подозревая, что может наговорить лишнего. Бабушкино высокомерие начинало действовать ей на нервы. Она искренне обрадовалась, когда завтрак закончился, и заторопилась к себе в комнату. Когда она застилала постель, компас выскользнул из-под подушки и со стуком упал на пол. Таня спрятала его в тайник под половицей, достала из складок покрывала унесенную из библиотеки книгу и прижала к груди, радуясь, что спасла ее от Уорика. Ей хотелось выбраться из дома и никого не видеть.

Она свистнула Оберону, терпеливо ждавшему под лестницей. Они вышли через заднюю дверь и углубились в заросший сад. В самом дальнем конце, возле калитки, находился всеми забытый садик с декоративными горками, тоже заросший сорняками и кустами, пробившимися между камней. Сегодня он казался еще более жалким, чем обычно. Потом Таня заметила еще кое-что. На каменной горке стояли три безобразных и очень реалистично выглядящих садовых гнома. Она удивилась. Не в характере бабушки была такая блажь, как садовые украшения. Вдруг один из гномов пошевелился. Таня подскочила.

Они были настоящие!

Оберон взвизгнул и спрятался за ее ногами. Удивительно, но существо, казалось, не смотрело на нее. Оно не отрывало взгляда от Оберона с таким алчущим выражением, что Таня не на шутку заволновалась.

— Вы… вы гоблины? — спросила она настороженно.

Гоблин — или кто он там был — вздрогнул и посмотрел на нее, как если бы только сейчас заметил. До Тани дошло, что сначала он не видел ее — может, красная футболка подействовала? — и заметил, только когда она заговорила. Она мысленно выругала себя за тупость.

Существо продолжало таращиться на нее. Ростом оно было не выше колена взрослого человека, лицо толстое, похожее на жабье, а зубы такие большие, что наверняка могли всерьез укусить. Таня перевела взгляд на двух других. Один сильно горбился, ему приходилось выворачивать шею, чтобы как следует разглядеть девушку. Другой попятился, словно оробев. Он был самый мелкий из них и выглядел бы даже симпатичным, если бы не жуткие синяки, покрывающие его с головы до ног. Старые были желтовато-зелеными, а совсем свежие отливали голубым и фиолетовым. Один глаз окружало черное пятно.

Этот первым и заговорил:

— Молю, скажите… Что такое тут творится? Смертное дитя, которое нас не боится?

Он говорил нараспев, глубоким голосом странного тембра.

— Второе зренье ей дано и потому нас видеть суждено, — сказал Горбун.

Таня отступила на шаг. Странные маленькие человечки начинали пугать ее. Любопытно они были одеты: разнородные куртки и штаны, сшитые из выброшенных людьми вещей — занавесок, одеял и кухонных полотенец. Кое-где на месте дырок были пришиты листья — острый взгляд Тани заметил аккуратные поблескивающие стежки, очень похожие на нити паутины. Ноги у существ были голые, грязные и поцарапанные.

— Так вы гоблины? — повторила она, но они, казалось, не понимали. У нее мелькнула одна мысль. — Если я в рифму заговорю, может, ответ от вас получу?

Мгновение она думала, что все без толку, но потом Жаба ответил:

— Задавать вопросы фэйри смертные не смеют. Что-что, а хранить свои секреты мы умеем.

Таня напряженно обдумывала следующий вопрос. Обычно стихи давались ей без труда, но придумать их молниеносно для поддержания разговора оказалось гораздо сложнее.

— Вы гоблины, спрошу я снова? Да или нет? Скажите одно слово, — произнесла она спустя пару минут.

— Я не могу сказать, не приставай! Ответа не услышишь, так и знай! — отрезал Жаба, а остальные загоготали, приплясывая в ритме его слов.

Таня снова задумалась, не желая признавать поражения. Но, увы, ничего больше не приходило в голову.

— Я устала в ваши глупые игры играть и больше не буду вопросов вам задавать.

Она сделала несколько шагов, собираясь пройти мимо них, но Горбун преградил ей дорогу.

— Это вовсе не игра, уверяю. Просто мы смертным не доверяем.

Таня достала из кармана блокнот и написала несколько строк, стараясь, чтобы получалось в рифму.

— Фэйри умеют только лгать и красть, а люди думать и понимать, — начала она, глядя в блокнот. — Все совсем наоборот. Я не доверяю фэйри, вот.

Существа уставились на нее: по-видимому, они не ожидали, что она способна не отставать от них в стихосложении. Тот, что с синяками, сделал шаг вперед.

— Ты слишком много просишь, да пойми ты. Мы, гоблины, храним свои секреты.

— Понимаю, — сказала Таня. — Значит, вы все-таки гоблины!

Гоблин выглядел потрясенно, когда осознал свою ошибку. Товарищи окружили его, в их глазах пылал гнев.

— Ах ты кретин! Тупица! — заорал Жаба. — Ну надо ж так проговориться!

— Простите, простите, что я упомянул! Я не хотел, просто нечаянно сболтнул! — запричитал виновный, пытаясь отступить, но больше идти было некуда — спина уперлась в стену.

— Хватит ныть и прими, что тебе причитается. Хорошая взбучка — вот что за это полагается! — Горбун схватил провинившегося за руки и завернул их ему за спину. — Стой спокойно! Не сучи ногами! Может, тогда научишься держать язык за зубами.

Жаба с силой врезал несчастному кулаком в живот, и тот взвыл.

Таня вздрогнула.

— Прекратите!

Однако Жаба и не думал прекращать — и Таня не знала, как остановить его. Он наносил бедняге удар за ударом, а она лишь наблюдала беспомощно. Горбун держал крепко, восторженно взвизгивая каждый раз, когда избиваемый вскрикивал. Наконец Жаба закончил, тяжело дыша и вспотев от усилий; избитый, покрытый новыми синяками гоблин рухнул на землю и остался лежать, неудержимо рыдая. Ссадины на лице кровоточили. Нижняя губа порвана и вздулась. Слезы струились по щекам, смешиваясь с кровью, свертывающейся в бороде.

— Скоты! — воскликнула Таня.

Рыдания истекающего кровью гоблина постепенно стихли, перейдя в негромкое хныканье. Положив книгу на каменную горку, Таня достала из кармана скомканный носовой платок и опустилась перед беднягой на колени. Он не мешал ей промокать раны на лице, но продолжал негромко подвывать.

Потом Таня отдала ему пропитанную кровью ткань. Теперь было понятно, откуда у него синяки. Она встала и повернулась к двум другим гоблинам.

— Дотроньтесь до него еще раз, и мой пес с вами рассчитается. Тогда посмотрим, кто трус, а кто хорошо сражается.

Оберон угрожающе зарычал, хотя продолжал держаться за спиной Тани.

— Брансвик не стоит того, чтобы его защищать, — сказал Горбун. — Он туп, как пробка, это надо понимать.

Жаба нахмурился. Таня подумала, что сейчас он набросится

на Горбуна — за то, что тот проговорился, назвав имя товарища, — но этого не произошло. Ей стало ясно, что вожак гоблинов был трусом, предпочитающим иметь дело исключительно с легкой добычей. Увидев, что она с презрением смотрит на него, он ухмыльнулся.

— Можешь самодовольно улыбаться, но когда-нибудь придется за все рассчитаться, — сказала Таня, сама не понимая, как у нее вот так сразу складно получилось.

Жаба перестал улыбаться, отхаркался и плюнул в Таню; желто-зеленая слюна едва не задела ее.

— Ты сегодня много чего наболтала. Оставь нас, пока и тебе не перепало.

Таня посмотрела в его полное ненависти лицо и решила, что и правда, лучше уйти. Она взяла книгу, открыла калитку и, обойдя гоблинов стороной, пошла к лесу. Но успела сделать всего несколько шагов, когда неуверенный голос окликнул ее:

— Здесь красный цвет поможет тебе защищаться, но в лесу нужно многого опасаться.

Таня резко обернулась. В воротах стоял Брансвик, прижимая к лицу окровавленную ткань.

— Что ты сказал? Ты там что-то видал?

Однако Горбун не дал Брансвику ответить, утащив его в сад и с силой захлопнув калитку. Девушка постояла в раздумье, хотя понимала, что возвращаться и расспрашивать гоблинов бесполезно. Это предупреждение, скорее всего, стоило Брансвику новой взбучки.

Таня шла по траве, покрытой сверкающей утренней росой; влага проникала в сандалии, и ноги быстро промокли. Усевшись рядом с зарослями орешника, она услышала журчание текущего неподалеку ручья. Оберон плюхнулся рядом, и она ласково погладила его по голове.

В глубине леса прозвучал выстрел. Таня поняла — это охотится Уорик. Последовали новые выстрелы, постепенно затихая в отдалении. За спиной в кустах кто-то шуршал. Оберон потрусил к маленькому ручью и принялся лакать кристально чистую воду. Таня зевнула, потянулась и раскрыла книгу. Вспомнив, что читала прежде, она сразу же обратилась к оглавлению — и нахмурилась. Вместо перечня статей и номеров страниц там было множество слов и чисел, не имеющих никакого смысла. И то же самое на всех страницах: абсолютно непонятный текст. Все содержимое огромного тома — в том числе бесценные сведения о фэйри — оказалось полностью перемешано. Со стоном отчаяния Таня вспомнила, как, вытирая лицо Брансвику,

выпустила книгу из рук. Пока она была занята, Горбун, видимо, и навел порчу.

Теперь от книги не было никакого толку.

В кустах хрустнула ветка. Таня вздрогнула.

— Эй? — окликнула она.

Молчание.

Таня мысленно выругала себя. Это, наверное, какое-то дикое животное — может, олень. Снова треснула ветка, уже ближе, потом послышался шелест. Насторожив уши, Оберон принюхался.

Из кустов выскочил кролик, прямо под нос псу, и помчался дальше по воде. Оберон радостно залаял — и бросился в погоню, через ручей в глубину леса.

Таня вскочила, все еще сжимая в руках книгу.

— Оберон! Вернись!

Куда там! Он не собирался возвращаться, пока не поймает кролика. Потом кто-то еще продрался сквозь кусты, и Таня снова вздрогнула.

— Ты!

Фабиан робко отряхнул с волос и одежды траву и листья, его обычно бледное лицо пылало.

— Зачем ты шпионишь за мной? — закричала Таня.

— Я не шпионю. Я просто ищу… ну… бабочек и все такое.

— Это ты называешь наблюдением? Ты следишь за мной!

С сердитым вскриком Таня бросила бесполезную книгу на землю. Фабиан не сводил с нее удивленного взгляда.

В отдалении прозвучал новый выстрел. Бросив на Фабиана последний сердитый взгляд, Таня пошла на звук.

— Ты же не собираешься туда? — спросил он.

— Благодаря тебе у меня нет выбора, — выпалила Таня, чувствуя, как злость снова берет верх. — Мой пес там, и Уорик тоже — с ружьем!

Она зашагала быстрее, оставив ошеломленного Фабиана позади.

— Благодаря мне? Я-то тут при чем?

Таня повернулась и накинулась на него.

— Я объясню тебе, при чем тут ты. Ты так усиленно шпионил за мной, что спугнул в кустах кролика, и теперь Оберон гоняется за ним по лесу!

— Ну… ему вовсе не обязательно было гнаться за ним…

Фабиан замолчал, как бы обдумывая что-то или принимая решение, а потом бросился догонять Таню.

— Я пойду с тобой. Но если Уорик узнает, что мы были в лесу…

— У тебя будут неприятности посерьезнее объяснения с

Уориком, если с моим псом что-нибудь случится! Я… я…

Она замолчала, почувствовав, что глаза обожгли слезы.

— Мы найдем его, — сказал Фабиан. — И уж конечно, Уорик не станет в него стрелять…

— Откуда ты знаешь? Он может принять его за оленя или еще кого-нибудь!

— Этот пес больше похож на осла, чем на оленя, — пробормотал Фабиан.

Таня готова была стукнуть его, но тут новые выстрелы вспороли тишину. Девушка побежала, Фабиан за ней, задержавшись лишь для того, чтобы по камням пересечь ручей. Таня же помчалась прямо по воде и, естественно, замочила ноги, но ее это не волновало. В конце концов Фабиан оказался впереди. Постепенно лес становился все выше, все гуще. Под деревьями было темно и прохладно, из-под ног разбегались вспугнутые зверьки.

— Оберон! — кричала Таня.

Крик спугнул целую стаю птиц, с шумом взлетевшую в воздух.

— По-твоему, нам стоит вот так кричать? — спросил Фабиан. — Уорик тоже может нас услышать.

— А как иначе можно найти пса?

Лес притих. Они углублялись в него, выкрикивая имя пса, огибая густо растущие деревья. Сухие ветки хрустели под ногами. Отовсюду доносился шепоток, и Таня знала, что это не только деревья. С каждым шагом она все острее чувствовала взгляды невидимых глаз. Посмотрев вверх, она заметила какое-то движение. На одной из нижних ветвей на краю гнезда скорчилась похожая на птицу фэйри, ее яркие черные глаза были неотрывно прикованы к Фабиану. Из гнезда доносились крики голодных малышей. Таня мгновенно сообразила, что, как и в случае с гоблинами, красная футболка мешает фэйри заметить ее. Фэйри видела только Фабиана, и, когда он подошел ближе, она защебетала, предостерегая его держаться подальше.

— Где-то тут, наверное, гнездо, — прошептал он, оглядываясь в попытках определить источник шума. — Правда, никакой птицы я не вижу.

Он продолжал приближаться к гнезду, и щебетанье фэйри сменилось хриплым, угрожающим криком. Таня беспомощно наблюдала за ним, понимая, что предупредить Фабиана означало бы выдать свое присутствие фэйри и лишиться защитного воздействия футболки. Однако то, что произошло дальше, не оставило ей выбора. Фэйри покинула гнездо, нырнула куда-то в древесную крону и спустя несколько мгновений появилась

оттуда, вооруженная всевозможными средствами нападения, которые собиралась обрушить на голову Фабиана.

— Берегись! — закричала Таня и ринулась вперед, чтобы оттолкнуть Фабиана с опасного пути.

Град разных предметов взлетел в воздух, едва-едва не угодив в ребят. Камни, желуди, сосновые шишки, мусор, тяжелая серебряная брошь, острые осколки разбитого стакана и горлышки бутылок попадали вокруг.

— Что тут происходит? — тяжело дыша, спросил Фабиан, пока Таня оттаскивала его за пределы досягаемости «выстрелов» фэйри.

— Сорока. Мы подошли слишком близко. Улетая, она, наверное, нечаянно высыпала на нас то, что хранила в гнезде.

На бегу Таня обернулась. Фэйри холодно провожала ее взглядом. Можно не сомневаться: в самое ближайшее время все фэйри по соседству будут оповещены о присутствии Тани. Теперь она была беззащитна — и уязвима.

— Пошли, — пробормотала она. — Да побыстрее.

Они все дальше углублялись в лес. Таня слышала яростные перешептывания и призывы на деревьях — это весть о ней распространялась по лесу. Она пыталась успокоиться, но паника нарастала.

— Послушай. — Внезапно Фабиан замер. — Слышишь?

— Голоса? — прошептала Таня.

Фабиан покачал головой.

— Пес. Собачий лай вон там!

Таня изо всех сил старалась не отставать от него, хотя сандалии плохо подходили для бега по лесу. Она уже в нескольких местах порезала ноги. Ветки цеплялись за одежду, рвали волосы. Фэйри на деревьях насмехались над ней.

— Он побежал вон туда!

— Нет, туда!

— А я видела, как он бежал в ту сторону!

Таня понимала, что все это ложь, и не отрывала взгляда от Фабиана.

— Впереди что-то есть! — закричал он, остановился и замер.

Таня прибавила шагу и нагнала его. Между деревьями виднелась уродливая металлическая ограда. Они молча направились к ней и оказались на маленькой поляне. Ограда представляла собой круг диаметром около четырех метров. Внутри виднелась огромная яма в земле, примерно трех метров в ширину. Рядом, клонясь внутрь, росло маленькое деревце. Корни были наполовину обнажены, что придавало ему неустойчивый вид — казалось, более-менее сильный порыв ветра мог свалить

его в подземную пещеру. К ограде была прикреплена табличка с надписью:

ОПАСНО! НЕ ПОДХОДИТЬ!

Они наткнулись на катакомбы.

Фабиан пошел вдоль ограды; он пытался прикинуть, насколько глубока яма. Описав полный круг, он остановился, подобрал голыш и бросил его через ограду. Оба прислушались, но так и не уловили звука удара о дно. Фабиан негромко присвистнул, и на его лице возникло странное выражение.

— Что? — спросила Таня.

Она проследила за его взглядом, и сердце у нее упало. Все тревоги по поводу фэйри мгновенно выскочили из головы.

Один из металлических столбов отсутствовал, и в ограде образовалась достаточно большая прореха, чтобы сквозь нее мог протиснуться кто-то некрупный.

— Нет! — в ужасе воскликнула Таня.

Внезапно ноги перестали держать ее, и она в отчаянии осела на землю. Фабиан стоял, словно в землю врос, не сводя взгляда с дыры в ограде.

— Он… Он же не полез туда… правда?

— Это вполне возможно. Если он гнался за кроликом, то…

— Оберон! — закричал Фабиан.

Лес молчал.

— Пойдем еще поищем.

Таня покачала головой. Слезы струились по щекам, но ее не волновало, что подумает Фабиан.

— Не могу. Что, если он там, внизу, раненый? Не могу оставить его.

В глубине души она понимала, что если Оберон упал в яму, то уцелеть никак не мог, но мысль о том, чтобы просто уйти, была невыносима.

Покусывая губу, Фабиан изучал брешь в ограде.

— Его там нет.

Шумно хлюпая носом сквозь слезы, Таня посмотрела на него.

— Ты просто так говоришь это.

— Нет, не просто. — Он опустился рядом с ней на колени. — Подумай вот о чем. Он крупный пес и хотя может пролезть в эту щель, но только-только. Ему пришлось бы протискиваться. Он успел бы вовремя заметить яму. Собаки — умные животные, в особенности доберманы. И еще. Листья и веточки вокруг ямы не

потревожены. Если бы он упал, остались бы следы когтей.

Фабиан улыбнулся Тане, пытаясь подбодрить ее.

Она ответила ему бледной улыбкой; и все же появился лучик надежды. Она поднялась и вытерла лицо, на котором остались грязные полосы.

— Ну, тогда пошли, — сказала она.

Они шли в глубь леса еще минут двадцать, когда Таня кое-что заметила.

— Прислушайся.

Фабиан остановился и наклонил набок голову.

— Я ничего не слышу.

— Вот именно. Выстрелы прекратились. Видимо, Уорик вернулся домой.

— Хорошо, — с облегчением сказал Фабиан. — Это означает, что мы можем кричать так громко, как пожелаем. Оберон!

Они кричали, пока не охрипли, но никаких признаков пропавшего пса не обнаружилось. Надежда, вспыхнувшая было в душе Тани, начала таять. Она была уверена, что к этому времени они уже найдут его. Она хотела одного — найти собаку и как можно быстрее убраться отсюда; чем дольше они остаются в лесу, тем выше вероятность нового нападения фэйри. Потом ее посетила еще одна тревожная мысль.

— Фабиан? Ты знаешь дорогу обратно?

— Я надеялся, что ты запомнила.

Они молча смотрели друг на друга.

— Конечно, я не помню дорогу, — заговорила наконец Таня. — Я же никогда прежде не была здесь.

— И я тоже, — сказал Фабиан.

— Значит, мы заблудились.

Таня постепенно осознала, в каком положении они оказались, и снова почувствовала слабость. Может, они весь день будут бродить по лесу, а потом наступит вечер… Брр! Внезапно она порадовалась, что не одна здесь.

— Мы пойдем вдоль ручья, — сказал Фабиан. — Ручей приведет нас куда-нибудь.

— Куда-нибудь? Ты представляешь, насколько огромен этот лес? И по-моему, в последний раз я видела ручей лет сто назад!

— У тебя есть предложение получше? — с обидой спросил Фабиан.

Таня нахмурилась и покачала головой.

Они занялись поисками ручья, подныривая под низкие ветки и прислушиваясь, не раздастся ли журчание бегущей воды. Время шло, ручей не находился, и даже Фабиан встревожился. Они

заблудились полностью и безнадежно.

— Все зря. — Присев на пенек, Таня осмотрела вздувшийся водяной пузырь на ноге. — Мы никогда не найдем выхода из леса.

Говоря это, она, к собственному ужасу, заметила маленький холмик заросшей травой земли, быстро продвигающийся к упавшему дереву. Спустя несколько мгновений пучок травы и островок диких цветов быстро поменялись местами прямо у нее на пути. Она сдержала испуганное рыдание. Фэйри сознательно сделали так, чтобы они заблудились, всякими уловками сбивая их с толку и уводя все дальше и дальше. Видимо, это началось, как только Фабиан и Таня вошли в лес.

— Мы заблудились, — еле слышно сказала она. — Нам никогда не выбраться отсюда!

— Выберемся, — заверил ее Фабиан. — Просто это займет немного больше времени, чем мы ожидали.

— Ты не понимаешь, — возразила Таня, изо всех сил стараясь говорить тихо, но все равно срываясь на крик. — Бабушке придется выслать людей на поиски!

Фабиан вздохнул и посмотрел на часы.

— До темноты еще много времени. Пойдем.

Таня с трудом встала и похромала за ним. Ее внимание привлек какой-то серебристый проблеск.

— Постой!

Фабиан остановился с раздраженным видом.

— Мне кажется, вон там еще один вход в катакомбы.

Они подошли ближе и увидели металлическую ограду. Яма в земле была значительно меньше первой и не выглядела такой уж бездонной. Таня с облегчением отметила, что вся ограда цела: брешей не было, ни размером с пса, ни меньше.

— Интересно, сколько их здесь всего? — спросила она.

— Семь. — Вытянув шею, Фабиан попытался заглянуть в яму. — Интересно, насколько она глубока…

Таня состроила гримасу.

— А мне нет. Только подумай обо всех…

— Тихо! — Фабиан поднес палец к губам. — Здесь кто-то есть. Смотри… на поляне!

К ним медленно приближалась девушка в зеленом платье, с длинными темными волосами, время от времени нагибаясь, чтобы добавить к своему букету еще один цветок. В первое мгновение Тане показалось, что девушка не замечает их, но потом та посмотрела прямо на Таню и улыбнулась. Облегчение, которое Таня испытала, увидев человека, длилось недолго, сменившись подозрительностью, поскольку на память ей пришел отрывок из

бабушкиной книги, где говорилось о наваждении. Она внимательно разглядывала приближающуюся девушку, пытаясь обнаружить хоть какой-то намек на обман, но все в ее облике казалось совершенно обычным.

— Что, по-твоему, она здесь делает одна? — шепотом спросила Таня, стараясь как можно меньше двигать губами.

Фабиан ответил не сразу.

— Не знаю. Она похожа на цыганку… может, родственница той старухи, которая живет здесь, в лесу.

— Безумной Мораг?

— Ага. Той, которая подарила тебе компас. Кстати, я поискал его в антикварной книге Уорика. Он не имеет никакой ценности.

— Спросим ее, не видела ли она Оберона?

Фабиан кивнул.

— Даже если не видела, она сможет показать, как выбраться из леса. Похоже, она хорошо знает здешние места.

Он зашагал навстречу девушке, Таня следом.

Девушка снова улыбнулась им. На вид ей было лет пятнадцать, не больше. Кожа кремового цвета, темные глаза с густыми ресницами.

— Заблудились? — негромко спросила она.

— Мы ищем своего пса, — застенчиво сказал Фабиан дрожащим голосом. — Он убежал, и мы не смогли догнать его. А потом… Да, заблудились.

— Я видела какого-то пса вон там.

Девушка отвечала спокойно, вежливо, рассудительно, как взрослая.

— Когда? — тут же спросила Таня.

— Недавно, — ответила девушка. — Всего несколько минут назад.

— С ним все в порядке? Он не пострадал?

Девушка перевела взгляд темных глаз на Таню.

— Нет, он выглядел прекрасно. Пошли со мной, я помогу вам найти его. Я хорошо знаю эти места. И как только найдем пса, я выведу вас из леса.

Таня с облегчением посмотрела на Фабиана. Девушка быстро шла впереди, они за ней, огибая деревья. Несколько раз Тане казалось, что она видит лица в коре деревьев или что ветки движутся, словно руки, но она больше не была уверена, что это — действительно фэйри или просто у нее паранойя. В этой части леса было как-то удивительно тихо, деревья казались больше и старше, краски богаче и лесные запахи гуще.

Они подошли к огромному дереву с такой большой дырой в стволе, что через нее можно было пройти насквозь.

— Интересно, это то самое дерево? — сказал Фабиан. — Оно выглядит достаточно прочно.

— Что за дерево?

Он состроил гримасу.

— Ну, ты знаешь… Которое люди раньше использовали как виселицу. Наверняка это одно из них. А иначе откуда это название — лес Висельника? Давай ты первой пройди.

— Не хочу, — запротестовала Таня, но Фабиан подтолкнул ее в спину и заставил пройти сквозь дыру.

Внутри было темно, пахло плесенью и сыростью; тут, конечно, обитали всякие мелкие создания, которые немедленно разбежались. Таня так спешила выйти наружу, что зацепилась ногой за корень и буквально вывалилась на солнечный свет.

Чья-то рука грубо ухватила ее за плечо.

Таня вскрикнула и со всей силы ударила нападавшего ногой. Послышался стон. Из расщелины в стволе показался Фабиан, кинулся к Тане, но внезапно замер.

— Уорик, — удивленно сказал он.

Это и вправду был Уорик, потирающий свободной рукой голень. За его спиной кротко сидел Оберон, к его ошейнику вместо поводка была привязана длинная тонкая веревка.

— Это больно, — сказал Тане Уорик сквозь стиснутые зубы. — Больше так не делай. — Он посмотрел на Фабиана, его глаза гневно вспыхнули. — И для тебя я папа.

Таня вывернулась из-под его руки и бросилась к Оберону. Пес со счастливым видом облизал ее, не совсем понимая, чем объясняется такое внимание, но, безусловно, радуясь встрече. Фабиан похлопал его по спине.

— Как вы нашли его? — спросила Таня.

— Вас обоих ждут серьезные неприятности, — игнорируя ее вопрос, проворчал Уорик.

Чувствовалось, что он буквально кипит от злости.

Внезапно Тане стало страшно: она никогда не видела этого человека таким сердитым.

— Сколько раз я предупреждал тебя, парень? Этот лес опасен!

— Это я виновата, — сказала Таня, прежде чем Фабиан успел открыть рот. — Оберон убежал, я запаниковала и… попросила Фабиана пойти со мной.

Уорик вперил в нее холодный взгляд.

— Нужно было дождаться меня. В этот лес может ходить только тот, кто хорошо его знает.

— Простите.

Она покаянно опустила голову, и это, похоже, чуть-чуть умиротворило его.

— Тебе повезло, что ты надела это. — Уорик кивнул на ее красную футболку, а на Фабиана снова бросил испепеляющий взгляд. — Если бы ты была в зеленом, как этот идиот, я бы мог и не заметить вас — хотя вы и подняли такой шум, что мертвого подымет.

На мгновение у Тани мелькнула мысль, что Уорик знает истинную причину, почему она надела красное…

Фабиан смущенно посмотрел на свою зелено-коричневую одежду.

— Пошли-ка обратно, — сказал Уорик чуть менее сердитым тоном, повернулся и быстро зашагал.

За спиной Уорика Таня и Фабиан обменялись взглядами. У него вид был мрачный, и Таня пожалела, что втянула юношу в неприятности, хотя и рада была, что он пошел с ней.

— Постой-ка, — внезапно сказал Фабиан и оглянулся. — А где девушка?

Уорик услышал его и остановился.

— Какая девушка?

— Тут была девушка, — ответила Таня. — Она видела Оберона несколько минут назад… и предложила нам помощь.

— Она не могла видеть его, — сказал Уорик. — Он со мной уже почти час. — Он обвел взглядом деревья. — Где же она?

— Не знаю, — ответила Таня. — Может, она не заметила, что мы остановились, и продолжала идти дальше.

— Как она выглядела?

— Хорошенькая. — Глаза Фабиана подернулись дымкой. — Правда, хорошенькая.

Не сказав больше ни слова, Уорик затопал дальше. Таня и Фабиан в молчании следовали за ним. Таня заметила крошечного фэйри, похожего на того, которого она похоронила. Он опустился на спину Уорика, осторожно подобрал зацепившееся за его волосы перышко и полетел к деревьям строить гнездо. Таня держалась близко к Уорику, чувствуя себя в большей безопасности рядом с ним, несмотря на взаимную неприязнь.

Дорога к поместью была долгой и утомительной, но хоть фэйри их больше не беспокоили. И во второй раз за много-много дней Таня обрадовалась при виде бабушкиного дома.

7

Как только Уорик закрыл за ними ворота, Таня отвязала веревку от ошейника Оберона, и все вчетвером пошли через разросшиеся сорняки к дому.

— Вы, наверное, расскажете бабушке, что произошло, — сказала Таня, когда они вошли в кухню.

Знакомый запах действовал успокаивающе.

Уорик с мрачным выражением лица повернулся к ней.

— В обычных обстоятельствах я так и сделал бы. Но я понимаю: ты пошла в лес не из непослушания, а просто в поисках своего пса. Так что пусть все останется между нами.

Таня удивленно посмотрела на него. Фабиан тоже был в недоумении.

— Но с одним условием. — Взгляд Уорика буравил их лица. — Пообещайте мне, вы оба, что никогда больше ноги вашей не будет в этом лесу.

Что они с готовностью и сделали. Ни у Тани, ни у Фабиана не было ни малейшего желания снова пережить что-либо подобное. По-видимому, удовлетворенный их ответом, Уорик прибавил громкость маленького портативного радиоприемника, стоявшего на подоконнике.

> «Переходим к другим новостям. Поступили сообщения о предполагаемом похищении ребенка из родильного отделения больницы в Эссексе. Камеры слежения оказались бесполезны, поскольку незадолго до инцидента были выведены из строя. Подтверждено, что ребенок, о котором идет речь, — мальчик возрастом чуть больше недели — был оставлен рядом с больницей вскоре после рождения и находился на попечении медицинского персонала. Полиция призывает мать откликнуться и располагает описанием девочки-подростка, которая перед инцидентом была замечена около приемного покоя и вела себя подозрительно. В настоящее время ее разыскивают, чтобы допросить. Свидетель описывает девочку как…»

Уорик выключил радио и потер заросший щетиной подбородок.

— Терпеть не могу новости, — сказал он и вышел, оставив Таню и Фабиана одних.

— Ох нет! — сердито воскликнул Фабиан. Он разглядывал

рукав своей футболки. — Моя лучшая футболка! Она порвалась! Ты только посмотри! — Он вздохнул и с надеждой посмотрел на Таню. — Умеешь шить?

— Отвратительно, — ответила она.

— Тогда позже оставлю ее здесь, — задумчиво сказал он. — Может, Флоренс починит.

— Спасибо, что пошел со мной, — сказала Таня, когда шаги Уорика окончательно затихли вдали.

— Это отчасти моя вина. Если бы я не вспугнул кролика, может, ничего и не случилось бы.

— Но ты пошел со мной, хотя и понимал, что будут неприятности.

Она вздрогнула, вспомнив, как легко они заблудились. И эти таинственные черные ямы в земле!

— Не мог же я отпустить тебя в лес одну. — Взгляд Фабиана омрачился. — Там пропадают люди.

— Знаю. Я читала о девушке с необычным именем. Что-то там Блум.

— А, это Морвенна.

— Вот-вот. Морвенна Блум. Я прочла о ней в газетной вырезке, которая выпала из книги в библиотеке.

— Что там было сказано? — внезапно заинтересовавшись, спросил Фабиан.

— Просто что она пропала в лесу и люди думают, что она провалилась в катакомбы, — ответила Таня. — Ты же наверняка слышал эту историю? Раз знаешь ее имя.

— Я просто хотел убедиться, что речь идет именно о ней. Столько людей пропало, что трудно запомнить всех. — Сняв очки, Фабиан протер их грязной футболкой. — Она была самой молодой из тех, кто исчез в этом лесу. После этого установили ограды. — Он помолчал и снова надел очки. — Полагаю, тебе известно, что она была лучшей подругой Флоренс?

— Что? Но я показывала ей вырезку… и она ни слова не сказала о том, что это ее лучшая подруга. — Таня вспомнила странное выражение бабушкиного лица. — Она сказала, что они вначале дружили, но потом разошлись. Ты уверен, что они были лучшими подругами?

— Абсолютно. Я не раз подслушивал, как она рассказывала об этом Уорику, — но стоило мне войти в комнату, и оба замолкали. Видимо, эти разговоры навевают слишком много воспоминаний, причиняют сильную боль — вот она и молчит.

— Сколько же людей исчезло в этом лесу? — движимая болезненным любопытством, спросила Таня.

— Полно. После того как установили ограды, меньше, но все

же пропадают. В основном браконьеры из Тикиэнда. Наверняка не обо всех исчезнувших известно. Путешественники, цыгане и всякие такие. А сколько собак и котов! Не счесть. И эти ямы, строго говоря, не катакомбы. — Фабиан подошел к раковине и принялся мыть руки. — Слово «катакомба» означает древнее захоронение типа склепа. На самом деле это отверстия меловых пещер. По стране их множество разбросано, в особенности на юге Англии. Их стали называть катакомбами именно потому, что там пропадают люди.

— Ужас какой!

Таня тоже направилась к раковине, по пути взглянув на себя в маленькое зеркальце, стоящее на подоконнике. На лице засохли следы слез и грязи, волосы спутались.

— Послушай, — сказал Фабиан негромко. — Я хочу показать тебе кое-что, но ты должна пообещать, что не проговоришься ни Уорику, ни Флоренс.

— О чем это ты?

— Я нашел кое-что на втором этаже, но до сегодняшнего дня не был уверен, можно ли тебе довериться.

— Что ты нашел?

Фабиан покачал головой.

— Сначала пообещай.

— Хорошо, обещаю, — раздраженно ответила Таня. — Я с ними и так почти не разговариваю.

Фабиан проверил, нет ли кого-нибудь в коридоре.

— Давай поднимемся — по-моему, Уорик снова ушел куда-то.

— Фабиан, — начала Таня, — после всего, что мы сегодня пережили, может, просто скажешь, что это, а я уж решу, стоит оно усилий или нет? Я сыта по горло приключениями, сильно устала и не желаю ввязываться в новую авантюру. По крайней мере, до того как приму душ и переоденусь.

Голубые глаза Фабиана озорно заблестели.

— Оно стоит усилий, обещаю тебе.

— Дай мне десять минут, — со вздохом сказала она. — Встретимся наверху.

Второй этаж оказался даже более запылен, чем весь остальной дом, и это было, в общем, неудивительно, учитывая, что обычно лишь Амос и Уорик поднимались сюда. На площадке между этажами на стене висела голова величественного оленя. Таня видела его всего второй раз, но снова, глядя в грустные карие глаза, чуть не расплакалась. Она опустила взгляд и не отрывала его от потертого ковра, пока не поднялась наверх. Фабиан ждал ее в маленькой темной нише, где перед выцветшим

настенным гобеленом стояло кресло.

— Вот.

Таня вгляделась в свисающий с потолка до пола грязный старый гобелен. Он ужасно выцвел, запылился, и не представлялось возможным сказать, что же на нем изображено.

— Потрясающе, — саркастически заметила Таня.

Фабиан поджал губы.

— Не гобелен, дурочка. То, что за ним.

Таня одарила его выразительным взглядом и отогнула гобелен. За ним обнаружилась глубоко утопленная в стене прочная дубовая дверь.

— Когда ты нашел ее?

— Вчера. Мне даже в голову не приходило, что она тут есть.

— Ну, сюда же почти никто не заходит, — сказала Таня. — Даже обшаривая дом в поисках тайных ходов, мы никогда не поднимались на второй этаж. Слишком боялись. Куда она ведет?

— Вот это нам и предстоит выяснить, — ответил Фабиан.

— А-а, понятно. Сам ты побоялся разузнать.

— Вовсе нет, — холодно ответил Фабиан. — Дверь заперта.

— Ну и как, в таком случае, мы войдем?

— А вот как. — Фабиан вытащил из кармана старинный с виду ключ. — Это ключ-отмычка. Он открывает любую дверь в доме.

— Я знаю, что такое отмычка! — взорвалась Таня. — Но откуда она у тебя?

— Позаимствовал у Уорика.

— То есть, попросту говоря, украл. Он сам в жизни не дал бы его тебе.

— Какая разница? Давай используем его на всю катушку, прежде чем Уорик хватится.

Он вставил ключ в замок и с негромким щелчком повернул его.

— Видишь? Прямо как новенький! — победоносно прошептал он. — Пошли.

Когда Фабиан открыл дверь, на них хлынул влажный, пахнущий плесенью воздух. Фабиан прошел сквозь дверной проем, поманив за собой Таню.

— Что это? — спросила она. — Комната?

Фабиан приложил палец к губам. Войдя внутрь, Таня оказалась в полной темноте. Она стояла неподвижно, пока он возвращал гобелен на место и осторожно закрывал за ними дверь.

— Теперь мы ничего не видим! — прошипела она.

— Потерпи.

Она услышала, как он роется в карманах. Раздался негромкий

щелчок, и вспыхнул свет. Фабиан с широкой ухмылкой на лице держал в руке маленький, но, очевидно, мощный карманный фонарик.

— Я всегда знал, что когда-нибудь он пригодится.

Когда глаза привыкли к полутьме, Таня разглядела, что они находились не в комнате, а в узком коридоре, тянущемся в обе стороны. Справа виднелась уходящая вверх лестница.

Фабиан посветил фонариком на стену.

— Как здесь сыро.

— И воздух затхлый. — Таня сморщила нос. — Интересно, для чего этот коридор использовался? Может, это один из тайных ходов?

— Будь он тайным, его спрятали бы получше, — пренебрежительно ответил Фабиан. — Думаю, в этот коридор выходит старая служебная лестница.

— Но я думала, она перекрыта.

— Так и есть. По крайней мере, основной вход на кухне. Флоренс закрыла его много лет назад, чтобы тепло зимой не уходило — так она сказала.

— А я думала, вся лестница замурована, — сказала Таня. — Не понимала, что только часть ее перекрыта.

— И я тоже.

— Куда пойдем?

Фабиан посветил фонариком на лестницу.

— Мы на верхнем этаже, значит, эти ступеньки ведут на чердак. Думаю, нужно идти вон туда.

Он посветил фонариком в коридор слева, а потом повел лучом по стенам. Годы в сырости не прошли даром — повсюду были большие пятна плесени. Внезапно Таня заметила, как что-то блеснуло.

— Что это?

— Свет фонарика отразился от окна.

— От окна?

— Подойди поближе и увидишь плющ, которым оно заросло, — вот почему свет сюда совсем не проникает.

Он был прав. Окно покрывала въевшаяся грязь и масса растущих снаружи переплетенных листьев, полностью закрывающих солнечный свет.

Фабиан двинулся вглубь коридора.

— Будь осторожна. Этот проход очень старый и, возможно, небезопасный.

Они медленно уходили во тьму, деревянный пол поскрипывал под ногами. Какие-то крохотные создания сновали вокруг.

«Интересно, кто это? Мыши или фэйри?» — подумала Таня, сама не зная, что хуже.

Они прошли совсем немного, и Фабиан остановился.

— Слева еще одна дверь. Запертая.

— Попробуй свою отмычку, — предложила Таня.

Фабиан склонился над замочной скважиной и посветил в нее фонариком.

— Похоже, с той стороны в замке ключ.

— Ну так протолкни его отмычкой.

— Не получается.

— Тогда пошли дальше, — сказала Таня. — Посмотрим, есть другие двери или нет.

— Погоди-ка.

Фабиан отдал ей фонарик и снова начал рыться в карманах.

— Что ты делаешь? — спросила Таня.

Он достал сложенный листок бумаги и маленький моток проволоки.

— Старинный трюк, — пробормотал Фабиан, разворачивая бумагу.

Таня наклонилась к нему. Стало ясно, что бумагу много раз складывали и разворачивали, отчего она стала мягкой, с отчетливо обозначенными сгибами.

— Для чего это? — снова спросила она, но Фабиан не ответил.

Он распутывал проволоку и особым образом изгибал ее.

— Думаю, получится.

Он просунул бумагу в щель под дверью, оставив не больше дюйма. Потом осторожно, медленно ввел проволоку в замочную скважину и покачал ею туда-сюда. Послышался негромкий стук. Фабиан вытащил из-под двери бумагу — и точно в центре листка лежал ключ!

— Здорово! — воскликнула Таня, удивленно глядя на ключ.

— Ничего особенного. — Фабиан скромно улыбнулся. — Я вычитал это в одном старом детективном романе. Простой здравый смысл.

Таня не отрывала взгляда от листка бумаги.

— Надо полагать, ты уже не раз такое проделывал.

Фабиан поднял ключ и бумагу, снова сложил ее и убрал в карман.

— Может, пару раз. Хотя если ключ упадет неточно, он может отскочить от листа бумаги. На этот раз нам повезло.

Он вставил ключ в замок и повернул его. Дверь открылась. Они вошли в маленькую темную комнатку.

Как и в коридоре, здесь окно было полностью затянуто

плющом и не пропускало света. Под окном стоял украшенный резьбой деревянный сундук, покрытый серым налетом пыли. В углу высился шкаф, одна его дверца была приоткрыта, как будто кто-то поспешно покинул комнату и больше сюда не возвращался. Посреди комнаты стояла прекрасная колыбель, а в ней полный набор вязаного постельного белья, сбившегося в кучу. В колыбели лежал крошечный потертый мишка. Таня осторожно взяла его и увидела неровный разрез, из которого торчал клок грязной набивки.

— Это была детская комната, — сказала она.

Что-то зашевелилось внутри мишки. С удивленным вскриком Таня бросила его в колыбель.

— Что такое? — спросил Фабиан.

— Думаю, там поселились мыши.

— Жуткая комната, если хочешь знать мое мнение.

Фабиан открыл крышку сундука. Поднялось целое облако пыли, и мальчик чихнул аж три раза подряд. Внутри лежал еще один мишка, несколько кукол, старый волчок и сломанный «Джек в коробочке»[1] с торчащей ржавой пружиной.

— Ты прав, — сказала Таня, внезапно почувствовав пробежавшую по спине дрожь. — Тут жутко.

— Я никогда даже не подозревал о существовании этой комнаты. — Фабиан подошел к парадной двери. — Интересно, где мы?

Он осторожно открыл дверь и издал удивленное восклицание.

— Иди сюда, посмотри на это.

Таня подошла к двери и поглядела туда, куда Фабиан указывал фонариком.

Дверной проем был перекрыт большой плитой твердого дерева.

— Это задняя стенка комода, загораживающего парадную дверь. Кто-то очень постарался, чтобы комнату никогда не обнаружили.

— Это из-за плохого дела, — внезапно произнес приглушенный скрипучий голос.

Таня замерла; ее интересовала реакция Фабиана. Никакой реакции не последовало, он ничего не слышал. Таня медленно повернулась и снова направилась к колыбели, чувствуя, как подрагивают веки. Мишка в колыбели пошевелился, а потом из его набивки показалось маленькое узкое личико с запыленной серой кожей. Таня не могла определить пол существа. Ее взгляд притягивали торчащие, как у грызуна, передние зубы.

— Плохое, — прохрипело существо, укоризненно глядя на

нее. — Здесь случилось плохое. — Не сводя подозрительного взгляда с Тани, оно порылось в глубине своего гнездышка и вытащило оттуда что-то. — Давно. Очень, очень давно.

Тошнота подкатила к горлу девушки, когда она разглядела, что именно достало существо: наполовину съеденную мышь.

— Что плохое? — шепотом спросила она, беспокоясь, как бы не услышал Фабиан.

— Не скажу, — пробормотало мерзкое существо.

Раздался хруст костей, и Таня попятилась от колыбели, преследуемая острым, металлическим запахом крови.

— Пошли отсюда, — сказала она; создание продолжало жевать и обсасывать косточки. — Эта комната вызывает ужасно мерзкое чувство.

Фабиан закрыл парадную дверь, и они направились к выходу в служебный коридор. Таня шла быстро, но Фабиан остановился и в последний раз осветил фонариком комнату.

— Что это?

— Фабиан! Идем!

Он, однако, прошел мимо колыбели и посмотрел на что-то на стене.

— Ох! — сказал он. — Здесь что-то вышито, но я не могу прочесть при таком освещении.

Фабиан снова снял очки и принялся протирать их.

Таня вернулась, не обращая внимания на доносившееся из колыбели бормотание, и, прищурившись, посмотрела на вышивку на стене. Сама ткань была белая — по крайней мере, когда-то — и на ней вышиты бледные розы и слова: «Поздравляем с рождением дочери». И дата внизу.

— Редкий случай. — Фабиан уже снова надел очки. — Дата рождения двадцать девятое февраля, то есть ребенок родился в дополнительный день високосного года.

Таня нахмурилась.

— Двадцать девятое февраля — день рождения моей матери.

— Ага! Значит, это детская комната твоей матери. — Фабиан усмехнулся. — Выходит, тебе приходится покупать ей открытку ко дню рождения только раз в четыре года?

— Нет. — Таня покачала головой. — Мы празднуем ее день рождения первого марта, хотя она всегда шутит, что я старше ее.

Они в молчании пошли дальше по темному проходу. На следующей двери стоял, по-видимому, совсем новый замок и ключа с той стороны в нем не было, поэтому техника Фабиана оказалась бесполезна. Зато они сумели открыть несколько других дверей, но за ними находились лишь пустые или не представляющие интереса комнаты.

Добравшись до комнаты Амоса, они услышали, что за дверью работает телевизор, и тихонечко прокрались мимо, не обращая внимания на шумные разглагольствования старика.

На первом этаже было меньше неисследованных комнат, поскольку именно тут находились спальни всех жильцов, кроме Амоса. Последняя дверь, куда они вошли, располагалась рядом с ведущей в цокольный этаж лестницей и оказалась не заперта. В комнату сквозь окно вливался яркий свет. Плющ был обрезан, комната хорошо обставлена, хотя все предметы покрывал толстый слой пыли. Посередине стояла большая кровать с пологом на четырех столбиках в окружении резной деревянной мебели, очень впечатляющей. Перед камином лежал роскошный меховой ковер, на стене висела картина, изображающая сурового мужчину и молодую женщину.

Таня широко распахнула глаза.

— Чья это комната?

— Видимо, Элвесденов, — ответил Фабиан. — Я слышал, Флоренс как-то говорила о ней, но мне не разрешали сюда заходить. Это спальня лорда и леди Элвесден. Вон их портрет.

Таня внимательно разглядывала картину, с волнением глядя в глаза своих предков. До сих пор она не видела ни одного их изображения.

«Эдвард и Элизабет Элвесден» — было выгравировано на бронзовой табличке, прикрепленной к раме. Угрюмый взгляд мужчины, казалось, впивался в Таню, а женщина выглядела так, словно чувствовала себя неловко в его присутствии. Таню как будто ударило — на запястье нарисованной женщины она увидела серебряный браслет с брелоками, тот самый, который сейчас, спустя два столетия, был на ней. Она посмотрела на браслет, сверкающий в лучах солнца: она до блеска отполировала его. Он был прекрасен, и все же это вызывало тревожное чувство — носить украшение умершего предка.

— Почему это все так сохраняется? — спросила Таня. — С мебелью и прочим?

— Не знаю… Может, потому, что они были первыми владельцами дома. Элвесден был одним из богатейших людей в стране; дом построили полностью по его указаниям. Несколько лет назад Флоренс даже зарабатывала, показывая его желающим: он, знаешь ли, внесен в список архитектурных памятников. Видимо, это одна из самых важных комнат в доме.

Таня перевела взгляд на портрет.

— Они кажутся странной парой.

— Так оно и было, судя по отзывам, — ответил Фабиан.

— Интересно, какими они были? Интересно, были ли они

счастливы здесь?

— Сомневаюсь.

Таня с любопытством посмотрела на него.

— Почему ты так говоришь?

— Ну, ты наверняка слышала, — ответил Фабиан. — Они были женаты совсем недолго, когда это произошло.

— Что произошло?

— Я думал, ты знаешь. Насчет леди Элвесден.

— Я знаю лишь, что она жила здесь с тех пор, как этот дом построили, и что у них с мужем был один сын. И что еще произошло?

— Она умерла в приюте для сумасшедших в Лондоне, когда ей было двадцать три.

— Что… Что свело ее с ума? — спросила Таня, не в силах оторвать взгляда от встревоженной молодой женщины на портрете.

— Существуют большие разногласия по поводу того, была ли она вообще безумна. Она вела дневник… разорвала его на части и запрятала по всему дому. И заметь, сделала это очень умно. Одна часть была зашита в ее платье, другая под подол юбки. Но некоторые так никогда и не были найдены. Считается, что их обнаружил и уничтожил ее муж.

— Зачем он их уничтожил? — спросила Таня. — О чем там говорилось?

Фабиан пожал плечами.

— Флоренс никогда не рассказывала, что было в дневнике, но так уж получилось, что произошла утечка информации. Из-за этого дневника она и перестала показывать дом публике. Помнишь, как несколько лет назад сносили старые конюшни во дворе? Один из подрядчиков нашел кусок дневника, втиснутый в щель старой каменной кладки. Его тут же выпроводили отсюда со строжайшей инструкцией не рассказывать никому то, что он, возможно, прочел, хотя, если хочешь знать мое мнение, Флоренс заплатила ему, чтобы он держал рот на замке. Конечно, в конце концов все выплыло наружу.

— И что там говорилось?

— Можно сказать, ничего хорошего. Элизабет часто бывала у местной знахарки, изучала травы, способы лечения и все такое. По-видимому, у нее самой был дар исцеления, и она хотела развивать его, но местные жители этого не одобряли. Всякий раз, как заходил разговор о знахарке, упоминалось колдовство. В те времена суеверие было делом обычным. В мире еще существовали охотники на ведьм, хотя худшие времена в этом смысле были уже позади. Лорд Элвесден понимал, что беда непременно грянет, что

это лишь вопрос времени, — и оказался прав. Он запрещал Элизабет общаться со знахаркой, опасаясь, что она сама может оказаться под подозрением и ее повесят как ведьму. Однако Элизабет продолжала поступать, как ей нравилось. Она без особого уважения относилась к общепринятым нормам и правилам и, казалось, никогда не беспокоилась, что думают о ней другие. Всегда производила впечатление эксцентричной женщины, и это сработало против нее.

В конце концов, как и предсказывал Элвесден, обе женщины оказались под подозрением. Знахарка была одновременно и акушеркой. Однажды, когда она принимала роды, ребенок вскоре после появления на свет умер. За этой смертью последовал целый ряд болезней. Ну, этого хватило, чтобы начались всякие толки и, конечно, разговоры о колдовстве. Знахарка сбежала из города и поселилась где-то в лесу, почти полностью предоставленная самой себе, если не считать немногих жителей города, которые сочувствовали ей и приносили еду. Без их помощи она, скорее всего, перебралась бы куда-нибудь подальше. Говорят, Безумная Мораг из числа ее потомков.

— А что произошло с Элизабет?

— Ей повезло меньше, — продолжал Фабиан. — Дети на улицах дразнили ее. Люди крестились, когда она проходила мимо, и даже плевали ей в лицо. Она равнодушно терпела все это и продолжала изучать практику исцеления, теперь уже самостоятельно. Ее муж был далеко не дурак и понимал, что может произойти, если она не перестанет так вести себя, — вот только Элизабет это не интересовало. Его сопротивление лишь укрепляло ее решимость. И в итоге лорд Элвесден уступил давлению своих советников.

— Упрятал ее в сумасшедший дом за изучение целебных трав? — в ужасе спросила Таня.

— В те дни это было намного проще, — ответил Фабиан. — Женщины не имели никаких прав. За них все решали отцы и мужья. Женщину могли объявить сумасшедшей даже за то, что она имела внебрачного ребенка. Множество ни в чем не повинных, абсолютно разумных женщин были заперты в сумасшедшие дома и оставлены там гнить только по заявлению своих мужей… и если, входя туда, они не были безумны, то в конце концов именно такими и становились.

— Значит… вот что произошло? — сказала Таня. — Она сошла с ума и умерла там?

На лице Фабиана возникло почти извиняющееся выражение.

— Не может быть, чтобы Флоренс не рассказывала тебе об этом.

У Тани возникло ужасное ощущение, что сейчас она услышит нечто еще более жуткое.

— О чем?

— Таня, Элизабет Элвесден не просто умерла в сумасшедшем доме. Она покончила с собой. Повесилась.

8

Всю оставшуюся часть дня Таня только и думала, что о самоубийстве Элизабет. Когда они вышли из служебного коридора, она извинилась перед Фабианом, сказав, что неважно себя чувствует, и начала спускаться по лестнице. Хотелось прогуляться к ручью, чтобы в голове прояснилось. Ее сжигало любопытство. Больше всего ей хотелось прочесть дневник Элизабет и узнать секреты, так тщательно скрываемые бабушкой. Интересно, они как-то связаны с «плохим делом», о котором говорил фэйри в детской?

Проходя мимо библиотеки, она настолько погрузилась в свои мысли, что чуть не пропустила мимо ушей доносившиеся из-за двери приглушенные голоса, и среагировала, лишь услышав свое имя.

— Ты же знаешь, я не хотела, чтобы она приезжала сюда, — сказала бабушка.

— Чем скорее она уедет, тем лучше, — ответил другой голос, несомненно принадлежащий Уорику. — Она не может оставаться здесь. У нас просто нет выбора.

Что-то — возможно, кресло — заскрипело, и Таня пропустила несколько слов.

— …в лесу сегодня, — почти прошептала Флоренс.

— Счастье, что я нашел их, — сказал Уорик.

Таня замерла, как вкопанная.

— Мне нужно было давно к тебе прислушаться, — продолжала бабушка.

— Что вы имеете в виду? — угрюмо спросил Уорик.

— Переезд. И я сделаю это, как только она уедет. Все зашло слишком далеко и разрушает меня изнутри. Я не хочу уезжать, но не вижу другого выхода.

— Но вы же любите этот дом. Мне казалось, вы никогда не расстанетесь с ним.

— Я люблю этот дом и всегда буду любить. Когда она родилась, меня обуревали такие мечты… что когда-нибудь все это будет принадлежать ей. Но теперь… как такое возможно? Как могу я оставить его в наследство Тане?

— Вы никогда не задумывались о том, чтобы рассказать ей правду? — спросил Уорик.

— Как можно? — Теперь голос Флоренс звучал встревоженно. — Я трусиха и знаю это. Тогда была трусихой и сейчас трусиха…

Шаги приблизились к двери. Таня беззвучно попятилась к

лестнице. Ей припомнилось распространенное мнение, что тот, кто подслушивает, редко слышит о себе хорошее. Теперь она убедилась, что это правда. От всей души желая никогда не слышать того, что было сказано, она знала, что никогда не забудет этого.

Ей тут никто не рад. В общем, она уже догадывалась об этом, но услышать такое собственными ушами — это совсем другое дело. Сказанного не вернешь. Она — нежеланная гостья, создающая проблемы. Причиняющая беспокойство. Родная бабушка ненавидит ее. Ненавидит так сильно, что скорее расстанется с домом, чем позволит своей единственной внучке унаследовать его.

Забыв о прогулке, она поднялась по лестнице. На площадке было тихо, даже обитатели дедушкиных часов не выкрикивали обычные оскорбления. Над ее головой, на втором этаже, расхаживал Амос, как он часто делал в это время дня. Она закрыла за собой дверь комнаты и легла на кровать. В голове безостановочно крутились слова бабушки. Таня притянула колени к груди, пытаясь избавиться от ужасного чувства одиночества, но оно оставалось, наслаиваясь на мучительные воспоминания о комнатах, куда они заглянули с Фабианом.

Подняв руку, она с грустью разглядывала браслет, спрашивая себя, почему бабушка подарила его внучке, которую так сильно не любит. Вспомнились слова бабушки о том, что такие брелоки защищают. Она принялась по очереди изучать их, воображая, какую историю мог бы рассказать каждый о своей первой владелице. Некоторые вызывали однозначные ассоциации: сердечко — любовь, кольцо — замужество. Ключ — дом или, возможно, безопасность. Маска… любовь к театру? Были среди брелоков странные и тревожащие: к примеру, меч и кинжал. А при виде следующего у Тани перехватило горло, словно вокруг шеи плотно обвился побег плюща. Крошечный, украшенный резьбой котелок, вызывающий лишь одну ассоциацию — колдовство.

Какие бы тайны ни скрывал браслет, Таня не сомневалась: Элизабет Элвесден он не даровал ни защиты, ни удачи.

Обедала Таня с аппетитом, что было удивительно, учитывая события этого дня. Потом бабушка положила грязные тарелки в раковину, а на их место поставила большую миску со свежей клубникой и кувшин густых сливок.

— О-о-ох… — простонал Уорик, потирая живот, но взглядом пожирая клубнику. — В меня больше ничего не влезет.

— Глупости, — заявила Флоренс, поставила перед ним

блюдце с клубникой и щедро полила ее сливками.

Уголком глаза Таня заметила, как крышка чайницы приподнялась и оттуда выглянул живущий в ней маленький иссохший брауни. Его морщинистое лицо, похожее на грецкий орех, наполовину скрывали спутанные косматые волосы. Его разбудил звон посуды. Он бросил сердитый взгляд в сторону Тани, перегнулся через край, помешал в сахарнице палкой, с которой никогда не расставался, и снова скрылся в чайнице.

Флоренс потянулась к сахарнице, посыпала свою клубнику со сливками и передвинула сахарницу дальше по столу. Таня тут же отдала ее Фабиану. Она в жизни не стала бы пользоваться сахарницей после того, как к ней прикоснулся брауни; и никто из присутствующих не знал Таню настолько хорошо, чтобы с уверенностью сказать, посыпает она обычно сахаром клубнику или нет.

Уорик первым попробовал клубнику, и на его физиономии возникло отвращение. Он сплюнул в салфетку.

— Это соль!

Он протянул руку к кувшину с водой.

— Ты уверен? — спросила Флоренс.

— Еще бы!

Рука Фабиана замерла в воздухе, рот был слегка приоткрыт, разочарованный взгляд прикован к ложке.

— Кто последний наполнял сахарницу? — спросила Флоренс.

— Я, — ответила Таня виновато. — Сегодня утром.

Флоренс схватила загубленный десерт и вытряхнула его в мусорное ведро.

— Ради бога, в другой раз постарайся быть более внимательной!

Таня прикусила губу, радуясь, что Уорик успел попробовать десерт. Она была в ярости, что он рассказал бабушке о происшествии в лесу, хотя дал слово молчать. Она злилась на них обоих за тот бессердечный разговор, который недавно подслушала.

Настроение Уорика испортилось, он извинился и ушел. Вскоре за ним последовала Флоренс.

Фабиан перегнулся через стол и слегка толкнул Таню в бок.

— Я точно знаю, утром в сахарнице был именно сахар. Я посыпал им кукурузные хлопья.

Таня пристально смотрела на него.

Ленивая усмешка расползлась по лицу Фабиана.

— Когда же ты подменила его?

— Что?

— Подменила на соль. Когда ты сделала это?

— Что? Ты думаешь… думаешь, это я сделала?

— А что, нет?

— Нет, — холодно ответила Таня. — Зачем?

Фабиан усмехнулся.

— Шутки ради?

Таня встала из-за стола; есть клубнику уже не хотелось.

— Да, конечно, Фабиан. Какая прекрасная шутка — выставить себя перед всеми идиоткой.

— Ну, было весело увидеть выражение лица Уорика, когда он набрал полный рот этой клубники, — жизнерадостно заявил он. — И ты не посыпала свое блюдце сахаром.

— А что, это обязательно?

Таня двинулась к выходу, но Фабиан опередил ее и загородил дверь.

— Пропусти меня.

— Знаешь, слишком много странного происходит в твоем присутствии.

Таня сощурилась, но сердце у нее заколотилось.

— Что?..

— Вроде того, что случилось, когда твои родители уехали во Францию, а ты была здесь, — продолжал Фабиан. — В первый вечер мы все смотрели кино, и, когда оно закончилось, ты встала и тут же упала, потому что шнурки у тебя оказались связаны. Ты обвинила в этом меня, но мы оба знали, что я не мог этого сделать, потому что сидел на другом конце комнаты и ни разу не приблизился к тебе. Потом прошлым летом ты купила для Флоренс свежие цветы, а на следующий день они были мертвы. Все до одного увяли в воде, такой застоявшейся, словно ей было три недели. И потом был случай, когда…

— По-твоему, между всеми этими случаями есть что-то общее, Фабиан? — спросила Таня, пытаясь сдержать дрожь в голосе.

— Да, есть. Это ты. Странности происходят, когда ты поблизости. Тебе кажется, что никто ничего не замечает… но ко мне это не относится.

Таня заставила себя рассмеяться; получилось неискренне, но…

— У тебя очень живое воображение. Это все? Может, наконец пропустишь меня?

Фабиан, усмехаясь, отошел в сторону.

— Есть в тебе что-то непонятное. Ты что-то скрываешь. И я дознаюсь, что это такое.

Таня замерла.

— Оставь меня в покое, Фабиан. Я серьезно. Не лезь в мои

дела.

— Прекрасно, — беспечно заявил Фабиан. — Уорик никогда не хотел, чтобы я разговаривал с тобой. Говорит, от тебя одни неприятности.

— Мне безразлично, что говорит твой драгоценный отец. — Таня с сердитым видом прошла мимо Фабиана. — Его слова ничего не значат: я слышала недавно, как он нарушил свое обещание. Слышала, как он рассказал бабушке, что нашел нас сегодня в лесу. Он донес на нас. Может, тебе имеет смысл хорошенько задуматься, от кого действительно в этом доме неприятности?

Этой ночью Таня долго не могла уснуть, так сильно она сердилась на Фабиана и Уорика. Снова и снова она проигрывала в уме, что могла бы возразить им, каждый раз придумывая все более остроумные, язвительные ответы и даже полушепотом произнося их. Как смеет Уорик говорить, что от нее одни неприятности? И как смеет Фабиан обвинять ее, что она подменила сахар солью?

Однако больше всего ее беспокоило, что, оказывается, все это время Фабиан подмечал маленькие «чудеса», которые происходили рядом с ней. Все, что он говорил, было на самом деле, начиная от увядших цветов и заканчивая связанными шнурками, — это все делали фэйри. Ее потрясло, что, замечая все это, он до сегодняшнего вечера ни разу ни слова ей не сказал.

Наконец Таня поняла, что она просто взвинчивает себя и, чтобы уснуть, надо выкинуть все это из головы. Она заснула, но ненадолго.

Таня проснулась с острым ощущением, что не одна в комнате. Первой мыслью было, что опять пришли фэйри, но потом, когда сонное сознание прояснилось, стало ясно, что никаких признаков их присутствия нет. В комнате стояла тишина — ни хлопанья крыльев, ни шепотков, ни странного землистого запаха. Только сама Таня и полупустая, негостеприимная комната.

Встревоженная, она откинулась на подушку, пытаясь отделаться от гнетущего чувства и расслабиться. Наверное, что-то приснилось. После всех потрясений последних дней неудивительно, что у нее трудности со сном. Она закрыла глаза, судорожно вдохнула и заставила себя медленно выдохнуть.

И замерла, услышав во тьме что-то похожее на негромкое шипение змеи — или это было скольжение? Что-то ползло, медленно, осторожно, расчетливо. Именно этот звук и разбудил ее, она была уверена.

Она не могла пошевелиться, не могла дышать. Охваченная страхом, она лишь прислушивалась. Она даже не могла вычислить, откуда исходит звук. Казалось, он совсем рядом, в этой же комнате… и все же что-то подсказывало, что это не так. Но чем бы — или кем — оно ни было, оно находилось близко. Очень близко.

Потом внутри у нее что-то щелкнуло, и она вышла из оцепенения. Сдержав крик ужаса, она откинула одеяло и вскочила. И, услышав еще кое-что, замерла на мгновение, но на этот раз не от страха. Это был совершенно отчетливый звук и безошибочно узнаваемый. Скольжение прекратилось. Новый звук был совсем другой.

Кто-то чихнул.

В это мгновение Таня все поняла. Она подошла к гардеробу, открыла дверцы, раздвинула висящую там одежду и резко стукнула по задней стенке. За ней ощущалась пустота.

Ее подозрения подтвердились.

Гардероб был придвинут к старому дверному проему, выходящему в служебный коридор. И сейчас там, по этому коридору, кто-то крался. Внезапно Таню осенило, кто это мог быть. Она снова ударила по задней стенке гардероба, на этот раз посильней.

— Я знаю, что ты здесь, Фабиан, — прошипела она. — И хочу сказать тебе…

Слова застряли в горле, когда за стенкой возник ужасный звук: высокое, отчаянное мяуканье, какое мог бы издавать котенок, которого медленно душат. У Тани кровь застыла в жилах. Потом послышалось бульканье, ужасные звуки стали затихать и совсем смолкли. И опять скольжение, сопровождаемое едва различимыми шагами кого-то, пытавшегося двигаться очень, очень тихо. Звуки постепенно затихали, минуя ее комнату и направляясь к следующей.

Таня не помнила, как оказалась в противоположном конце комнаты, у самой стены. Когда в четыре часа ее разбудил бледный утренний свет, она лежала в углу, скорчившись, закоченев от холода. Она забралась в постель, и единственной ясной, запомнившейся мыслью было: «Наверное, тот, кто крался по служебному проходу, был не Фабиан».

9

В шесть утра весь дом проснулся от злобных криков Амоса. Услышав лязг и звон, Таня прикрыла руками уши: старик либо уронил, либо швырнул свой завтрак. Видимо, последнее — судя по тому, что Уорик протопал мимо ее комнаты, ругаясь себе под нос.

Нахлынули воспоминания о ночных событиях. При свете дня страх, который она тогда испытала, казался нелепым, даже смешным. Наверное, это все же был Фабиан, решила она. Слишком все совпадало: то, что они вместе совсем недавно обнаружили этот проход, и то, что их ссора могла вызвать у Фабиана желание отомстить, напугав ее. Однако она расстроила его планы, на что с удовольствием укажет ему, как только подвернется возможность.

Она вылезла из постели и задумалась, что надеть. Красная футболка была в стирке, а от расшитого бисером шарфа, который она купила в Тикиэнде, чесалась шея. Поэтому она обернула им спрятанную под половицей обувную коробку, где лежали список средств отпугивания фэйри, компас и единственный ее уцелевший дневник. Что касается защиты от фэйри, она решила испытать другой способ, вычитанный в книге: надела носки наизнанку, рассчитывая, что в спортивных ботинках никто не заметит.

Когда она спустилась на завтрак, бабушка сидела за столом напротив Уорика, ворча что-то насчет того, что в поместье закончились продукты. На плите булькала большая кастрюля с овсянкой. Когда Таня проходила мимо, из-за кастрюли выскочила фея камина и спряталась за тостером.

— Доброе утро, — сказала Флоренс.

— Разве? — ответила Таня. — Мое утро должно начинаться по крайней мере на час позже. Сейчас я еще лежала бы в постели.

Уорик только теперь соизволил заметить, что она здесь.

— Тогда почему ты не там?

— Я не могла спать, — многозначительно сказала Таня.

Флоренс поднесла ко рту чашку с чаем.

— Раз Амос досаждает тебе, может, имеет смысл перевести тебя в другую комнату? Уверена, Уорик не будет возражать и приведет в порядок одну из комнат в другом конце коридора.

— Все нормально, — пробормотала Таня. — Я не хотела бы стать причиной новых неприятностей.

Она сознательно выделила последнее слово, глядя прямо в глаза бабушке, и с удовлетворением заметила, как чашка в руке

Флоренс слегка покачнулась. Бабушка первой отвела взгляд.

— Никаких неприятностей, — пробормотала она.

«Лжешь», — подумала Таня, но не сказала ничего. Взяла ломтик тоста и стала намазывать его «Мармайтом».

— Есть горячая овсянка, только что сварена… — начала Флоренс.

— Я не люблю овсянку.

— Забавно, — резко заметил Уорик. — Насколько я помню, в прошлом году ты ела ее только что не ведрами.

— Ну, может, поэтому теперь я ее не выношу.

Молчание.

— Так что, ты хотела бы сменить комнату? — спросила Флоренс.

Нарочито шумно чавкая, Таня обдумывала ответ. В каком-то извращенном смысле сейчас она получала удовольствие. Если до сих пор бабушка и Уорик считали ее помехой в своей жизни, то теперь их ждет подлинное потрясение, поскольку Таня собиралась причинить им столько неприятностей, сколько будет в ее силах. Если повезет, ее даже отошлют обратно в Лондон, и пусть тогда мать разбирается с ней. Пришлось сдержать улыбку, вызванную этой мыслью.

— Нет, не беспокойтесь, — ответила она в конце концов и откусила новый кусок тоста.

Ей, конечно, понравилось бы, если бы Уорику пришлось убирать одну из пыльных старых комнат, но она решила отказаться, опасаясь, что в итоге может попасть даже в худшие условия, чем сейчас. Уголком глаза она увидела, что Уорик заметно расслабился, и с трудом сдержала смех.

Взяв второй кусок тоста, она встала и направилась к кухонной двери, все же думая, что бабушка позовет ее обратно. Однако все было тихо.

Днем, глядя в окно кухни, Таня заметила какое-то движение в саду. Она вышла из дома, стараясь сквозь разросшиеся сорняки и кусты разглядеть, что там происходит.

На каменной горке сидел Брансвик. Таня медленно подошла и села рядом. Обхватив голову руками, гоблин со страдальческим видом глядел в землю. Таня мягко прикоснулась к его плечу.

Брансвик подскочил — наверное, не слышал, как она подошла. Посмотрел на нее и снова обхватил голову. Его опять избили, даже сильнее, чем раньше. Правый глаз полностью затек, закрытый вздувшимся багровым синяком. На мочке уха виднелись следы укуса. Прямо на глазах у Тани по его похожему на луковицу носу скатилась слеза.

Она достала свой блокнот. Надо бы продумать и записать несколько вопросов, которые она хотела задать этому гоблину, когда и если представится возможность.

Вторая крупная слеза заскользила по щеке Брансвика. Он пробормотал что-то — Таня не поняла, но зато заметила, что у него не хватает нескольких зубов. Не успела она попросить его повторить, как он нагнулся к ее ногам и подхватил что-то.

Она успела разглядеть гусеницу, бешено извивающуюся между его пальцами, прежде чем он сунул ее в рот. Послышался хлюпающий звук, когда его челюсти сомкнулись, потом он шумно сглотнул и раскашлялся. С жалостью и отвращением она смотрела, как он обирает волоски гусеницы с уцелевших зубов, приобретших зеленоватый оттенок.

— Постой минутку, не уходи никуда, — сказала Таня. — Я посмотрю, есть ли в доме еда.

Она побежала на кухню и принялась обыскивать буфет и холодильник в поисках чего-нибудь, чего не хватятся. Бабушка была права: еды почти не осталось. Она отрезала хлеба, сыра и взяла немного винограда. Закрывая холодильник, она услышала, как кто-то лакает, и, повернувшись, заметила фею камина, торопливо шмыгнувшую за сапог Уорика. Любопытствуя, она подошла ближе и увидела на каменном полу неглубокую миску с молоком, в котором плавали клочья рыжеватого меха и недоеденный паук. Поверхность все еще слегка рябила, и несколько капель на полу выдавали виновницу.

Исполненная жалости к любому созданию, у которого хватило мужества рисковать навлечь на себя гнев Вулкана ради нескольких капель молока, — даже Оберон предусмотрительно держался от его миски подальше, — Таня взяла чистое блюдце, налила в него свежего молока и поставила около корзины с углем, любимого места феи камина. И поспешно выбежала в сад.

Набросившись на еду, Брансвик выглядел так, словно не знал, смеяться ему или плакать. Таня смотрела, как он подобрал все крошки до единой, откинулся назад и удовлетворенно рыгнул. Было ясно, что он толком не ел уже давно. Она терпеливо ждала, волнуясь, как он ответит на ее вопросы, если вообще ответит.

Гоблин обратил на нее выжидающий взгляд.

— Брансвик, скажи, прошу тебя, какая опасность в лесу ждет меня? — спросила она.

Брансвик заерзал ногами по земле.

— Сожалею, но могу лишь вот что сказать: нужно защищать себя, а туда и ногой не ступать.

Он спрыгнул с горки и заковылял в кусты.

— Куда ты? Постой, не уходи! — окликнула его Таня. —

Прошу, хоть что-то мне объясни!

Брансвик повернулся к ней, его глаза были полны слез.

— Ты к Брансвику была добра, не стану отрицать, но больше ничего не может он сказать.

С этими словами он метнулся в заросли.

— Пожалуйста, не убегай! — Таня, не глядя, залезла в крапиву. — Брансвик! Одну меня не оставляй!

Гоблин исчез. Таня с содроганием осмотрела красные волдыри на щиколотках — там, где ее ужалила крапива. Угрюмо оглядев каменную горку, она наклонилась и подобрала надломившийся зуб, очевидно принадлежавший Брансвику. Положив его в карман, она направилась к дому. Гоблин предостерег ее, все правильно, но как, спрашивается, она может защитить себя, не зная, от чего нужно защищаться?

— С кем ты разговаривала?

— Когда?

— Ты разговаривала с кем-то возле горки.

Как обычно, Фабиан подкрался к ней, когда она меньше всего ожидала. Время уже перевалило за полдень, и Таня вела Оберона на прогулку к ручью. На этот раз она взяла с собой поводок и позвякивала им, давая понять, чтобы он не вздумал снова убежать. Она не желала еще раз заблудиться в лесу и уж тем более напрашиваться на помощь Уорика.

— Ни с кем я не разговаривала.

Она посмотрела на записную книжку Фабиана; заметив это, он поспешно ее захлопнул.

— Нет, разговаривала. Я видел.

Таня пожала плечами. Ее раздражала скрытность Фабиана и то, что он, казалось, постоянно подглядывал за ней.

— Наверное, говорила сама с собой.

Фабиан вскинул брови с таким видом, как будто она — свихнувшееся существо, нуждающееся в срочной помощи.

— Как скажешь.

Он зашагал прочь с книжкой в руке.

— Ну, это лучше, чем разговаривать с тобой! — крикнула Таня. — И между прочим, если тебе обязательно нужно по ночам шататься по служебному коридору, то, по крайней мере, будь любезен делать это тихо. Хватит и того, что каждое утро мне не дает спать Амос!

Она пошла дальше вслед за Обероном, с радостью представляя себе, как вытянулось самодовольное лицо Фабиана.

— О чем ты?

Таня остановилась и обернулась.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Красться мимо моей комнаты по служебному коридору, словно змея, издавать всякие странные звуки! Чтобы действительно напугать меня, требуется чуточку больше воображения.

Фабиан покачал головой.

— Что бы ты ни слышала, это был не я.

Он повернулся и ушел.

Таня, не отрываясь, смотрела ему вслед. Его слова звучали вполне правдоподобно, и все же, что ей оставалось? Только не поверить ему. Потому что если это был не Фабиан, то кто же?

День тянулся медленно, ничего не происходило. От скуки Таня решила обследовать второй этаж. Заглянув в две пустые комнаты, она наконец нашла кое-что интересное — коробку с фотографиями, засунутую в шкаф со старой рухлядью. Она с трудом притащила тяжелую коробку к себе в комнату, высыпала ее содержимое прямо на пол и начала разглядывать фотографии. Чаще всего ей попадались мать и она сама, в разные периоды жизни. Она с улыбкой рассматривала себя — круглощекую малышку с измазанным мороженым лицом, а потом, много лет спустя, сидящую на карусели на ярмарочной площади и машущую рукой.

Были здесь и свадебные фотографии ее родителей. Таня отложила их в сторону. Наткнувшись на фотографии Уорика и Фабиана, она нахмурилась и бросила их в коробку. Почти непроизвольно она разложила фотографии по категориям и только потом заметила, какая пачка самая значительная по объему: та, где была запечатлена она сама. Впервые ей пришло в голову, что в доме бабушки она нигде не видела собственных фотографий. На стене в гостиной висели вставленные в рамки фотографии Фабиана и Таниной матери, но даже рядом с ними ни одного ее изображения не было. Все они лежали здесь, в коробке, спрятанной в пахнущем плесенью старом шкафу.

Час спустя ковер был усыпан фотографиями. Ее внимание привлекли многочисленные фотографии дедушки, умершего еще до того, как она появилась на свет. Он выглядел счастливым, жизнерадостным человеком с искорками в глазах, и Таня в который раз пожалела, что не была знакома с ним.

Таня вздохнула, взяла следующую фотографию с загнутыми уголками, без особого интереса поначалу, пока до нее не дошло, что это изображение бабушки, когда она была ненамного старше ее самой сейчас. И вот еще что — Флоренс была не одна на этой фотографии в характерных для тех времен коричневых тонах. Там

были запечатлены две девушки, стоящие бок о бок у той самой калитки сада. Юная Флоренс улыбалась в камеру, счастливо и беззаботно. Рядом с ней стояла потрясающе красивая девушка примерно того же возраста, с длинными черными волосами. Едва взглянув в ее темные глаза, Таня тут же узнала ее. Она перевернула фотографию и прочла на обороте: «Флоренс и Морвенна в возрасте четырнадцати лет».

Сердце бешено заколотилось, дыхание перехватило. Никакой ошибки быть не могло. Девушка на фотографии была та самая, которую они с Фабианом встретили в лесу, когда заблудились. Бессмыслица какая-то.

Девушка в лесу — Морвенна Блум, лучшая подруга детства бабушки, пропавшая больше пятидесяти лет назад.

Таня бросилась к двери, оскальзываясь на разбросанных вокруг фотографиях. Сбежала по лестнице, выскочила из дома и помчалась в сад. Теплый вечерний воздух благоухал, и все же она непроизвольно стучала зубами.

— Фабиан! Ты здесь?

Несколько мгновений было тихо, потом листва дуба слабо зашелестела.

— Фабиан! — громче позвала она. — Мне нужно поговорить с тобой!

— Ага, сейчас ты хочешь поговорить! — злорадно сказал Фабиан, просунув между ветвями голову. — А я думал, ты предпочитаешь разговаривать сама с собой.

— Я серьезно! Это серьезно!

Настойчивость в ее голосе подсказала Фабиану, что она не шутит. Он медленно спустился; Таня дрожала уже неудержимо.

— Что такое? — спросил он.

Без единого слова она протянула ему фотографию.

— Ну? Это Флоренс… правда, не такая морщинистая, как сейчас.

— Не она. Другая.

Лицо Фабиана побледнело.

— Девушка… эта девушка… в лесу… Но мы разговаривали с ней…

— И это еще не все. — Таня выхватила у него фотографию и показала надпись на обороте. — Это она. Пропавшая девушка.

— Невозможно. Это же произошло пятьдесят лет назад. Нет, совершенно немыслимо. Должно существовать какое-то логическое объяснение.

Они уставились на фотографию. Таня ни на мгновение не усомнилась, что девушка на фотографии та самая, которую они видели в лесу; судя по выражению лица Фабиана, он считал так

же.

— Знаешь… — встревоженно заговорил Фабиан. — Я должен кое-что рассказать тебе.

— Что? — спросила она ослабевшим голосом.

— Фабиан!

Голос Уорика раскатился по саду.

— Не сейчас, — сказал Фабиан. — Встречаемся на площадке второго этажа через полчаса.

10

Следующие тридцать минут были самыми долгими в Таниной жизни. Когда Фабиан убежал на зов отца, она сунула фотографию в карман и пошла к лестнице в состоянии, близком к трансу. Ощущение было такое, будто она угодила в ловушку сна, от которого не могла пробудиться. Только это был не сон. Все происходило на самом деле, и это пугало.

Мысли метались. Кем была Морвенна Блум? Что на самом деле случилось с ней той ночью в лесу? И что может быть известно Фабиану об этом?

Поднимаясь по лестнице, она услышала в гостиной бормотание телевизора и покашливание бабушки. Придя к себе, она села и замерла в тишине. Время тянулось немилосердно медленно. Спустя двадцать минут доски пола неподалеку от ее комнаты заскрипели под чьими-то шагами. Таня подкралась к двери и прислушалась. Ничего. Ни шагов, ни голосов. Чуть-чуть приоткрыв дверь, она выглянула на пустую площадку.

— Фабиан?

Ответом ей была тишина. Девушка выскользнула из комнаты, решив не откладывая подняться на второй этаж. Фабиан должен прийти туда через несколько минут.

Наверху все было спокойно, но это не утихомирило разыгравшиеся нервы. Она пробралась к темной нише с гобеленом, прикрывающим выход в служебный коридор, и села там.

Только она опустилась в кресло, как на другом конце площадки стукнула дверь и медленные, неуверенные шаги двинулись в сторону Тани. Даже не видя, она поняла, что это Амос: затрудненное дыхание, с каждым шагом становившееся все тяжелее, подтверждало эту мысль. Сидя в нише, она смотрела, как сначала длинная тень старика протянулась перед ней, а потом в поле зрения появилась и вся его сгорбленная фигура.

Она не была готова к этому зрелищу. С тех пор как она видела его в последний раз, он, казалось, постарел лет на десять. Лицо обрюзгшее, щеки впалые, тело иссохшее. Седая многодневная щетина, на голове остатки совершенно белых волос. Двигался он с трудом, в безумных глазах застыло выражение сосредоточенности. Таню, утопавшую в тени и сидевшую совершенно неподвижно, он не заметил. Не отдавая себе отчета, она затаила дыхание, пока он проходил мимо. Наконец хлопнула дверь туалета. У Тани мелькнула мысль: как странно, что столь хрупкий человек может содержать в себе

столько агрессии.

— Таня! Иди сюда, — послышался голос Фабиана.

Она осторожно выбралась из кресла.

— Где ты?

— Иди сюда, быстро!

Его голос доносился из мрачного коридора позади туалетной комнаты. Таня на цыпочках торопливо миновала ее, понимая, что в любой момент Амос может выйти и увидеть ее. Фабиан нетерпеливо дожидался за соседней дверью.

— Сюда!

Он открыл дверь пошире, пропуская ее, и закрыл в тот момент, когда в туалете послышался звук текущей воды.

— Почему мы стоим тут в темноте? — спросила Таня, нервно оглядываясь.

— Тихо, — прошептал Фабиан.

Они прислушивались, как доски пола скрипели под ногами возвращающегося в свою комнату Амоса. Танины глаза привыкли к темноте, и теперь она видела, что комната была совсем заброшенная — ни ковра, ни занавесок, ни абажура на электрической лампочке. Единственная мебель — расшатанная постель и покривившийся старый шкаф с одной дверцей.

— Почему мы в темноте? — повторила Таня, все еще слегка вздрагивая.

Казалось, она никак не может согреться.

— Потому что мы не должны здесь находиться, — ответил Фабиан. — Если включить свет, его могут заметить из-под двери или из окна.

Он уселся на пол и жестом предложил Тане сделать то же самое.

— Что происходит? — спросила она.

Фабиан плотно зажмурил глаза.

— Эта газетная вырезка, которую ты нашла, — что точно там было?

— Я же тебе рассказывала.

— Расскажи еще раз.

— Там говорилось, что четырнадцатилетняя девушка по имени Морвенна Блум пропала в лесу Висельника, и все подумали, что она упала в катакомбы. Ох, и еще она была дочерью священника.

— Это все?

— Все, что мне запомнилось.

— А там не упоминался какой-то парень… который видел ее?

Таня ответила не сразу.

— Да. Теперь я вспомнила. Там было что-то о местном парне.

Говорилось, что он последним видел ее. Еще упоминалось, что его допрашивали, но отпустили, не предъявив обвинения.

В льющемся сквозь окно неясном лунном свете она пыталась разглядеть выражение бледного лица Фабиана; он казался встревоженным.

— К чему все это, Фабиан? Ты знаешь, кто это был?

— Да. Хотя очень хотел бы не знать. Это… Это был мой дедушка. Амос.

Молчание повисло в воздухе. Снаружи заухала сова. Внизу в коридоре хлопнула дверь.

— Фабиан! — взревел Уорик.

Таня в тревоге посмотрела на Фабиана, глаза которого мерцали в тусклом свете. Он поднес палец к губам.

— Фабиан!

Шаги загрохотали по лестнице. Хлопнула одна дверь, потом вторая.

— Что ему надо? — спросила Таня. — Вы же виделись всего несколько минут назад!

— Не волнуйся. Сюда он не придет.

Однако скрип лестницы, ведущей на второй этаж, свидетельствовал о том, что Фабиан ошибся. Звенели ключи, новые и новые двери открывались и захлопывались. Голос Уорика звучал все ближе — и все раздраженнее.

— Фабиан!

В своей комнате заверещал обеспокоенный шумом Амос.

— Быстро под кровать! — прошептал Фабиан. Они с трудом забрались под низкую кровать и прижались друг к другу. В узком пространстве пол был покрыт толстым слоем пыли, и, к ужасу Тани, в паутине прямо перед ее лицом покачивался большущий черный паук.

— Я не могу оставаться здесь!

— У нас нет выбора! — горячо возразил Фабиан.

— Но…

— Тихо!

Таня прикусила губу и заставила себя отвести взгляд от паука. Сломанная пружина упиралась ей в голову, запуталась в волосах; Таня чувствовала влажный запах плесневелого матраса. Он пах еще и мочой, но чьей, человека или животного, Таня определить не могла. Уорик зашел в соседнюю комнату, и Фабиан напрягся. Потом шаги зазвучали совсем близко, и, когда Уорик остановился за дверью, у Тани перехватило дыхание. Дверь с силой распахнулась, сквозь нее хлынул свет из коридора.

Тяжело дыша, Уорик вошел в комнату и подошел так близко к кровати, под которой они прятались, что Таня видела комки

грязи на его сапогах. Он щелкнул выключателем, но, по счастью, тот оказался сломан. Он выругался и сделал еще один медленный шаг к постели. Вот когда Таня поняла, что это такое — быть парализованной страхом. Она ощущала лишь, как сердце бешено колотится в груди, и ей казалось, что Уорик тоже может услышать этот звук. Она ждала, не осмеливаясь даже дышать, страшась, что в любой момент он может опуститься на колени и увидеть их. Но он резко повернулся и вышел, захлопнув дверь.

Таня наконец выдохнула и почувствовала, как Фабиан рядом с ней облегченно осел. Они вслушивались, как Уорик расхаживает по площадке, проверяя одну комнату за другой. В конце концов он спустился по лестнице, и его шаги стихли. Причитания Амоса — вот все, что они сейчас слышали.

Таня вылезла из-под кровати, радуясь, что можно не опасаться Уорика. Фабиан, однако, облегчения не испытывал. Он нервно провел рукой по светлым волосам.

— У нас мало времени. Он не успокоится, пока не найдет меня.

— В таком случае не тяни и расскажи мне все, что знаешь, — сказала Таня, снова застучав зубами.

— Ладно. — Чувствовалось, что Фабиану очень неловко. — Значит, так. В… в тот вечер, когда исчезла Морвенна, поначалу никто не забеспокоился, когда она вовремя не вернулась домой. Она жила в этих местах всю жизнь и знала лес достаточно хорошо, чтобы не заблудиться. Ее родители заволновались, только когда стемнело, потому что Морвенна терпеть не могла темноты и всегда приходила домой до наступления сумерек. Выяснив, что она не с Флоренс, они запаниковали. Собрали друзей, соседей и отправились в лес на поиски, думая, что, может, она пострадала и не может добраться до дома. Искали несколько часов, но все напрасно. Назавтра спасатели спустились в катакомбы, но тоже не нашли никаких признаков Морвенны. Потом в полицию поступила частная информация. Какой-то прихожанин видел, как вечером в день исчезновения Морвенна входила в лес с парнем года на два старше нее.

Фабиан помолчал.

— Амос полностью подходил под описание. Когда за ним пришли, он был в той же самой одежде.

Он снова замолчал и посмотрел на свои руки. Таня проследила за его взглядом и впервые заметила, что ногти у него обкусаны.

— Его допросили. Их интересовало, почему он сам к ним не пришел. Он ответил, что боялся того, что люди могут подумать, о чем начнут говорить. Сказал, что просто шел по лесу и видел ее,

но больше ничего не знает. Им пришлось отпустить его, поскольку не было никаких доказательств, что он как-то связан с исчезновением Морвенны. Что касается Морвенны… ну, остальное ты знаешь. Как будто она просто исчезла с лица земли. Когда спустя несколько лет стало ясно, что она не вернется, ее семья уехала отсюда. И для Амоса после этого тоже все изменилось. Люди стали избегать его.

— Но почему? — спросила Таня. — Ты же говоришь, никаких доказательств его вины не было.

— Что не помешало людям сплетничать, и строить догадки, и обвинять. Ходили слухи, что он как-то причастен к этому делу — может, столкнул ее… или сначала убил, а потом спрятал тело в катакомбах.

— Но почему? Какие у него могли быть мотивы?

— Все знали, что у Амоса… у Амоса что-то с ней было. По-видимому, они встречались. Но потом Морвенна бросила его — и разбила ему сердце. — Фабиан со страдальческим видом повесил голову. — Люди думали, что он был разочарован и зол, что, возможно, преследовал ее, пытался вернуть ее расположение. Может, даже произошла стычка. Или, может, он хотел… пытался… Ох, я не знаю, не знаю!

Однако на самом деле он знал, и Таня тоже. Но оба не хотели произносить этого вслух.

— Обвинение жителей Тикиэнда было все равно что доказательство… ну, оно и прилипло к нему. Люди глядят на человека и спрашивают себя: а что, если он действительно сделал это?

— Почему он просто не уехал? — спросила Таня. — Можно было покинуть эти места и начать все сначала.

— С какой стати? С какой стати он должен был уезжать, если не сделал ничего дурного? — Голос Фабиана дрогнул. — Кроме того, это лишь подкрепило бы слухи. Он не хотел, чтобы все считали, что он сбежал.

Можешь представить себе, каково это, когда люди смотрят на тебя и задаются вопросом, не убийца ли ты? Можешь представить себе, что чувствовал Уорик, когда подрос и понял, что его считают сыном убийцы? Я видел, какие взгляды бросают на него в Тикиэнде. Всю свою жизнь ему приходится терпеть эти взгляды и разговоры. Они не смолкли даже сейчас.

Это и впрямь было ужасно. Крошечной частью души Таня пожалела Уорика. Неудивительно, что он так недружелюбен и даже груб. Люди сделали его таким. И теперь она понимала, почему Фабиан никогда не приводил в поместье друзей: никто не хотел общаться с живущими здесь.

— После всего этого Амос так и не нашел никакой работы. Никто не хотел нанимать его. Вот почему он закончил тем, что на долгие годы заперся в поместье Элвесденов. И женился он в конце концов на девушке из Дании, плохо говорившей по-английски, и брак распался вскоре после появления на свет Уорика. Как только до нее дошли слухи, она уехала, предоставив Амосу одному растить сына. И теперь он стал совсем старый и совсем не в своем уме.

Внезапно Таня ощутила ком в горле.

— Штука в том, — продолжал Фабиан, — что я всегда был убежден в невиновности Амоса. Но теперь я… я не знаю больше, чему верить.

Таня в ужасе посмотрела на него.

— Ты это серьезно? Ты правда думаешь… думаешь, что он сделал это? Убил ее?

— Я не знаю, что и думать. Какие только мысли не приходят в голову с тех пор, как я увидел эту фотографию.

— Какие мысли?

Фабиан прикусил губу.

— Ужасные. Ты… ты веришь в… призраков?

— По-твоему, девушка в лесу — призрак?

— Я знаю лишь, что девушка на фотографии и девушка в лесу одна и та же, но этого не может быть. Если бы Морвенна Блум была жива, ей сейчас было бы за шестьдесят.

— Может, это просто очень похожая на нее девушка, — сказала Таня.

Это объяснение казалось лучше, чем предположение Фабиана.

Даже будучи сильно расстроен, Фабиан сумел бросить на Таню высокомерный взгляд, который всегда заставлял ее чувствовать себя чуть ли не пятилетним ребенком.

— Чтобы быть настолько похожей, она должна быть ее близнецом, чего тоже быть не может. — Он нахмурился. — Чтобы не затевать бессмысленного спора, давай примем, что это был призрак.

— Ладно, — с неохотой согласилась Таня.

— Она разговаривала с нами. Может, пыталась показать нам что-то?

— Она сказала, что поможет найти Оберона.

— Но она не могла этого сделать. Он уже был с Уориком.

— Значит, это был другой пес… она ошиблась…

Фабиан не слушал Таню.

— Призраки задерживаются на земле, потому что у них есть здесь неоконченные дела, верно? Морвенна Блум пропала в этом

лесу, и до сих пор никто не знает, что с ней произошло. Что, если она умерла там? Что, если девушка, которую мы видели, призрак Морвенны? Может, она пыталась сказать нам, что с ней на самом деле случилось… или отвести к своим… своим… останкам.

— Она выглядела не как призрак, — возразила Таня. — Она выглядела такой же реальной, как ты и я. И если уж на то пошло, почему именно сейчас? Почему мы?

— Я тоже об этом думал, — слабым голосом сказал Фабиан. — И мне приходит на ум лишь одна причина, почему она показалась именно нам. Все дело в семейных связях — я внук Амоса. А вдруг слухи не врут? Может, она пытается сказать нам, что тогда, много лет назад, это он убил ее. Вдруг она не может покинуть землю, пока справедливость не восторжествует?

Таня молчала. Сколь ни ужасно это звучало, в словах Фабиана был смысл. И никаких других объяснений появлению таинственной девушки просто в голову не приходило. Холодок пробежал по ее спине.

— И что нам теперь делать?

Фабиан стиснул зубы.

— Мы должны вернуться в лес. Если она нашла нас один раз, найдет и снова.

Таня побледнела.

— Это невозможно. Представляешь, что будет, если нас застукают? Ты же видел, как разозлился твой отец!

— Нас не застукают. Мы все как следует спланируем.

— Я не уверена…

— У тебя есть идея получше?

Таня покачала головой.

— Я не успокоюсь, пока не узнаю правду, — сказал Фабиан. — Мы пойдем в лес при первой же возможности. И на этот раз выясним, что случилось с ней на самом деле.

11

Лунный свет вливался сквозь раздвинутые занавески, пронизывая тьму и заливая комнату серебром. С каждым часом ночь становилась все теплее, и окно было распахнуто в надежде на ветерок, но его не было. Густой, сладковатый запах растущих во дворе роз проникал в комнату и пропитывал все.

Таня лежала поверх одеяла в тонкой, вывернутой наизнанку пижаме, неприятно липнущей к телу. Сна не было ни в одном глазу, не столько из-за жары, сколько из-за того, о чем вечером рассказал Фабиан. Вдобавок Уорик в очередной раз починил дедушкины часы на лестничной площадке, и теперь они отбивали каждый час, мешая Тане уснуть и напоминая о том, как мало ей осталось спать. В последний раз они отбили два часа ночи, а это означало, что, даже если она прямо сейчас уснет, пройдет всего четыре часа, прежде чем Амос разбудит ее.

При одной мысли о нем мурашки побежали по телу; она представила, как он шаркает там, наверху, бормоча что-то себе под нос. Уже много лет он не поддерживал никакой связи с внешним миром. Что, если Амос и впрямь замешан в этой истории? Что, если старик наверху — убийца? И тут новое жуткое предположение поразило Таню. Что, если они с Фабианом не единственные, кому известно о существовании тайного служебного коридора? Может, Амос знает, что Таня там бывает, и решит тоже немного побродить…

Тане показалось, будто лунный свет почти не разгоняет тьму. Какое-то время она противилась настойчивому желанию включить лампу у кровати, но потом уступила ему, кляня себя за ребячество, однако свет не зажегся. Выругавшись и не думая о том, увидит кто-нибудь пробивающийся из-под двери свет или нет, она встала, пересекла комнату и щелкнула выключателем верхней лампы. Ничего.

Тут она вспомнила, что такое уже не раз случалось прежде. Отключение электричества было обычным делом в поместье, и она знала, что могут пройти часы, прежде чем его снова включат. Бабушка, предвидя такую возможность, держала в каждой жилой комнате запас свечей, но Таня со страхом вспомнила, что здесь нет ни одной. Ее комната использовалась редко, и, распаковывая и раскладывая свои вещи, она не видела никаких свечей.

Она плотно зажмурилась и попыталась думать. Свечи точно есть на кухне. Флоренс держит их под раковиной, вместе с несколькими коробками спичек. Таня решила спуститься вниз, взять несколько свечей, вернуться к себе и читать, пока не уснет.

И потом она останется в постели до тех пор, пока не выспится как следует, понравится это бабушке или нет, будет вопить наверху Амос или нет. Если понадобится, она скажет, что почувствовала недомогание. Отличный способ отдохнуть и на время избавиться от всех: бабушки, Уорика и Фабиана.

Сейчас, когда у нее появился план, Таня действовала решительно и быстро. Нашарила тапочки и выскользнула из комнаты. В тишине спящего дома любой звук казался ужасно громким, каждый скрип доски под ногами заставлял съеживаться и замирать.

На кухне Оберон в знак приветствия замахал хвостом и поднялся со своего одеяла у камина. Таня опустилась на колени и, приласкав, успокоила его. От пса пахло мозговой косточкой, а в его корзине лежали жеваные клочки сапога Уорика. Одобрительно похлопав Оберона по спине, Таня сделала в уме заметку избавиться от этого доказательства его преступления и начала шарить под раковиной в поисках свечей и спичек. Взяла несколько, заметила на буфете подсвечник, вставила в него свечу и зажгла фитиль. Кухню залил золотистый свет. Таня направилась к двери, но что-то заставило ее остановиться. Нахмурившись, она подняла свечу.

На столе лежала разделочная доска, а на ней четыре куска хлеба, разложенные точно по сторонам квадрата. Три из них были намазаны маслом. Рядом стояла масленка с воткнутым в масло ножом. Таня подошла поближе и увидела развернутый кусок фольги, а на нем оставшееся от обеда мясо. На доске лежал еще и спелый помидор. Таня дотронулась до фольги с мясом. Холодная, словно только что из холодильника.

Она резко втянула воздух и оглядела кухню. Ясно, что она помешала кому-то. А раз так, вряд ли этот кто-то успел уйти далеко. Но с какой стати делать тайну из такой тривиальной вещи, как приготовление сэндвича?

— Кто здесь? — прошептала она. — Фабиан?

Из ниши возле служебной лестницы выскочила темная фигура и метнулась прочь из кухни. Не успев даже задуматься, что она собирается делать, Таня последовала за ней. Когда со свечой, отбрасывающей тени по стенам, она вышла в темный коридор, пламя затрепетало и погасло. Внезапно оказавшись в полной темноте, Таня попыталась сориентироваться. Легкие шаги удалялись от нее. Открылась, а потом тихо закрылась дверь неподалеку. Библиотека. Едва дыша, Таня зажгла свечу и открыла дверь. Она уже поняла, что это не Фабиан и что надо позвать кого-нибудь на помощь. Но она осознавала, что на это нет времени. Она настороженно вошла в библиотеку, оглядела

опустевшие полки, письменный стол у окна. Дверь закрылась. Снаружи послышалось царапанье когтей и негромкое завывание — это Оберон увязался за ней. Присев, она заглянула под стол и подскочила, увидев устремленный на нее взгляд единственного желтого глаза. Вулкан. Кот зашипел и свернулся в косматый рыжий шар. Таня сделала шаг назад и снова оглядела комнату. Совершенно пустую — здесь просто негде было укрыться.

Она поставила свечу на ближайшую книжную полку. Видимо, она ошиблась. Ночной посетитель скрылся в какой-то другой комнате. Она понимала: нужно пойти и разбудить бабушку и Уорика; но что, если неведомый пришелец поджидает ее где-нибудь снаружи? Она стояла, раздумывая, что предпринять.

Что-то блеснуло в свете свечи. Таня снова подняла ее. На уровне глаз на краю книжной полки осталось крошечное пятно чего-то светлого, блестящего, застрявшего в сложном узоре резьбы. Не сразу, но Таня поняла, что это масло.

Она провела пальцами по узору на темном старом дереве. Среди искусно вырезанного плюща были разбросаны несколько небольших круглых панелей; одна из них и была измазана маслом.

В узор был вписан треугольник, по углам которого располагались три маленькие выемки. Действуя словно по наитию, Таня подняла руку, приложила к этим выемкам большой, указательный, средний пальцы и повернула по часовой стрелке.

Беззвучно и легко вслед за ее рукой начала поворачиваться круглая панель. Когда она повернулась наполовину, Таня убрала пальцы, снова поставила их на те же места и еще раз повернула руку по часовой стрелке. Завершив полный оборот, панель с некоторым сопротивлением и щелчком встала на место. Несколько мгновений ничего не происходило, а потом последняя секция книжного шкафа начала медленно поворачиваться, уходя в стену.

По мере того как часть шкафа поворачивалась, открывался узкий проход в стене. Там стояла кромешная тьма. Одно не вызывало сомнений: это был не тот служебный коридор, который они обнаружили с Фабианом, а что-то совсем другое. Каменная лестница по спирали уходила вниз. Воздух был холодный и влажный, пахло плесенью. Таня наклонилась, пытаясь лучше разглядеть лестницу. Она выглядела очень ненадежной.

Таня вошла в проход и сделала несколько шагов к лестнице. Да, Фабиан был полностью прав. Поместье Элвесден скрывает множество секретов. Тут действительно есть тайные ходы — и, совершенно очевидно, незваный гость, которого спугнула Таня, знал об их существовании и пользовался ими. Но зачем?

Слишком поздно она услышала негромкий скрип, когда секция книжного шкафа, подчиняясь управляющему механизму, встала на место. Послышался легкий щелчок, и проход оказался запечатан, точно гробница… с Таней внутри.

Охваченная ужасом, она попыталась при свете свечи найти какую-нибудь задвижку или рычаг, но обнаружила лишь еле заметную щель по контуру входа. Дверь закрылась очень плотно, непреодолимая и прочная. Хорошо хоть свеча не погасла — единственный источник света и хоть какого-то утешения.

Пути назад не было. Она оказалась в ловушке.

Она набрала в грудь побольше воздуха, собираясь закричать, воззвать к бабушке, к Уорику, к кому угодно, но тут же поняла, что этого делать нельзя. Ближе всех к ней сейчас находился таинственный гость; несомненно, он первым услышит ее крики и быстрее всех доберется до нее. Кто бы ни находился в туннеле, он, скорее всего, проник сюда не изнутри дома, а откуда-то снаружи. Ее единственный шанс — держась в отдалении, следовать за ним и таким образом найти выход.

Не оставалось ничего другого, как продолжить путь. Сердце дико колотилось в груди, дыхание перехватывало. Таня прилагала неимоверные усилия, чтобы взять себя в руки. Никогда в жизни она не испытывала такого ужаса. Она начала спускаться по лестнице, уходя все дальше и дальше под дом. Температура быстро понижалась. Тело под тонкой пижамой покрылось «гусиной кожей». Свеча подрагивала в руке.

Винтовая лестница закончилась. Таня остановилась, в смятении разглядывая четыре открывшихся перед ней новых прохода. Все они уводили в разных направлениях, ни один не выглядел предпочтительнее другого. Между пятнами толстой зеленой плесени проглядывал серый камень стен. Потом Таня заметила кое-что на земле: большой плоский валун, прочно обвязанный грязной веревкой, уходящей в один из туннелей. Видимо, она предназначалась для того, чтобы как-то обозначить путь в подземном лабиринте. Перед Таней возникла новая трудная задача. Понимая, что свече осталось гореть совсем недолго, а свет могут заметить, она опустилась на колени, взялась за привязанную к камню холодную, влажную веревку, собралась с духом, задула свечу и углубилась во тьму. О чем говорил Фабиан? Потайные ходы выводят в несколько мест: где-то в Тикиэнде, в паб и в маленькую церковь неподалеку.

«Пусть это будет церковь», — мысленно молила она.

Она шла уже несколько долгих минут, все больше погружаясь во мрак. Ей казалось, что туннель сужается. Пахнущая плесенью тьма забила горло и нос. Собственное неровное дыхание было

единственным звуком, который она слышала. Тьма поглощала ее.

Потом воздух стал другим: не таким спертым, более свежим, но зато еще холоднее. Таня сразу почувствовала, что туннель открывается куда-то… в подземную пещеру… или, может, это выход наружу? Она лихорадочно вертела в руках коробок со спичками — и вдруг в ужасе подскочила, услышав характерный щелчок. Яркий свет ослепил ее. Она подняла руку к глазам, слишком поздно осознав свою ошибку.

— Как мило, что ты тоже с нами, — прошипел голос ужасно близко.

Фонарь погас, легкие шаги удалялись. Она услышала, как кто-то чиркнул спичкой. Перед глазами заплясали белые пятна, Таня беспомощно заморгала. Она успела заметить, что находится в подземной пещере. Пламя свечи обрисовываю чей-то силуэт. Таня зажмурилась, а когда снова открыла глаза, зрение прояснилось. Силуэт переместился к стене, лицо по-прежнему оставалось в тени.

— Кто ты? — спросила Таня, осматриваясь.

В самом дальнем углу пещеры стояла старомодная кровать с грудой одеял. Еще там лежала какая-то одежда и наполовину пустая сумка. Рядом с кроватью стояли маленький деревянный столик и кресло. Пламя стоящей на столике единственной свечи трепетало от сквозняка. В свете свечи Таня наконец разглядела того, вернее, ту, за кем она шла по лабиринту.

Это была девушка, совсем молодая, может, чуть старше Тани. Высокая, атлетически сложенная, плоскогрудая, с мальчишеской фигурой и простоватым лицом, выражение которого не поддавалось определению. Даже в этом тусклом свете поражала ниспадающая до пояса грива рыжих волос, буйных и всклокоченных, блестящих в полутьме ярче свечи, как будто они сами были объяты пламенем.

Девушка сделала шаг в сторону Тани, бесшумно и уверенно, точно кошка. На ней было простое короткое темное платье и поношенные, но еще крепкие туристические ботинки. К худощавому бедру пристегнут нож. Таня встретилась с ней взглядом и в тот же миг с абсолютной уверенностью поняла, что, если понадобится, девушка пустит его в ход.

— Кто ты? — снова спросила Таня. — И что делаешь в доме моей бабушки?

Девушка смотрела на нее немигающим взглядом зеленых глаз.

— Сначала я сама хотела бы кое-что узнать. И прежде всего, твое имя.

— Что ты себе воображаешь? — сказала Таня. — Думаешь, ты

можешь просто…

Девушка стремительным движением пересекла разделяющее их расстояние. Миг — и ее лицо оказалось в нескольких дюймах от Таниного, губы раздвинулись в оскале. Таня была вынуждена отступить к холодной стене пещеры. Девушка выглядела дикой, почти безумной. Изо рта сильно, дурно пахло, одежда воняла потом. Не вызывало сомнений, что она давно не мылась.

— Ты дорого обошлась мне сегодня ночью, не считая потери времени, которую я вряд ли могу себе позволить. Ты, конечно, можешь сейчас поупрямиться, но я бы посоветовала тебе этого не делать. Итак, я спрашиваю еще раз, вежливо. Твое имя.

— Таня.

— Хорошо. Теперь, Таня, скажи: кто-нибудь еще заметил меня сегодня ночью?

Таня заколебалась. Что-то в твердом взгляде девушки подсказывало, что лучше не лгать.

— Не думаю.

Девушка расслабилась и слегка отодвинулась от нее.

— Как ты узнала об этих секретных проходах? Ты уже ходила здесь раньше?

Таня покачала головой.

— Нет. Я слышала… рассказы… но никогда не верила, что они и впрямь существуют.

— Как же ты нашла этот?

— Пошла за тобой. Ты оставила мазок масла на панели, которая включает механизм. Это была просто счастливая случайность…

Девушка одарила ее холодной улыбкой.

— Ты пошла следом за мной и оказалась в ловушке в туннеле. Прямо маленький детектив, да? Кто еще знает о проходах? Ты сказала, это дом твоей бабушки.

От смрадного дыхания девушки Таню тошнило, голова кружилась.

— Не знаю. Бабушка никогда не рассказывала мне об этом. Пожалуйста, я просто хочу выбраться отсюда. Объясни, как вернуться в дом… я никому не скажу о тебе…

Девушка как будто не слышала ее слов.

— Как скоро бабушка заметит твое исчезновение?

— Когда я не выйду к завтраку. Около восьми.

Девушка выругалась.

— Что тебе нужно? — спросила Таня. — Если деньги, я, возможно…

— Деньги? — полным недоверия голосом повторила девушка. — Я здесь не ради денег! По-твоему, я воровка?

— Ты же взяла еду.

— Только то, в чем нуждалась. У меня не было другого выбора.

— И ты прячешься здесь, разве не так?

Лицо девушки непроизвольно задергалось.

— Что, я не права? Ты используешь это место как укрытие. — Таня, дрожа, оглядела пещеру. — И ты здесь не одна.

— Что?

Таня посмотрела в зеленые глаза девушки.

— «Как мило, что ты тоже с нами». С нами. Вот что ты сказала, когда я нашла тебя. Здесь с тобой есть кто-то еще.

Не успела она договорить, как пещеру наполнил ужасный, душераздирающий крик, становившийся все громче. Таня замерла. Было в этом крике что-то страшно знакомое… она уже слышала его прежде.

Что-то двигалось под грудой одежды на постели. Нет, не под одеждой, а в ней. Таня стояла, вжавшись спиной в холодную каменную стену, а рыжеволосая девушка бесшумно подошла к постели и взяла на руки сверток. Как завороженная, Таня смотрела на крошечную ручку, которая высунулась из свертка и потянулась к лицу девушки, на то, как разжался маленький кулачок… Крик, между тем, не стихал.

— Ребенок? Ты прячешься здесь с… с ребенком?

Девушка не отвечала; Таня даже не была уверена, что она ее слышала. Сев на постель, она стала нашептывать что-то ребенку, но он не желал успокаиваться.

— Почему он так кричит? — спросила Таня, вздрагивая от ужасных воплей.

Завывания сменились пронзительным визгом, отразившимся от стен пещеры и наполнившим сердце Тани страхом.

— Он кричит, потому что болен, — неожиданно ответила девушка. — Ему нужны лекарства, а у меня их нет.

Танин страх мгновенно сменился желанием взглянуть на ребенка. Она медленно, осторожно шагнула к постели. Девушка ничего не заметила. Осмелев, Таня сделала второй шаг.

— Если он болен, почему он не в больнице?

— Он был там, — пробормотала девушка. — Но в больнице небезопасно.

— Он твой?

И опять девушка не ответила. Таня сделала еще один шаг. Младенец продолжал корчиться в руках девушки, крошечные конечности молотили по ткани, в которую он был завернут. Она по-прежнему не могла разглядеть ничего, кроме маленькой слабенькой ручки.

— Что значит — в больнице небезопасно? Разве там не лучше, чем в этом подземном… подземном склепе, где нет ни тепла, ни света, ни свежего воздуха?

— Заткнись! — яростно прошептала девушка. — И вернись туда, где стояла.

Таня отступила, но «заткнуться» было выше ее сил. Что-то здесь было не так, она чувствовала, что ее обманывают.

— Почему ты забрала больного ребенка из больницы?

— Я сказала, заткнись! Заткнись!

Лицо девушки сморщилось, казалось, она вот-вот расплачется, но ей удалось справиться с собой.

Что-то зашевелилось в глубине Таниной памяти; она сосредоточилась, и постепенно воспоминание начало всплывать, поначалу медленно, а потом вдруг с такой неожиданной быстротой и силой, что возникло чувство, будто ее ударили в живот.

— Вспомнила! Об этом говорили по радио. Младенец, украденный в больнице… — Голос у нее дрогнул. — Это была ты. Ты сделала это.

Глаза девушки гневно вспыхнули.

— Ты унесла оттуда ребенка, — в ужасе продолжала Таня, — а теперь держишь его здесь, хотя он болен и нуждается в медицинском уходе…

Тошнота, все время донимавшая ее, подкатила к горлу. Таня согнулась вдвое, и ее вырвало. Желудок был пуст, но рвотные позывы не прекращались — наверное, от страха. Она понимала: чтобы сбежать, нужно обмануть девушку или драться с ней. Ни то ни другое не представлялось возможным.

Постепенно тошнота начала проходить, но Таня по-прежнему стояла согнувшись, делая вид, будто рыгает и сплевывает, и таким образом пытаясь выиграть время, пока лихорадочно обдумывала варианты бегства. Уголком глаза она поглядывала на девушку. Ребенок выдохся и лежал спокойно в своем коконе. Девушка застегнула молнию на сумке и взяла со стола на четверть наполненную водой пластиковую бутылку. Отвинтила крышку, подошла к Тане и протянула ей бутылку. Таня замерла, настороженно глядя на нее.

— Возьми, — нетерпеливо сказала девушка. — Если тебе, конечно, не нравится вкус рвоты во рту.

Таня взяла бутылку, хорошенько прополоскала рот, сплюнула и сделала небольшой глоток.

— Знаю, что ты думаешь, — неожиданно сказала девушка.

Таня поставила бутылку на стол.

— И что я думаю?

— Что я преступница. И ты наверняка строишь планы, как бы сбежать. Так?

Таня кивнула.

Девушка помолчала.

— Что, если я расскажу тебе, что я вовсе не преступница, просто поступила плохо в попытке сделать кое-что другое, хорошее? Будет ли это иметь для тебя какое-то значение?

— Не знаю. Почему бы тебе просто не рассказать? Объясни, зачем ты украла ребенка. Тогда, может, я пойму.

— Нет, не поймешь. Я в твоих глазах стану еще безумнее, чем сейчас. — Девушка вперила в Таню долгий, твердый взгляд. — Ты нарочно заговариваешь мне зубы, чтобы отвлечь и попытаться сбежать. Я не осуждаю тебя. Просто пойду на все, лишь бы выбраться отсюда с этим ребенком, и ни ты и никто другой не остановит меня. Вот так, и можешь делать какие угодно выводы.

— Если ты так убеждена в своей правоте, почему бы тебе не рассказать мне все?

— Потому что ты не поверишь мне, — просто ответила девушка. — И потому что мне нужно уходить, прямо сейчас. Прежде чем рассветет.

— А со мной что будет?

— Ты останешься здесь. Отойдя на безопасное расстояние, я пошлю в дом сообщение о том, где ты находишься.

У Тани перехватило дыхание.

— Ты не можешь бросить меня здесь! Откуда мне знать, что ты сдержишь слово? А если тебя схватит полиция? Или… или ты попытаешься сбежать от них и тебя убьют? Что угодно может случиться! И тогда никто не найдет меня!

— Да уж, не найдут, надо полагать, — ответила девушка. — Но, может, это послужит тебе уроком на будущее. В конце концов, ты наверняка слышала, до чего может довести любопытство. И если ты собираешься последовать за мной или попытаться самостоятельно найти выход из туннелей, лучше выбрось это из головы. Если ты пойдешь за мной, я услышу и сделаю так, что ты и шагу больше не ступишь. А найти выход самой нет никаких шансов. Туннели — это сложный лабиринт, некоторые завалены осевшей породой. Из оставшихся лишь немногие выводят куда-то. — Она замолчала и посмотрела прямо в глаза Тане. — Большинство представляют собой ловушки и замыкаются сами на себя, чтобы помешать преследователям. Для того они, собственно, и создавались. Очень изобретательно, в самом деле.

Таня сдержала слезы и поток ругательств.

— Что ты собираешься делать с малышом? Продать его? Получить за него выкуп?

— Ни то ни другое. Во-первых, его подкинули, кто же станет платить выкуп? А продать его невозможно, потому что об этом раструбили в новостях.

Ребенок снова взвыл, и от неожиданности Таня подскочила — таким ужасным, булькающим был вой.

— Ты не можешь сделать так, чтобы он замолчал?

— Через минуту нас здесь не будет.

Малыш завопил еще громче — даже рыжеволосая девушка вздрогнула и обеспокоенно посмотрела на постель.

И тут же с негромким криком метнулась к ней. Между складками одеяла была видна детская ручка. Из крошечных ранок на ладони бежали ручейки крови: малыш вонзил ногти в собственную кожу. Как только девушка коснулась его, крики стали стихать. Она поплотнее завернула ребенка, положила на согнутую руку, а на другое плечо повесила сумку и направилась к Тане.

— Мне нужна пара часов, прежде чем я извещу кого-нибудь о том, где ты. Предупреждаю еще раз: не пытайся идти за мной. Если заблудишься здесь, то умрешь. — Она бросила на пол одеяло. — Вот. Чтобы не замерзнуть.

Таня не отвечала. Она смотрела на младенца, спокойно лежащего на руке девушки. Это был момент, который изменил все. Момент, когда она поняла, что на самом деле представляет собой этот ребенок.

Он, в свою очередь, не мигая смотрел на нее. От того, что произошло дальше, внутри у нее все похолодело от страха. Пока малыш разглядывал ее, его внешность начала изменяться. Кончики ушей удлинились и заострились, кожа приобрела зеленоватый оттенок. Глаза целиком налились чернотой и заблестели. Этот отталкивающий облик очень быстро исчез — но Таня не сомневалась, что видела его.

И рыжеволосая незнакомка тоже.

— Ты видела, — хрипло прошептала она.

Таня отвела взгляд от создания в руках девушки и сглотнула.

— Просто не верится. Ты видела. Ты тоже можешь их видеть.

Между ними на миг возникло молчаливое взаимопонимание. Потом девушка прошептала:

— Ты обладаешь вторым зрением.

Таня невольно отпрянула.

— Кто ты?

Последовала короткая пауза.

— Можешь называть меня Рэд.

Таня кивнула на младенца фэйри.

— Что ты делаешь здесь с этим ребенком?

— Хороший вопрос, — ответила девушка. — Садись. Я расскажу свою историю. Уверена, тебя это заинтересует.

Часть вторая

Страна фэйри опасна, в ней есть волчьи ямы для неосторожных и темницы для чересчур смелых.

Дж. Р. Р. Толкин

12

Рэд перегнулась через стол, не отрывая взгляда от свечи. Свет и тени играли на ее лице. Она поднесла руки к пламени, чтобы согреть их. Таня оцепенело смотрела, как бледные, тонкие пальцы движутся вверх и вниз с грациозностью бабочки, танцующей в солнечных лучах. Они выглядели как пальцы пианистки. Или художницы. На деле же все, похоже, было совсем иначе.

Она ни на йоту не доверяла этой девушке.

— Как ты прошла мимо Оберона? — спросила она. — Для меня это… непостижимо. Он залаял бы.

— Пес? Ну, это легко. Когда я только вошла на кухню, он зарычал, но я бросила ему немного еды, и мы стали лучшими друзьями.

У Тани от страха округлились глаза.

— Ты его не… не…

— Что? Не подсунула ему наркотик? Не отравила? — закончила за нее Рэд. — Нет. Я не обманываю. Я просто подкупила его едой. И если уж на то пошло, я люблю животных. Гораздо больше, чем людей, уж будь уверена.

Таня промолчала.

— Ну, мне совершенно ясно, — сказала Рэд, — что ты никогда прежде не встречала никого, обладающего вторым зрением.

Таню не покидало ощущение нереальности происходящего.

— Я всегда думала… надеялась, что должны быть и другие, — сказала она наконец. — Но никогда не позволяла себе верить в это.

— Других не так уж мало. Таких, как я. Как ты. Каждый думает, что он один такой ненормальный. Урод. Нужно время, чтобы научиться распознавать признаки, но в конце концов ты этим овладеешь. Сможешь отличить того, кто обладает теми же способностями.

— Но почему? — дрожащим голосом спросила Таня.

Рэд прищурилась.

— Что «почему»?

— Почему мы можем видеть их? Кто мы? Что мы?

— Ты знаешь, кто такие подменыши?

Таня вспомнила отрывок из книги в библиотеке, и ее затопило чувство страха.

— Это дети, украденные фэйри.

Рэд кивнула.

— Вместо украденного человеческого ребенка кладут ребенка

фэйри, часто похожего на него. Обычно совсем маленьких детей трудно отличить друг от друга. Разве что мать способна заметить разницу, да и то не всегда. — Рэд взглянула на мирно спящего ребенка. — Они предпочитают забирать тех, чью пропажу труднее заметить. Сирот или подброшенных детей, вот как этот. К тому времени, когда его обнаружили, подмена, наверное, уже произошла.

Рэд в возбуждении встала и принялась расхаживать по пещере.

— Сейчас то человеческое дитя уже далеко отсюда, исчезло в королевстве фэйри. Иногда их возвращают, иногда нет. Все зависит от того, почему их забрали. Иногда их заменяют детьми фэйри, родившимися уродливыми или больными. Здоровое же дитя фэйри могут обменять на какого-то особенного человеческого ребенка — такого, который, скажем, вырастет необыкновенно красивым или обладает редким даром. Иногда детей забирают, просто чтобы посеять панику или причинить страдания. — Она буквально выплюнула последние слова, и Таня вздрогнула. — В любом случае, чем больше времени проходит после подмены, тем меньше вероятность, что обратный обмен произойдет. Очень быстро становится ясно, сможет ребенок приспособиться к новой жизни среди фэйри или нет.

— И что происходит, если не сможет приспособиться?

— Чаще всего человеческое дитя возвращают в то же место, откуда взяли. Но вот с ребенком фэйри не все так просто. — Рэд закрыла глаза и надолго смолкла. — И снова это зависит от обстоятельств. В основном от того, сохраняется наваждение или нет. У этого ребенка, скорее всего, оно долго не продлится, так мне кажется. — Она снова помолчала. — Ты знаешь, что такое наваждение, или я должна и это тебе объяснять? — с иронией спросила она.

— Нет… В смысле, да, — запинаясь, ответила Таня. — Я знаю, что такое наваждение.

Рэд кивнула на ребенка.

— Он выглядит как человеческое дитя, однако ты заметила, пусть мельком, — и я тоже, — что на самом деле скрывается под этой личиной. Мы сумели это разглядеть, потому что обладаем вторым зрением, а наваждение не создается самим ребенком. Обычный человек не замечает никакой разницы, пока наваждение не иссякнет. Тогда он увидит в точности то, что видим мы. Ребенок будет выглядеть таким, каков он на самом деле, не имея знаний и способности защитить себя. И я не могу допустить, чтобы это произошло.

— Что… Что с ним будет?

— А ты как думаешь? — прошипела Рэд. — Если люди увидят его таким, какой он на самом деле? Его запрут в какой-нибудь лаборатории — будут брать анализы, колоть, ставить на нем эксперименты. — Ее голос упал до шепота. — Люди всегда так делают, если сталкиваются с чем-то непонятным. Ну а стоит ему попасть в лабораторию… он оттуда в жизни не выйдет. И все будет шито-крыто.

— Ты имеешь в виду… Ты имеешь в виду, что он, возможно, умрет в лаборатории, подвергаясь всяким экспериментам? — потрясенно спросила Таня.

— Скорее всего. Теперь ты понимаешь, почему я делаю то, что делаю. Почему делаю то, что должна делать.

Таня закрыла глаза.

— Ты уже не в первый раз этим занимаешься.

Рэд медленно покивала, не отрывая взгляда кошачьих глаз от Тани.

— И не в последний.

— Это… Это произошло с тобой, да? Они забрали кого-то из твоих близких. Кого-то, кого ты любила.

Рэд кивнула.

— Джеймса. Моего младшего братишку.

Увидев, что ее глаза затуманились, Таня отвела взгляд.

— Так что происходит сейчас?

— Я жду.

— Чего?

— Хочу увидеть, долгим ли будет наваждение у этого ребенка.

— И скоро ты это поймешь? — спросила Таня.

— Если это всего лишь поверхностное наваждение — не такое, которое длится долго, — оно ослабеет, и признаки истинной природы ребенка проявятся очень быстро. От пары часов до нескольких дней. Самое большее неделя.

— Какие признаки?

— Первыми станут изменяться глаза, — ответила Рэд. — Они начинают тускнеть и в конце концов становятся полностью черными. Потом уши делаются удлиненными и остроконечными. И под конец кожа приобретает зеленоватый оттенок. И тут надо действовать очень быстро. Чрезвычайно важно, чтобы подменыш как можно скорее вернулся в королевство фэйри.

— А если наваждение не поверхностное?

— Тогда иллюзия сохраняется на протяжении всей жизни. Но хотя ребенок фэйри может выглядеть как человек, он определенно будет обладать… необычными качествами. Как бы усердно он ни старался подражать поведению людей, все равно

будет другим. Вдобавок продолжительность жизни подменышей существенно отличается от нормальной. Человек, попавший в королевство фэйри, в среднем живет гораздо дольше обычного, а вот жизнь фэйри в мире смертных намного короче.

— Насколько короче?

Рэд криво улыбнулась.

— Считай, им повезло, если они переживут свое тридцатилетие. Как раз тот возраст, когда остепеняются и заводят семью. — Она помолчала. — Семью с человеком. Что возвращает нас к твоему вопросу: «Кто мы такие?»

Сердце Тани бешено заколотилось.

— Ага, начинаешь понимать, да?

Таня сглотнула.

— Ты хочешь сказать, что мы… что люди, такие как мы…

— Когда-то в твоем — и моем — роду была совершена подмена. Неважно, с чьей стороны, матери или отца. Вторым зрением обладают те, в ком течет кровь фэйри. Вроде гена, но передается он вовсе не всем потомкам подменыша. Скорее, наоборот. Это случается редко. Ну, как голубые глаза, к примеру. Они есть не у всех в роду, только у некоторых. Так же обстоит дело со вторым зрением.

— Кровь фэйри, — ошеломленно повторила Таня. — Кровь фэйри.

В глубине души она понимала, что это правда, как и все остальное, сказанное Рэд. В ее жилах течет кровь фэйри.

— Ну вот, теперь ты знаешь, кто мы такие. — Рэд перевела взгляд на часы на запястье и снова взяла сумку. — Солнце скоро взойдет. Мне нужно уходить.

Таня смотрела на нее, пытаясь переварить тошнотворную истину, которую ей только что скормили, скользящую внутри, словно масло на воде. Уже очень давно она жаждала встретить кого-то, кто поверил бы ей, кто понял бы. Еще дольше она страстно желала просто узнать правду. Знание — сила, понимала она. И эта девушка — странная, неуравновешенная девушка, чья одержимость после потери брата толкнула ее на столь отчаянные поступки, — дала Тане и то и другое. Нельзя было допустить, чтобы она ушла.

— Послушай, — начала Таня. — Я…

Рэд замерла.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Я верю тебе, — ответила Таня. — Верю всему, что ты рассказала.

— Почему ты решила, что меня это заботит?

— Потому что это означает, что тебе не нужно бежать… по

крайней мере, пока, — сказала Таня, чувствуя, как идея начинает формироваться в сознании.

В глазах Рэд вспыхнула искорка интереса. И чего-то еще, чего-то, похожего на надежду.

— Продолжай, — сказала она.

— Тебе нужно затаиться. Тебя ищут… полицейские. Об этом говорили в новостях. Я единственная, кто знает, что ты здесь. И если я буду молчать, никто больше и не узнает. Я могу помочь тебе.

— С какой стати тебе помогать мне? — подозрительно спросила Рэд.

Таня посмотрела на подменыша.

— Потому что я понимаю: ты не причинишь ему вреда. И потому что у тебя есть кое-что, что нужно мне.

Недоверие Рэд, казалось, усилилось.

— Чего такого ты можешь хотеть от меня?

— Информации, — ответила Таня. — Ты знаешь многое о фэйри. Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что тебе известно. Если ты выполнишь мою просьбу, я не расскажу никому, что видела тебя. Сохраню твою тайну. И смогу приносить тебе еду и воду… отпадает риск, что тебя заметят. Если все как следует продумать, ты сможешь даже принять душ.

При одном упоминании о душе глаза Рэд жадно вспыхнули.

— Горячий душ, — прошептала она. — Просто райское блаженство. — Она понюхала свою подмышку. — Давно пора. — Ее взгляд снова метнулся к Тане. — Я согласна, но при условии, что ты сделаешь для меня кое-что еще. Информация не достанется тебе даром.

— Чего ты хочешь?

Рэд достала из кармана кусок бумаги.

— Мне нужно то, что здесь перечислено. Как можно больше из этого. Принесешь еду, эти вещи и оставишь все за проходом, через который проникла сюда. Не входи в туннели. Если я услышу, что кто-то здесь есть, я сочту, что ты предала меня, и уйду. Доставишь эти вещи, и я сообщу тебе информацию. И потом уйду.

— Хорошо, — ответила Таня. — Но, в свою очередь, ты не будешь заходить в дом, пока я не скажу, что можно. Я принесу еду к проходу, но ты сможешь подняться наверх, только когда я достану то, что в твоем списке.

Рэд отрывисто кивнула и протянула ей листок; рука у нее была грязная, даже липкая.

— Я выведу тебя обратно, — сказала она. — Есть отличный выход из туннелей — не тот, через который мы попали сюда.

— Но как ты узнала об этих тайных проходах в доме? — спросила Таня. — Случайно?

— Нет. Мне рассказал о них человек, которому я доверяю. Я общаюсь со многими людьми, которые делают то же, что и я. Мы рассказываем друг другу о таких вот убежищах. Они разбросаны по всей стране. Дома, церкви, гостиницы. Некоторые, вроде этого дома, соединены с другими неподалеку.

— Я слышала, какой-то туннель связывает дом с пабом в Тикиэнде, а другой ведет в церковь. Это правда? — спросила Таня.

— Да. Я проникла сюда через церковь. Вход в одной из могил.

— Могила?

— Фальшивая. Там никто не похоронен. Ее соорудили специально для входа в подземелья.

Таня встала.

— И все проходы односторонние? Каждый ведет либо в дом, либо из него?

— Нет. Только один. Через остальные можно и войти, и выйти. Этот, за книжным шкафом, неисправен. Поначалу из него тоже можно было проникать в дом.

— Так где этот другой путь? — спросила Таня, обхватив себя руками, чтобы согреться.

— Самый быстрый путь отсюда ведет в гостевую комнату на первом этаже, которую никогда не использовали по назначению. Поэтому там дверь без замка. Проникнуть туда можно через узкую щель в стенной панели. Так мы и пойдем.

Рэд направилась к входу в туннель, но потом резко остановилась и обернулась к Тане.

— Я забыла упомянуть кое о чем, что может заставить тебя передумать.

— О чем?

— Тот факт, что ты помогаешь мне, — ответила Рэд. — Фэйри этого не любят.

— А как они узнают?

— Надеюсь, ты на самом деле не столь наивна? — Рэд повела рукой вокруг. — Они, скорее всего, сейчас здесь. Наблюдают.

— Я могу защитить себя, — ответила Таня. — Я не боюсь.

Рэд вперила в Таню наполовину восхищенный, наполовину презрительный взгляд, без единого слова повернулась спиной, убрала в сторону густые, спутанные волосы, протянула назад руку и дернула за воротник платья, оголив верхнюю часть спины.

Даже в тусклом свете Таня разглядела уродливый, похожий на выжженное клеймо знак размером с кулак. И не просто бессмысленный знак — нет, серебристый шрам имел странно

знакомые очертания — крылья. Крылья фэйри, выжженные на коже.

Таня в ужасе открыла рот. Рэд снова натянула платье и повернулась к ней.

— Вот что произошло, когда я совершила ошибку, недооценив их, — с горечью сказала она. — И считаю, что мне еще повезло отделаться только шрамом.

— К-как… это случилось? — спросила Таня, растеряв всю свою отвагу.

— Надеюсь, тебе никогда не придется этого узнать, — мрачно ответила Рэд. — Для тебя же лучше опасаться их.

13

Избегать Фабиана на следующий день оказалось труднее, чем рассчитывала Таня. С тех как она нашла Рэд и узнала правду о своих способностях, у нее появились более важные дела и планы, чем бродить по лесу с Фабианом. Когда она, почти не отдохнув, вскоре после полудня вышла наконец из своей комнаты, она думала только о том, как бы разузнать, кто в их семье был подменышем. Произошло это по материнской линии или по отцовской? Много лет назад или этот человек еще жив и она его знает?

Вторая забота касалась списка вещей, которые Рэд просила ее принести. Это не так-то просто, поскольку после поездки в Тикиэнд у Тани осталось всего несколько фунтов. Если не раздобыть еще денег, придется пойти на риск и стащить эти вещи из дома — что потребует и времени, и тщательного обдумывания. Пока единственное, что могла сделать Таня, — это оставить у прохода за книжным шкафом еду и воду для Рэд.

Бабушки нигде видно не было, а на холодильнике лежала записка. В ней говорилось, что утром звонила Танина мать. Таня скомкала записку и бросила в мусорное ведро. Она все еще обижалась на мать за то, что та отправила ее в поместье и бросила в этой глуши, и не хотела с ней разговаривать.

Насыпав в тарелку кукурузные хлопья, она села за кухонный стол. Флоренс, конечно, не понравилось, что Таня не вышла к завтраку. Несколько минут она колотила в дверь ее спальни, потом сдалась и вернулась вниз.

Посреди завтрака Таня встала и включила стоящее на подоконнике радио, чтобы послушать новости. Там было краткое упоминание об украденном ребенке и более подробное описание Рэд. Таня встревожилась. Она была не уверена, правильно ли поступает, покрывая ее. Ее раздирали противоречивые мысли. Рэд неуравновешенная, безрассудная. Безрассудные люди совершают безрассудные поступки. Опасные поступки. А вдруг она не сдержит слово и попытается проникнуть в дом? И в то же время она была единственным известным Тане человеком, обладающим теми же способностями, что и она сама. Обе девушки пострадали от рук фэйри, но Танины неприятности теперь казались ерундой по сравнению с тем, что выпало на долю Рэд.

Она выключила радио в середине прогноза погоды, который предсказывал летнюю грозу, и уныло смотрела на свой скучный завтрак, когда на кухню спустился Фабиан. Не говоря ни слова, он взял коробку с кукурузными хлопьями, запустил руку внутрь,

вытащил горсть хлопьев и сунул их в рот.

— Фабиан! — возмущенно воскликнула Таня. — Неужели нельзя взять тарелку, молоко и ложку?

— Так вкуснее, — пробормотал Фабиан с набитым ртом.

Он повернулся, чтобы уйти, и тут Таня заметила на его виске синяк, резко выделяющийся на фоне бледной кожи.

— Откуда у тебя это? — спросила она. — Что с твоим лицом?

— Ничего, — опустив взгляд, угрюмо ответил Фабиан. — Упал.

— Упал?

— Да, упал, и что?

Таня прищурилась, но больше ничего не сказала.

— Ох, и спасибо, что починила мою футболку, — неожиданно добавил он, и Таня почувствовала, что он жаждет сменить тему разговора. — Стежки такие аккуратные. А ты еще говорила, что не умеешь шить.

— Не умею, — недоуменно ответила Таня. — Я не чинила ее.

За стеклами очков глаза Фабиана от удивления стали как у совы.

— Тогда кто? Флоренс говорит, это не она. И уж конечно не Уорик.

Уголком глаза Таня заметила, как невероятно длинные пальцы феи камина обхватили корзину с углем, и послышался легкий вздох. Таня с подозрением посмотрела на нее. Та мгновенно спряталась. Катушка зеленых ниток покатилась по камину, но тут же исчезла, схваченная быстрой рукой.

Таня повернулась к Фабиану и пожала плечами. Она не верила, что эту работу сделала фэйри, — даже если никакого другого объяснения не было.

— Как бы то ни было, нам нужно поговорить, — сказал Фабиан.

Забыв о фее камина, Таня смотрела на синяк у него на виске.

— О чем?

— О том, что мы обсуждали вчера, — о новом походе в лес.

— А, это…

Энтузиазма Таня не испытывала и не сумела скрыть этого.

— Нужно все хорошо организовать, — продолжал Фабиан. — Взять с собой кое-что. Теплую одежду, карту, фонарь, компас, еду и воду…

— Еду и воду? Я не собираюсь устраивать пикник!

— И я тоже, — сказал Фабиан. — Просто на тот случай, если мы снова заблудимся. Я уже раздобыл фляжку, карту и фонарь, так, может…

— Подожди-ка, — прервала его Таня. — Зачем нам фонарь?

Мне на ум приходит только одно объяснение. Надеюсь, это не то, что ты задумал? — Его молчание подтвердило ее подозрения. — Ты что, всерьез? Я не пойду в лес ночью!

— Тише!

— Ладно, но я все равно не пойду!

Ноздри Фабиана затрепетали от раздражения.

— Послушай, я и сам не в восторге от этой идеи. Но, если ты заметила, Уорик вчера почти не спускал с меня глаз, как будто знает, что мы затеваем что-то. У нас есть один-единственный шанс — уйти, когда он не следит за мной. А единственное время, когда он не следит за мной, это когда он спит. — Он бросил на Таню сердитый, но полный отчаяния взгляд. — Я должен узнать, что произошло. Должен. Если ты отказываешься, так и скажи. Если же нет, не будем терять времени даром.

— А если мы выясним, что твой дедушка сделал… сделал что-то с Морвенной Блум? — спросила Таня. — Ты подумал, как ты будешь себя чувствовать? Сейчас ты живешь, ничего такого не зная. Может, лучше, чтобы все так и оставалось?

Она тут же пожалела о своих словах, увидев в глазах Фабиана выражение муки.

— Я, наверное, согласился бы с тобой, если бы мы не видели ее… или кто там был в лесу, так похожий на нее, — еле слышно сказал он. — Я не могу просто забыть. Уж лучше узнать все наверняка, чем воображать невесть что. Что бы ни произошло, не может быть ничего хуже неизвестности.

Таня прикусила губу. И хотя все в ней противилось этому, она услышала, как говорит:

— Ну… ладно… Я пойду с тобой.

Лицо Фабиана осветилось, и она поняла, что поступила правильно, хотя в глубине души оставалась при своем мнении.

— Когда?

— Сегодня вечером, — очень серьезно ответил Фабиан.

Таня впервые оказалась в комнате Фабиана. Обычно он никого туда не пускал, и теперь стало ясно почему. Его комната была похожа на некий гибрид научной лаборатории и маленького музея. На столе у камина, среди вороха бумаг, исписанных неразборчивым почерком Фабиана, стоял огромный глобус. На полках громоздились черепа и зубы животных, стояли толстенные книги по самым разным научным дисциплинам. О некоторых Таня имела хоть какое-то представление, но были и такие, о которых она никогда даже не слышала.

Имелись тут подробные зарисовки и диаграммы и странное увеличительное устройство, которое Таня видела у Фабиана в

первый день ее пребывания в поместье. Она с отвращением заметила стакан молока, стоящий здесь так давно, что молоко начало превращаться в сыр, — результат то ли эксперимента, то ли неаккуратности Фабиана.

В углу комнаты стоял человеческий скелет в натуральную величину, который, наверное, наводил бы ужас, не будь на нем школьного галстука и пиджака Фабиана.

— Он же не настоящий? — спросила Таня.

— Пластиковый.

— Где ты его достал?

— В школе. Теперь, что касается карты…

— Ты же не украл его, правда?

Таня с трудом подавила смех, представив себе Фабиана, утаскивающего скелет, полностью одетый, чтобы можно было выдать его за настоящего человека.

Ноздри Фабиана опять затрепетали — как всегда, когда его что-то раздражало.

— Он нужен мне для одного проекта. Теперь минуточку помолчи и послушай.

Он взял карту и развернул ее. Отодвинув в сторону грязный носок, Таня села на кровать.

— На этой карте изображен лес Висельника и его окрестности. — Фабиан показал на церковь и Тикиэнд. — Входы в катакомбы ясно обозначены. Вот где мы вошли в лес. — Он постучал пальцем по поляне около ручья. — Вот первый провал, на который мы наткнулись, видишь? Тот, большой. Девушку мы видели около вот этого, поменьше. На самом деле он совсем недалеко от первого, но в тот день мы заблудились и, наверное, ходили кругами, поэтому казалось, что он далеко. Мы должны пройти тем же путем, с картой это будет легче. Я собрал все, что нам понадобится, кроме компаса, но у Уорика он есть, и, значит, мне просто нужно придумать способ…

— У меня есть компас, — сказала Таня, вспомнив о подарке цыганки.

От мысли о том, какое это странное совпадение, на душе заскребли кошки.

— Ты имеешь в виду то барахло, которое тебе подарила Безумная Мораг? — Фабиан закатил глаза. — Ладно. Может, он и сгодится, если я не доберусь до компаса Уорика. Пока никого нет поблизости, я спрячу рюкзак в саду, а ты принеси компас. Может, я смогу починить его.

— Может, это все же не такая уж хорошая идея…

Фабиан вперил в нее твердый взгляд.

— Уж не собираешься ли ты снова передумать?

Таня неловко поерзала.

— Нет… Просто, ну, я слышала прогноз погоды на сегодняшний вечер. Обещают грозу. Может, отложим?

Фабиан покачал головой.

— Нет. Эти прогнозы не всегда сбываются. К тому же гроза может сработать в нашу пользу.

— Почему?

— Потому что никому — даже Уорику — не придет в голову, что мы можем удрать в лес в такую погоду. Даже если он догадывается, что мы затеваем что-то, то решит, что гроза отпугнет нас.

Таня молча обдумывала его слова. В некотором роде они имели смысл, хотя от этого ей легче не стало.

— Мы, может, и не найдем ничего, — слабым голосом сказала она. — Может, девушка, которую мы видели, вовсе и не она…

Фабиан насупился.

— Эта девушка была Морвенна Блум, и ты понимаешь это не хуже меня.

Он сложил карту, запихнул ее в рюкзак и отошел к окну. На подоконнике Таня только сейчас заметила фотографию в рамке, изображающую Уорика, обнимающего женщину с маленьким ребенком на руках. Он выглядел счастливым.

— Это твоя мать?

Фабиан по-прежнему не смотрел на нее.

— Иди лучше за компасом, — буркнул он. — Встречаемся в саду через пять минут.

Таня вышла, думая, как глупо поступила, спросив его о матери. Рана, по всей видимости, еще болела — и, возможно, всегда будет болеть. Она достала компас из-под половицы в своей комнате и вышла в сад. Продравшись через сорняки, нашла Фабиана, который сидел на пне, обхватив голову руками. На коленях у него лежала книга в коричневом кожаном переплете. Он был так увлечен чтением, что очки сползли почти на кончик носа. Увидев Таню, он вскочил и захлопнул книгу.

— Принесла?

Таня достала компас из кармана, радуясь, что, похоже, настроение у Фабиана улучшилось.

— Вот. Хотя вряд ли от него будет много толку.

Фабиан взял компас и внимательно оглядел его.

— Вроде бы сейчас все в порядке. — Он бросил на Таню странный взгляд. — Может, в тот день он просто отсырел. Здорово, что ты не продала его этому настырному типу.

— Но стрелка же не работает. — Она отобрала у него

компас. — Он… Ох! Странно.

Тусклая стрелка старого компаса стояла в одном положении, указывая в ту сторону, откуда Таня только что пришла.

— Кстати, что ты сделала с банкнотой, которую он потерял?

— Ничего.

По правде говоря, она совершенно забыла о деньгах, которые положила тогда в карман, и была очень довольна, что Фабиан напомнил о них. Теперь она могла истратить эти деньги на покупку вещей из списка Рэд. Почувствовав, что улыбается, она заставила себя сосредоточиться на текущих делах — пока Фабиан ничего не заметил.

— Никогда в жизни не видела такого компаса, — сказала она. — Что означает это «Д»? И где все остальные направления — север, восток, юг, запад?

Фабиан забрал у нее компас и принялся тщательно изучать его.

— Да, странно. Это «Д» там, где должно быть «С» для севера — если повернуть компас к дому, стрелка указывает точно на него.

— И что?

— Это неправильно. Я знаю, что дом задней стороной смотрит на северо-восток, — ответил Фабиан. — Значит, повернутый в противоположном направлении, компас должен показывать на юго-запад, а он показывает на север. — Он вернул компас Тане. — Ты права, он бесполезен. И раз Безумная Мораг отдала его тебе, он, наверное, каким-то образом проклят. Я избавился бы от него.

— Ох, не будь таким невежественным! Люди говорят о ней всякие гадости — типа, что она ведьма, — скорее всего, только чтобы удержать своих детей от походов в лес.

— Сомневаюсь, — отрезал Фабиан.

Таня сердито посмотрела на него.

— Это слухи. Вот уж не ожидала, что ты можешь верить слухам. В особенности учитывая то, что ты рассказал об Амосе.

— Амос невиновен, ему просто не повезло в неподходящее время оказаться в неподходящем месте. Но эта цыганка… люди говорят о ней всякое не первый год.

— Думаю, она пыталась помочь мне, — сказала Таня.

Фабиан, казалось, ее не слышал.

— Только на прошлой неделе старая Рози Бик, хозяйка чайной лавки, рассказывала моему папе, что зимой Мораг избавила ее от трех бородавок. Спустя две недели после того, как они сошли, Нэд Бейкер обозвал Мораг старой мошенницей, потому что она отказалась предсказать ему будущее. И знаешь

что? Через несколько дней у него выскочили три бородавки, а до этого никогда в жизни их не было — так он говорит.

— Помолчи! — раздраженно сказала Таня, повернула компас в сторону дома и напряженно задумалась, когда стрелка качнулась к букве «Д» и неподвижно замерла там.

— Она знала, — прошептала Таня.

— Что знала?

— Она знала, для чего он мне пригодится.

Поскольку наконец-то Таня поняла, что означает буква «Д».

Дом.

14

До полуночи оставалось десять минут. Снаружи дико завывал ветер, в окна стучал проливной дождь. Таня чувствовала себя очень неуютно. Она тепло оделась: шерстяной джемпер, джинсы, две пары носок, туристические ботинки и старый непромокаемый плащ, оставленный в поместье еще два года назад. По счастью, он оказался красного цвета. Она надеялась, что плащ и ржавый железный гвоздь, который она вытащила из двери, защитят ее от приставаний фэйри. Хотя от дождя уж точно ничто не защитит. В кармане она обнаружила черствое собачье печенье, размякшие леденцы и смятые десять фунтов, о которых начисто забыла. Она сунула их в кошелек, собираясь тоже потратить на вещи для Рэд.

Последние два часа она спрашивала себя, что рассчитывает найти в лесу, кроме семи входов в катакомбы и старой ведьмы, которая подарила ей волшебный компас. Скорее всего, скелет пятидесятилетней давности — ведь если Морвенна Блум погибла там, то вряд ли от нее осталось что-нибудь, кроме костей.

Она провела пальцем по лежащему в кармане компасу. С тех пор как она догадалась о его истинном предназначении, Фабиан вел себя нехарактерно тихо, только изредка бормотал что-то об аномалиях магнитного поля Земли. Таня, напротив, все сильнее беспокоилась из-за старой цыганки, роль которой во всей этой истории не понимала.

Минута утекала за минутой; пора было идти. Сердце зачастило, когда она вышла в тускло освещенный коридор. Если ее поймают сейчас, будет очень плохо, это уж точно. Она кралась вниз по ступенькам в свете единственной неяркой лампы на телефонном столике.

— Кому-то не спится! — нараспев произнес насмешливый голос из дедушкиных часов.

— Заткнись! — прошептала Таня.

И тут же пожалела об этом: наверху вспыхнул свет. Кто-то медленно, шаркающей походкой шел по площадке второго этажа.

Амос.

Таня метнулась в тень и присела. Старик медленно двигался мимо лестницы. На мгновение он остановился, но потом поковылял дальше. Таня дождалась, пока за ним закрылась дверь туалета, и торопливо прошмыгнула вниз.

Провела тыльной стороной ладони по лбу: он был прохладный и влажный. На кухне задняя дверь вздрагивала под порывами ветра. Таня посмотрела на прислоненный к стене зонтик. Брать его не имело смысла: при таком порывистом ветре

от него не будет толку.

Оберон поднялся со своей подстилки и подошел к ней, негромко клацая когтями по плиткам пола.

— Пошли, мальчик, — сказала Таня. — Как насчет приятной прогулки?

Услышав эти слова, пес навострил уши и опустил голову, чтобы хозяйка могла прицепить поводок.

Как и рассчитывал Фабиан, задняя дверь оказалась не заперта.

— Ну, в путь, — прошептала она сама себе и вышла наружу.

Она знала, что ее ожидает, даже старалась подготовить себя к трудностям и все же едва устояла на ногах под порывами ветра и дождя. Ноги промокли в считаные секунды: плащ прикрывал их лишь до колен. А вот Оберона, похоже, скверная погода ничуть не беспокоила. Напротив, он, по-видимому, радовался внеочередной прогулке.

Девушка, спотыкаясь, шла по саду; мрак ночи, непогода и огромные деревья, смыкающие ветви над головой, мешали видеть дальше нескольких футов. Ступая по лужам и грязи, она окончательно промочила ноги. Добравшись наконец до ворот, она чувствовала себя промокшей, замерзшей, несчастной и уже понимала: зря она согласилась на этот поход.

— Что ты так долго? — посиневшими от холода губами спросил Фабиан.

— Амос, — стуча зубами, ответила Таня. — Как раз когда я начала спускаться по лестнице, он отправился на прогулку по площадке. Пришлось переждать, чтобы он меня не увидел.

— А его ты зачем взяла? — Фабиан презрительно посмотрел на Оберона.

— Для защиты. Мне всегда безопаснее, когда он рядом.

— Не рядом, а за тобой, прячется. Он трус.

— Если понадобится, он будет защищать меня.

Фабиан бросил на нее недоверчивый взгляд и, прищурившись, сквозь струи дождя посмотрел в сторону леса.

— Пошли. Не стоит тратить времени даром. В лесу под деревьями должно быть суше.

Они зашагали к лесу, оскальзываясь на пропитавшейся водой земле. Сквозь нескончаемый шум дождя были слышны только их хлюпающие шаги. Потом в отдалении зарокотал гром. На небе не было видно ни луны, ни звезд; и, естественно, вокруг не было никаких фонарей. Тьма воспринималась как тяжелая, удушающая пустота. Только силуэты деревьев слабо вырисовывались впереди, более темные на фоне неба.

Танино мужество таяло.

— Это глупо. — Она резко остановилась. — Такой ночью, как эта, может произойти все, что угодно. Что, если нас поймают? Что, если один из нас как-то пострадает? Пока прибудет помощь, мы можем замерзнуть! И что, если земля просядет, как это произошло в Тикиэнде…

— Земля не просядет, дуреха! — ответил Фабиан.

— Почему ты так уверен? Это же случалось раньше! Ты сам рассказывал!

Фабиана понесло.

— Если ты собираешься хныкать, как младенец, тогда вообще непонятно, зачем ты пошла. Можешь возвращаться. Если же нет, заткнись! Мы почти в лесу!

Таня открыла рот, чтобы ответить, но буквально онемела, когда увидела что-то большое и темное, мчащееся прямо на них. Негромко вскрикнув, она уклонилась, чудом избежав удара. Однако Фабиану повезло меньше: непонятное существо оцарапало ему голову, прежде чем растаять в ночи.

— Что это было? — воскликнул он, потирая макушку.

— Не знаю! — огрызнулась Таня, вглядываясь в темное небо. — Летучая мышь, по-моему!

Еще не договорив, она заметила падающий сверху темный силуэт — и на этот раз Фабиан закричал, схватившись руками за голову.

— Что? — воскликнула она.

Фабиан отдернул пальцы — они были в крови, хотя дождь смыл ее в считаные секунды.

— Оно нападает на меня! — с трудом выговорил Фабиан. — Что бы это ни было… оно нападает на меня!

— Берегись! — закричала Таня, когда существо, возникнув словно из ниоткуда, пошло на третий заход.

Оберон подпрыгнул, возбужденно щелкнув челюстями, но создание умчалось прочь еще до того, как его зубы сомкнулись. Фабиан зашатался, потерял равновесие и упал на пропитанную водой землю. Но тут же поднялся, весь облепленный грязью, яростно отряхиваясь. Обсудить или даже обдумать происшедшее времени не было: существо предприняло новую атаку и на этот раз не улетело. Вместо этого оно напало на Фабиана со спины, вонзило в его измазанную грязью одежду длинные черные когти и начало клювом яростно колотить по затылку. Внезапно Таня сумела разглядеть, что это такое: не летучая мышь, а птица. Большая черная птица. Ворона. Рвать волосы и одежду Фабиана — все, что ей оставалось, потому что, поняла Таня, ворона не могла добраться до нее. Может, красный дождевик в такой темноте и не защищал, зато это делал гвоздь в кармане.

— Отгони ее! — закричал Фабиан, без толку размахивая руками и хлопая себя по голове. — Заставь ее прекратить!

Оберон зарычал и бросился на птицу. Всей своей массой он обрушился на долговязого Фабиана, и тот упал во второй раз, с такой силой стукнувшись о землю, что у него вышибло дух. Ворона отцепилась от мальчика и взмыла в небо. Таня помогла ему подняться. Он дрожал — от ярости, холода и страха. По лбу стекала тонкая струйка крови. Опасливо глядя вверх, Таня быстро вытащила левую руку из плаща и обхватила его грязные плечи. Единственное, что ей пришло в голову: чтобы защитить Фабиана, надо накинуть красный плащ и на него. Она ломала голову, как убедить его послушаться.

— Что ты делаешь? — слабым голосом спросил он.

— Надень его. Просунь левую руку… вот сюда, а другой рукой обхвати меня.

— Какой смысл? — взорвался Фабиан. — Сейчас не время обниматься!

— Это не просто птица, идиот! Не понимаешь? Она обезумела от грозы и набросилась на тебя! Если она подумает, что ты и я — один человек, мы, может, и сумеем добраться до дому, прежде чем она совсем разнесет тебе голову!

— Добраться до дому? — повторил он, глядя в сторону леса.

Вода стекала по спине, волосы облепили лицо.

— Это невозможно, — сказала Таня, проследив за взглядом Фабиана. — Только не сегодня ночью. Нужно возвращаться.

Они молча смотрели на лес; Таня почувствовала, как Фабиан обмяк рядом с ней, признавая поражение. Внезапно яркая молния прорезала небо, и в ее свете оба увидели стоящую у ручья темную фигуру. И хотя это продолжалось всего лишь краткое мгновение, они тут же узнали ее.

— Уорик, — прошептала Таня.

Они замерли на месте от страха.

— Что делать?

— Бежать, — сдавленно ответил Фабиан. — И молиться, чтобы он нас не заметил!

Оки повернулись и со всех ног помчались к дому, двое под одним плащом — словно какой-то четвероногий и двурукий сказочный монстр. Оберон, вывалив язык, радостно скакал рядом. Для него все это было интересной игрой.

Таня оглянулась. Ворона исчезла; она добилась, чего хотела, помешала им идти дальше. Теперь им угрожал только Уорик. Однако все, что она увидела сквозь струи дождя, это темные очертания леса на фоне неба.

— Как думаешь, он видел нас?

— Не знаю, — тяжело дыша, ответил Фабиан. — Но мы-то видели его! Значит, и он мог нас видеть!

— Говорила же я, не надо было идти! — воскликнула Таня.

Они подошли к дому. Фабиан освободился от плаща и принялся возиться со щеколдой. Оглушительный раскат грома заставил их подскочить.

— Быстрее! — сказала Таня. — Прежде чем молния вспыхнет!

Наконец щеколда отодвинулась, Фабиан распахнул калитку, прошел в нее вместе с Обероном, а Таня остановилась, глядя на лес.

— Давай! — Фабиан схватил ее за руку. — Поторопись!

— Постой.

Вспыхнула молния, осветив все небо. Уорика нигде видно не было.

— Я не заметила его. — Таня закрыла калитку. — Пошли в дом.

От холодного, безостановочно льющего дождя лицо у нее закоченело.

Они торопливо зашагали через сад, то и дело скользя по грязи. Фабиан опустился около задней двери на колени и достал ключ, спрятанный под перевернутым цветочным горшком. Только когда они вошли на кухню и Оберон протрусил к своей корзине, до Тани дошло, что быстро подняться наверх не удастся.

— Ох, нет… Пол… Посмотри на пол!

Фабиан со страхом взглянул на следы грязных лап, ведущие от двери к подстилке пса, потом на собственные ботинки и одежду, покрытые грязью, и его обычно бледное лицо, казалось, вовсе утратило цвет.

Таня соображала быстро.

— Снимай ботинки и неси наверх. Спрячь, пока не появится возможность почистить их. — Ее взгляд, обежав кухню, остановился на влажной тряпке под раковиной. — Я уберу все это и вытру воду, которая натечет с тебя.

— А как же Уорик? Он может появиться в любое мгновение!

У Тани все свело внутри.

— Есть шанс, что он не заметил нас. Если мы будем осторожны, может, и отделаемся легким испугом. Если же он видел нас… Ну, тогда все равно, увидит он, как я убираю тут, или нет.

— Я просто не въезжаю, — сказал Фабиан. — Откуда он узнал?

— Наверное, подслушал наш разговор, — ответила Таня, снимая промокшие ботинки. — Но сейчас не время обсуждать это — иди, встретимся утром. — Заметив рулон бумажных полотенец,

она отмотала немного и бросила Фабиану. — Это тебе для головы. А теперь уходи.

Фабиан стянул облепленные грязью ботинки и бесшумно поднялся по лестнице. Таня тут же занялась полом, оттирая следы грязи. Покончив с полом, она стала вытирать лапы Оберону. Пес лежал, не мешая, лишь сонно на нее поглядывал. Сердце вздрагивало каждый раз, когда дверь грохотала под порывами ветра: Таня думала, что вернулся Уорик и игра окончена.

Убедившись, что все чисто, она взяла с сушилки полотенце и осторожно поднялась по лестнице, вытирая лужи, которые оставил Фабиан. По счастью, на площадке первого этажа лежал ковер; оставалось лишь надеяться, что если на нем и есть мокрые пятна, то к утру они высохнут. Вернувшись к себе, Таня почувствовала, что осталась совершенно без сил, но так переволновалась, что вряд ли сможет уснуть. Она понятия не имела, заметил их Уорик или нет, хотя то, что они беспрепятственно добрались до дома, обнадеживало. И ворона… Она содрогнулась. Фэйри послали Ворону в ее птичьем облике, чтобы напугать Фабиана и Таню. Это было предостережение. Но к чему оно относилось? К Уорику… или к лесу?

Она засунула грязную тряпку и полотенце под кровать вместе с мокрой одеждой и ботинками, надела пижаму и легла, закутавшись в одеяло и отчаянно пытаясь согреть ледяные руки и ноги.

Одна мысль не давала ей покоя.

Откуда Уорик узнал?

Она не помнила, как заснула, но спала беспокойно. Когда ранним утром раздались крики, она даже не сразу проснулась. И когда в конце концов открыла глаза, прошло несколько секунд, прежде чем она осознала, что крики исходят вовсе не от Амоса, а из той комнаты, где она лежала.

Кричала она сама.

15

Первой мыслью было, что она все еще спит, поскольку, когда зрение прояснилось, открывшееся зрелище очень напоминало ночной кошмар.

За ночь ее волосы выросли — и сильно. Сейчас они были по крайней мере вчетверо длиннее ее роста. Комната была полна ими. Густые, блестящие каштановые волны покрывали постель, скапливались на ковре и растекались к стенам и двери, словно темно-коричневое море. Они были везде, и их было так много, что они даже начали ползти по стенам, обвивались вокруг дверной ручки, пролезали в камин — прямо как плющ на стенах поместья. Глядя, как толстое щупальце медленно ползет к краю окна, Таня осознала то, что было хуже всего.

Ее волосы все еще продолжали расти.

Ужас грыз ее изнутри, словно крыса. Она была не способна думать. Она была не способна двигаться. Она замерла, чувствуя себя совершенно беспомощной. Это ей наказание за попытку проникнуть в лес.

Она не услышала скрипа половиц на площадке и вздрогнула от громкого стука в дверь.

— Что тут происходит? — резко, настойчиво спросила бабушка.

Таня без единого звука открыла и закрыла рот, но в конце концов сумела пролепетать:

— Н-ничего. Со мной все в порядке.

— Я слышала крик. С тобой действительно все в порядке?

Дверная ручка начала поворачиваться, и у Тани от ужаса глаза стали, как блюдца, но дверь оказалась заперта; Таня, на мгновение почувствовав облегчение, закрыла глаза. Она не помнила, как запирала дверь.

— Мне приснился кошмар, — прохрипела она. — Но теперь все хорошо.

— Мне не нравится, когда в этом доме запирают двери, — сказала Флоренс.

Таня в панике смотрела на дверь. Это было совершенно немыслимо: отпереть дверь и впустить бабушку; но если Флоренс захочет войти, ее не остановить. У Уорика есть отмычка; вдруг такая же и у бабушки?

— Я заперла ее случайно, — сказала Таня. — Больше такого не повторится.

Еще одна ложь.

— Если ты обмочила простыни, я не буду бранить тебя. —

Голос Флоренс звучал твердо, но по-доброму. — Мы можем прямо сейчас сменить белье, и никто ничего не узнает. Но если все останется как есть…

— Нет, я не обмочила постель! — почти закричала Таня. — Мне просто приснился кошмар, вот и все!

Паника вскипала внутри, угрожая перейти в истерику. Таня изо всех сил сдерживалась, чтобы не завопить.

— Прекрасно. — Бабушка вернулась к обычной сдержанной, лишенной тепла манере. — Завтрак в восемь. Попрошу не опаздывать.

«Уходи, уходи, уходи!» — мысленно кричала Таня.

Шаги начали удаляться от двери.

Как только угроза вторжения миновала, Таня перешла к действиям. С усилием откинула одеяло. Слезла с постели; ноги тут же утонули в грудах волос. Каждый шаг давался с таким трудом, словно она шла сквозь густую коричневую патоку. Волосы заколдованы, в этом она не сомневалась. Их вес и то, как они липли к ногам, — все это выглядело так, будто сами волосы пытались сделать все, чтобы предотвратить ее попытку к бегству. Очень осторожно она пробралась в туалетную комнату и принялась искать в шкафчике ножницы.

Их там не было.

Что-то забулькало позади. Таня медленно повернулась, с тошнотворным пониманием заглянула в сливное отверстие ванны и увидела большие, мерцающие глаза. Из водостока потянуло вонью тухлых яиц, когда его обитатель просунул в отверстие руку, похожую на лягушачью лапу, и пальцами изобразил движение ножниц.

— Щелк, щелк! — забулькал он. — О-о, щелк, щелк!

— Верни их! — сердито зашептала Таня и попыталась схватить лапку, но та увернулась. — Пожалуйста. — Теперь она говорила умоляюще. — Всего на минутку… и потом я снова отдам их тебе, обещаю! Можешь забрать их насовсем!

Существо рыгнуло и весело заплясало в водостоке, выплескивая грязную воду. Чувствовалось, что оно очень довольно собой.

— Щелк, щелк! Найди-ка, возьми-ка! Вымани и выпроси! Наобещай и дай! Ох, щелк, щелк! Щелк!

Таня с радостью отрезала бы маленькие пальцы вороватого существа, доберись она до ножниц, но они, без сомнения, были надежно запрятаны в глубине логова в водостоке.

— Волосы, волосы, фэйри заколдованные, тебе нравится, какие они огромные? — Фэйри захихикал. — Со вшами и перхотью за ушами? Ох!

— У меня нет вшей! — Внезапно у Тани зачесалась голова, и она яростно поскребла ее. — И перхоти тоже! — Несколько белых хлопьев пролетели мимо лица. Она перестала скрести голову. — Ты! Это ты сделал… ты… ты…

Она замолчала, обнаружив, что существо прекратило ее дразнить и с обожанием уставилось на что-то. Взгляд похожих на бусинки глаз был прикован к серебряному браслету с брелоками. Он посверкивал даже в тусклом свете туалетной комнаты. У нее мгновенно созрел план.

— Нравится? — спросила она. — Правда ведь, нравится?

Существо энергично закивало. Его лысая голова то высовывалась из водостока, то исчезала в нем.

— Играет! Сверкает! Ах, как сверкает!

— Давай заключим сделку, — сказала Таня, понизив голос. — Эти брелоки волшебные, — соврала она. — Каждый обладает особой силой.

Глаза в водостоке расширились от восхищения. Оглядев брелоки, Таня выбрала наименее любимый, котелок, и принялась дергать его, пока соединение не ослабело и в конце концов лопнуло. Она подняла брелок.

— Этот котелок наполнится всем, что пожелаешь. Ты можешь набить свое логово сверкающими сокровищами. Я отдам его тебе в обмен на ножницы.

— Да, да! — забулькало существо, снова высунув ручку из дыры слива. — Мне, мне, сейчас!

Таня покачала головой.

— Сначала ножницы.

Создание ворчало и сердилось, но Таня твердо стояла на своем, держа котелок высоко, чтобы на нем играл свет. Глаза обитателя водостока стали еще больше, в предвкушении он облизывал губы и в конце концов, признав свое поражение, нырнул в глубину водостока. И спустя мгновение вынырнул оттуда с покрытыми илом ножницами, положил их на ладонь Тане, из другой руки выхватил брелок и скрылся в логове.

Слушая, как фэйри воркует над новым приобретением, Таня опустилась на пол, но охватившее ее облегчение длилось недолго. Когда она поднесла ножницы к волосам и попыталась перерезать их, стало ясно, что ничего не получится. Она взяла прядь поменьше, нажала посильнее, но не сумела перерезать ни единого волоска. В полном разочаровании она отбросила ножницы, поняв наконец, что они достаточно остры и дело не в них. Сами волосы, вот в чем причина, или, скорее, наложенное на них заклинание. Ножницами его не разрушить.

Она сидела на холодных плитках, окруженная волнами волос,

и даже представить себе не могла, как выпутаться из сложившейся ситуации. Единственная надежда была на Рэд. Если бы только Таня могла незаметно добраться до нее! От этой мысли глаза наполнились слезами. Рэд сама ждет от нее помощи, а не наоборот. Не стоит переоценивать ее возможности. Таня заставила себя думать. Что на ее месте сделала бы Рэд?

— Соль, — бормотала она. — Красный цвет. Бегущая вода. Железо. Надевать одежду наизнанку.

Она снова и снова повторяла перечень этих средств, надеясь, что решение придет само, но ничего не происходило. Разве что подставить волосы под душ… но затащить все их в ванную было невозможно. Кроме того, ее не покидало ощущение, что бегущая вода, о которой упоминалось в старой книге, — это что-то вроде ручья или реки, но никак не вода из-под крана.

Таня обхватила голову руками.

— Ты ведь знал, что ножницы не сработают? — прошептала она; создание в водостоке, конечно, было еще здесь и слышало ее. — Ты обманул меня.

— Обманул, обманул! Обманул и надул!

— Я дам тебе еще брелоков… Да что там! Отдам весь браслет, если ты разрушишь заклинание!

— Заклинанье не мое, ох, нет! И не мне его разрушить, вот ответ.

Таня понимала, что это правда. Заклинание было слишком сложным, обитатель водостока ничего подобного прежде не делал, пусть и «украсил» это заклинание вшами и перхотью. Он удовлетворялся тем, что таскал у нее все блестящее.

Фэйри вынырнул из сливного отверстия, размахивая брелоком.

— Не волшебный он, все зря! — сварливо прохрипел он. — Ты, девчонка, обманула меня!

Таня пожала плечами. Несмотря на то что фэйри обманул ее, было бы неразумно открыто признавать, что и она солгала ему. А то еще рассердится и придумает для нее новое наказание.

— Может, магия не работает, когда брелоки разделены, — сказала она. — Может, могущество брелоков связано между собой: чтобы действовать, они должны быть вместе.

Обитатель водостока надулся.

— Обманула! Надула! — пробормотал он в последний раз и ушел на глубину, естественно вместе с брелоком.

Не зная, что еще предпринять, Таня покинула туалетную комнату, волоча за собой волосы. Села на постель. Да, Рэд — вот ее единственная надежда. Нужно каким-то образом добраться до нее… но в глубине души Таня понимала, что это совершенно

невозможно. Это всего лишь вопрос времени — бабушка в конце концов откроет дверь, так или иначе. Даже думать не хотелось, что тогда произойдет.

Время завтрака неумолимо приближалось. Желудок Тани, казалось, выворачивало наизнанку. Скоро Флоренс позовет ее снова, и на этот раз она будет очень, очень сердита. Таня представила себе ее изогнутые в гневе тонкие губы… А когда они откроют дверь и увидят ее… такой, то, конечно, увезут отсюда, в этом она была уверена. Увезут туда, где люди в белых халатах будут без конца задавать ей вопросы, ставить на ней эксперименты… как они поступают с подменышами.

На лестнице затопали шаги. Таня сделала медленный, глубокий вдох. Кто-то постучал в дверь.

— Таня? Что за представление ты устроила? Флоренс хочет, чтобы ты сейчас же спустилась вниз, она на самом деле волнуется! И я тоже. Мой завтрак остывает!

— Фабиан? — прошептала Таня.

— Да. — В его голосе чувствовалось нетерпение. — Чем ты там занимаешься? Открой дверь.

— Не могу. И вниз спуститься не могу.

— Придется. Флоренс знает: что-то здесь не так. Говорит, если ты сейчас же не спустишься, она сама поднимется и откроет дверь отмычкой. — Фабиан понизил голос. — Это имеет какое-то отношение к нынешней ночи? Уорик не говорит ничего; думаю, нам все сошло с рук.

— Нет… дело не в этом. — Таня встала с постели и поплелась к двери. — Не могу объяснить. Иди лучше вниз.

— Расскажи! Может, я сумею помочь.

— Не сумеешь, поверь мне.

— Я никуда не уйду, пока ты не откроешь дверь и я своими глазами не увижу, что с тобой все в порядке.

— Нет!

— Отлично.

За дверью послышалась возня.

— Надеюсь, ты одета, — сказал Фабиан. — Если нет, лучше вернись в постель!

— Что? Фабиан…

Послышался характерный щелчок отмычки, Танин ключ упал на пол.

— Фабиан, как ты мог! — закричала она и навалилась на дверь. Замок щелкнул. — Как ты посмел? Я… я расскажу Уорику, что ты берешь его отмычку, чтобы рыскать по всему дому!

— Это не его отмычка, а моя. — Дверная ручка начала поворачиваться. — Я нашел ее в одной из старых комнат для слуг.

Фабиан начал толкать дверь. Таня сопротивлялась изо всех сил, хотя и понимала, что надолго ее не хватит. Волосы на полу мертвой хваткой вцепились в голые ноги.

— Никогда не прощу, если ты войдешь, так и знай! — закричала она.

Дверь приоткрылась на дюйм. Таня продолжала удерживать ее, но паника высасывала последние силы.

— Это… для твоей же… пользы, — тяжело дыша, проговорил Фабиан. — Как только я увижу… что ты в порядке… тут же уйду. Все равно… Флоренс… поднялась бы… сюда!

— Плевать! — взорвалась Таня. — Ты не войдешь!

Однако, нравилось ей это или нет, Фабиан уже входил. Он еще приналег, щель увеличилась на два дюйма, а Танино сопротивление продолжало слабеть. И без сомнения, он уже мог видеть, что происходит что-то странное.

— Что это? На полу… Что это? Похоже на… Похоже на…

Танины силы были на исходе. Она продержалась еще несколько секунд, а потом отступила в глубину комнаты, и Фабиан тут же ворвался внутрь, поскользнувшись на грудах волос, словно новорожденный жеребенок, и рухнув рядом с постелью. Таня бросилась к двери, выдернула из замка отмычку и заперла дверь.

Он сидел там, где упал, с неестественно подвернутой щиколоткой, не в силах пошевелиться — настолько был потрясен увиденным. Захватил волосы в горсть, вытаращился на них, разжал пальцы, не веря своим глазам, проследил за соскальзывающими на пол прядями. И поднял взгляд на Таню.

Странно, но сейчас, когда Фабиан был здесь, она чувствовала себя спокойнее. Как будто теперь от нее ничего не зависело, как будто ее жизнь больше ей не принадлежала, как будто, что бы ни произошло дальше, все целиком и полностью будет зависеть от Фабиана. Она так устала бороться, так устала лгать. Как ни странно, сейчас ей больше всего хотелось рассказать правду — и теперь, увидев эти жуткие волосы, Фабиан должен будет прислушаться к ее словам.

— Я должна рассказать тебе кое-что, Фабиан. — Ее голос тоже звучал спокойнее, чем она ожидала. — Ты был прав. Я действительно кое-что скрываю. Все, что ты замечал… что происходит, когда я рядом… ну, у этого есть причина. Может, поначалу тебе будет трудно поверить…

Она замолчала, заметив, что Фабиан ее не слушает. Его губы беззвучно двигались, взгляд широко распахнутых глаз был прикован к ней с выражением ужаса и смятения.

— Ведьма, — произнес он наконец тихо, но достаточно

отчетливо, чтобы она расслышала.

— Что? Нет, Фабиан, послушай…

— Ведьма-цыганка. — Его взгляд переместился с ее головы на устилающие комнату волосы и надолго замер. — Это ее работа. Она прокляла тебя! Прокляла, когда подарила компас!

На мгновение Таня утратила дар речи. Такого рода теория до сих пор ей даже в голову не приходила. В принципе, цыганка, наверное, способна на это. И все же Таня сомневалась, что старая женщина стала бы утруждать себя, делая вид, что помогает ей, только ради того, чтобы сотворить подобное. Это казалось маловероятным, но… возможным. И убежденность Фабиана в том, что дело обстоит именно так, открывала Тане легкий путь объяснения ситуации. Ей не придется проходить через унизительную попытку убедить его в существовании фэйри — раз он уже верит в то, что сказал.

— Мне кажется… Мне кажется, может, ты и прав, — медленно сказала она.

— Конечно прав! — воскликнул Фабиан. — В Тикиэнде нет ни одного человека, кого старуха не сглазила бы, и ты у нее была следующая на очереди! Нужно было продать компас тому типу в автобусе!

— И что мне теперь делать? — Таня беспомощным жестом обвела комнату. — Нельзя, чтобы меня увидел кто-нибудь еще!

— Не знаю… Не знаю… — забормотал Фабиан. — Но ты права. Мы не можем допустить, чтобы они это увидели. Нужно как-то отрезать волосы. У тебя есть ножницы?

Таня покачала головой.

— Только для ногтей. С ними ничего не получается.

— А если я принесу кухонные ножницы… или те, садовые, которыми пользуется Уорик… или топор, а?

— Дело тут не в остроте инструмента, — ответила Таня. — Нужно каким-то образом разрушить заклинание.

— Ох! У тебя есть какие-то мысли на этот счет?

— Я когда-то читала… не помню где… о вещах, с помощью которых вроде бы можно разрушить заклинание или проклятие, — ответила Таня, обдумывая каждое слово. — Это — находиться около бегущей воды, вроде ручья или реки, красный цвет, соль, выворачивание одежды наизнанку и железо. Если найти что-то в этом роде, может, и получится.

Она подняла руку к голове, при этом свет упал на браслет, и один из брелоков сверкнул. Кинжал.

— Можешь ты достать, скажем, нож с красной рукояткой? — спросила она.

Фабиан просиял.

— Флоренс вскрывает письма ножом с оранжевой рукояткой. Ну, почти красной. И он острый. Может, сработает.

Таня покачала головой.

— Нет, нужен красный цвет. Ярко-красный.

Они молча смотрели друг на друга, на лицах обоих, как в зеркале, застыло одинаковое выражение уныния.

— Нож, — повторил Фабиан.

Ступеньки заскрипели под ногами поднимающейся Флоренс, и оба вздрогнули.

— Спускайтесь немедленно! Это последнее предупреждение. Потом я просто стащу вас обоих оттуда за загривки!

— Ну вот и все, — сказала Таня. — Игра окончена.

Однако на лице Фабиана возникло задумчиво-хмурое выражение, которое обычно появлялось, когда у него рождались идеи… или когда он собирался сделать что-то недозволенное.

— Держись! — Он вскочил, вздрогнув из-за подвернутой щиколотки. — Я вспомнил кое о чем… что, возможно, сработает… если я смогу достать это.

— Что ты имеешь в виду?

— То, добраться до чего требует ловкости, — ответил Фабиан и отпер дверь. — Так что не теряй надежды. И делай что хочешь, только не открывай дверь никому, кроме меня.

— Ты забыл, что у бабушки тоже есть отмычка?

Фабиан криво улыбнулся.

— Есть-то она есть, только Флоренс пока не знает, что потеряла ее.

Он легонько ударил по отмычке в замке.

— Ты же сказал, что нашел ее в старой комнате для слуг!

Фабиан расплылся в улыбке.

— Я знаю, что сказал. Ну, я соврал.

На кухне Уорик стоял на коленях около очага, отскребывая грязь с сапог. Фабиан внимательно посмотрел на него. Сегодня отец выглядел осунувшимся, старым и усталым. Кожа посерела, волосы спутались, видимо, оттого что он попал под дождь и потом не расчесывался. Вокруг налитых кровью глаз залегли тени; он не брился уже дня два.

Флоренс стояла спиной к ним и мыла посуду. Судя по тому, каким грохотом это сопровождалось, она была вне себя. Два нетронутых завтрака на столе наполняли воздух чудесными ароматами. Оберон сидел под столом, с виноватым видом высунув нос из-под клетчатой скатерти. Из пасти свисали ниточки слюны. В животе у Фабиана заурчало. Он прекрасно понимал, что чувствовал лес, но, заставив себя забыть о голоде,

подошел к Флоренс.

— Что тебе? — рявкнула она.

— Можно стакан воды? — кротко спросил он.

Уорик поднял на него проницательный взгляд.

— Кувшин на столе. Ешь свой завтрак.

— Сейчас, сейчас. — Он наполнил стакан водой и отставил его в сторону. — Это для Тани. Она приболела. Может, какой-то вирус подцепила.

— Почему бы в таком случае просто так и не сказать? — спросила Флоренс, прищурившись.

Фабиан пожал плечами и направился к задней двери. Он уже увидел то, что искал. Пальто отца свисало с крючка: мятое и очень, очень влажное.

— Пошли, мальчик, — сказал он Оберону и свистнул.

Пес неохотно выбрался из-под стола и протопал наружу, когда Фабиан открыл дверь.

— Его уже выводили, — раздраженно сказала Флоренс.

— Ох, прошу прощения!

Рука Фабиана нашаривала охотничий нож, закрепленный на поясе отцовского пальто. Нож был целиком из железа. Отец потрошил им пойманных в лесу кроликов. Распахнутая дверь прикрывала Фабиана, и он на ощупь вытащил нож из ножен — холодный, тяжелый, острый. Он определенно перережет волосы. Фабиан ловко сунул его в рукав, обхватив дрожащими пальцами кончик, и закрыл дверь, чуть не опрокинув стакан с водой, так он торопился покинуть кухню.

— Вернусь через минуту, — пробормотал он.

— Да уж, поспеши.

Флоренс выкручивала посудное полотенце с таким видом, что Фабиан подумал: она воображает, будто это его шея.

Фабиан так мчался, что даже начал задыхаться, добравшись до Таниной комнаты. Осторожно поставив стакан с водой на каминную полку, он вытащил из рукава нож.

— Должно получиться, — сказал он.

Таня нерешительно посмотрела на нож.

— Из чего он?

— Из железа, — ответил Фабиан. — Он должен разрушить заклинание. — Опустившись рядом с ней на колени, он начал кромсать волосы. — Пальто Уорика висело у двери, все мокрое, а сапоги облеплены грязью. Это точно: ночью мы видели его.

— Наверное, и он видел нас, — сказала Таня.

— Не думаю. Он бы взбесился, если бы заметил нас. Меня вот что интересует: что он там делал в грозу?

Фабиан продолжал без особого труда перерезать волосы.

— Работает! Уорик определенно заботится о том, чтобы нож был хорошо наточен.

— Уорик? Ты стащил его нож? Ну ты и жулик!

— Только ради тебя.

Спустя несколько минут волосы Тани были длиной до пояса — лишь чуть длиннее, чем раньше.

— Тебе придется подровнять их, — извиняющимся тоном сказал Фабиан.

— Непременно, — ответила Таня, — но позже. — Она стянула волосы в конский хвост. — В таком виде никто ничего не заметит. Пойдем лучше вниз, пока бабушка окончательно не вышла из себя.

— И пока Уорик не обнаружил пропажу ножа.

Сейчас Фабиан не выглядел так уж храбро. Он осмотрел нож, проверяя, не осталось ли на нем волос.

— А с этим что делать?

Таня показала на заваленный волосами пол.

— Давай пока запихнем под кровать, а после завтрака засунем в мусорные мешки и придумаем, как избавиться от них.

Встав на четвереньки, они ползали по полу, засовывая волосы под кровать, что оказалось нелегко: они были очень мягкие и выскальзывали из рук.

— Надо же, сколько их! — воскликнула Таня.

— Да уж! Просто подсунем их подальше, а потом свесь покрывало с обеих сторон кровати, чтобы видно не было. Больше мы сейчас ничего сделать не успеем. Ну все, пошли.

Они помчались вниз, перепрыгивая через две ступеньки, и ворвались в кухню как раз в тот момент, когда разозленная Флоренс была готова выбросить их завтрак в мусорное ведро.

— Не надо! — закричал Фабиан.

Флоренс остановилась, а потом и вовсе замерла, увидев Таню.

— Я думала, ты нездорова…

— Да, так оно и было, — ответила Таня, не осмеливаясь взглянуть на бабушку. — Но сейчас мне лучше.

Она села за стол, Фабиан рядом. Флоренс поставила перед ними тарелки.

— Наверняка уже все остыло, — сказала она.

— Это самое быстрое выздоровление, какое мне когда-либо приходилось наблюдать, — сухо заметил Уорик.

Он яростно полировал сапоги, доводя их до блеска.

Таня не ответила, избегая его взгляда. Она чувствовала, что твердый и осуждающий взгляд этих ледяных голубых глаз прикован к ней. От этого по коже бегали мурашки. Она

накинулась на завтрак, все еще вкусный и даже чуть теплый. Заметив, что Фабиан ерзает по другую сторону стола, она догадалась, что он пытается осторожно вытащить нож из рукава и спрятать.

— Все еще теплый, почти горячий! — радостно сказал он, попробовав завтрак.

— А мой нет… — начала Таня, но замолчала, увидев, как из-под тарелки Фабиана выскользнула фея камина.

Она подогревала его еду и, впервые за все время, задержалась на пару секунд, застенчиво глядя на него безобразными глазками и мигая еще более безобразными веками, прежде чем удрать и снова спрятаться. Фабиан отломил кусок хлеба и окунул его в яйцо, не замечая знаков внимания со стороны феи камина. Таня провожала ее взглядом, кипя от негодования. И это после того, как именно она дала этой неблагодарной маленькой негоднице блюдце молока!

— А моему завтраку ты, значит, позволила остыть? — забывшись, пробормотала она себе под нос. — Неблагодарная!

— Прошу прощения? — взорвалась Флоренс.

Таня подняла на нее испуганный взгляд, заметив, что Фабиан тоже смотрит на нее со странным выражением лица.

— Я… Я просто сказала… Я не против, что мой завтрак остыл, — пробормотала она, торопясь исправить ситуацию. — Я не привередливая.

— Хмм…

Флоренс поджала тонкие губы и начала загружать стиральную машину.

— Уорик, ты не мог бы сегодня проверить водосточный желоб? — спросила она. — Мне кажется, он вот-вот отвалится.

Уорик буркнул, что сделает.

Таня в который раз задалась вопросом, как два таких человека, как ее бабушка и Уорик, ухитрились так долго прожить под одной крышей, не поубивав друг друга.

— Этот дом разваливается на части, — проворчала Флоренс, захлопнув дверцу стиральной машины.

— Переехали бы в какой-нибудь поменьше, — сказал Фабиан, засовывая в рот кусок бекона.

Флоренс, похоже, стало не по себе.

— Этот дом много десятилетий принадлежал нашей семье.

Она налила себе чая и тоже села за стол.

— Думаю, вы могли бы найти себе симпатичный маленький коттедж, — продолжал Фабиан с ехидной ухмылкой. — Из имбирного пряника.

Флоренс бросила на него один из своих самых испепеляющих

взглядов, а Таня чуть не подавилась яйцом и хлебом, которыми был набит рот.

— Не дерзи, — проворчал Уорик.

Складывалось впечатление, что Уорик уделяет внимание Фабиану лишь тогда, когда требуется выбранить его. Впервые у Тани мелькнула мысль, что Фабиан ведет себя вызывающе, просто чтобы привлечь внимание отца. Например, упорно называет отца по имени.

Из-под стола послышалось негромкое поскуливание. Таня приподняла скатерть и заглянула под нее. Оберон сидел перед бабушкой, положив голову ей на колени.

— Тебе здесь нравится, правда? — мурлыкала Флоренс, нежно поглаживая шелковистые уши пса.

Оберон удовлетворенно урчал. Флоренс улыбнулась и достала из пакета собачье печенье, которое купила специально для него. Оберон осторожно взял его и, улегшись под столом, принялся с довольным видом грызть. Глядя на все это, Таня почувствовала ревность. Почему-то Оберон обожал Флоренс.

— Ну все, — заявил Фабиан, с грохотом уронил вилку на тарелку и встал с набитым ртом.

— Ради бога, нет, Фабиан! — воскликнула Флоренс. — Ты похож на хомяка. Сядь и прожуй как следует.

— Уже, — заявил он и, выпучив глаза, с трудом проглотил то, что было у него во рту. — Видите?

Он направился к задней двери. У Тани еда подкатила к горлу, когда она поняла, что он собирается делать. Прямо на глазах у всех Фабиан начал перебирать висящие на кухонной двери пальто. С хмурым видом снял пальто отца с одного крючка и повесил на другой, при этом уронив несколько пальто — включая отцовское — на пол.

— Чем это ты занимаешься? — взорвалась Флоренс.

— Ищу свою куртку, — ответил Фабиан. — Серую. Мне казалось, она висит здесь.

— Она в шкафу под лестницей, где и всегда, — сказала Флоренс в недоумении. — Я видела ее вчера. Зачем тебе куртка в такую погоду? Правда, Фабиан, я понять не могу, что с тобой нынче утром?

— И я тоже.

Уорик встал, с сапогами в руках; на его лице застыло откровенно подозрительное выражение.

— Ничего.

Фабиан повесил все пальто на место и вернулся к столу. Таня заметила, что его лицо расслабилось. Надо полагать, он добился своего. Их взгляды встретились; точно так дети смотрят друг на

друга, когда понимают, что напроказничали, но сумели выпутаться.

Флоренс и Уорик тоже обменялись взглядами; точно так смотрят друг на друга взрослые, когда понимают, что их каким-то образом обвели вокруг пальца, но не догадываются, как именно и зачем, и уверены, что абсолютно ничего с этим поделать не могут.

Летняя гроза освежила воздух, день был яркий и теплый, хотя все еще пахло дождем, хлеставшим всю ночь. Вскоре после завтрака Таня и Фабиан набили волосами шесть мешков для мусора и снова спрятали их под кроватью. Таня думала, как избавиться от них, чтобы этого никто не заметил. Она хотела сжечь волосы в камине, а Фабиан советовал сбросить в катакомбы, где их в жизни не найдут. Оба решения были непростыми. Сжечь такое количество волос — это потребует времени и вообще рискованно. Если в разгар лета из трубы пойдет дым, это, без сомнения, вызовет подозрения Флоренс и Уорика. А пробраться в лес было достаточно трудно само по себе, не говоря уж о том, чтобы тащить шесть тяжелых мешков с волосами. В итоге Таня решила, что надежнее сжечь волосы — но только нужно сделать это под покровом ночи.

Время шло к полудню, когда Таня в конце концов осталась одна. Рассказав ей кучу историй о том, как Безумная Мораг накладывала заклятия на жителей города, Фабиан заперся у себя в комнате, и вскоре оттуда полилась громкая музыка. Когда он ушел, Таня набросала на листе бумаги план дома, а внизу сделала короткую приписку: «В моей комнате, в любое время после полуночи. Я достану то, что ты просила, и хочу, чтобы ты тоже выполнила обещанное».

Она сложила записку и убрала ее в карман. Предстояло просунуть ее через потайную дверь за книжным шкафом, оставив там же запас еды и воды для Рэд. Только после этого можно было отправляться в Тикиэнд за покупками.

Она подняла половицу под ковром и достала из тайника список, который получила от Рэд. Пробежала его взглядом, мысленно оценивая, что сколько стоит, точнее, пытаясь оценить, потому что не знала или лишь приблизительно представляла себе цену многих указанных в списке вещей.

Таня взглянула на маленькую деревянную шкатулку на туалетном столике, где лежала двадцатифунтовая банкнота, которую уронил в автобусе человек, пытавшийся купить у нее компас. В тот день, едва вернувшись домой, она положила деньги в шкатулку, и они так и оставались там.

Открыть крышку старой шкатулки ей удалось лишь с третьей попытки. Однако там лежала не хрустящая банкнота с изображением королевы, а большой коричневый лист какого-то растения, плотно скрученный. И больше ничего в шкатулке не было.

16

Благоухание шампуня разлилось в воздухе, когда Рэд, с обмотанной полотенцем головой, вышла из ванной. С отмытым лицом и блестящими зелеными глазами она выглядела совершенно другим человеком по сравнению с той грязной злоумышленницей, какой показалась Тане несколько ночей назад. Сейчас, в тепле мягко освещенной комнаты, она выглядела почти нормальной, а по возрасту ближе к Тане, чем та подумала сначала.

— С малышом все в порядке? — спросила она, с тревогой глядя на ребенка, мирно спящего на Таниной постели. — Он не просыпался?

Таня посмотрела на подменыша, маленькая грудь которого поднималась и опускалась в такт дыханию. Недавно девушки осторожно выкупали его, отмыв многодневный слой грязи, и его щеки немного порозовели. Пока его мыли, он не хныкал и не сопротивлялся, просто не отрывал от них серьезного взгляда огромных черных глаз. Потом он жадно пил теплое молоко, которое Таня стащила и принесла к себе в комнату в фляжке, а почти сразу же после этого уснул, словно все силы его истощились, и с тех пор не шевелился.

— Он так и спит, — ответила Таня.

Рэд села на постель и оправила на себе Танино платье.

— Я почти забыла, что такое горячий душ.

Таня протянула ей хозяйственную сумку. Почти до самого вечера она бегала по Тикиэнду, покупая заказанные Рэд вещи на деньги, обнаруженные в плаще.

— Здесь то, что ты просила… ну, большая часть. На весь список у меня не хватило денег.

Рэд рылась в сумке длинными изящными пальцами.

— Неважно. Я вижу, главное ты купила.

Она вытащила дешевую зубную щетку и краску для волос. Быстро прочитала инструкцию, посмотрела, какой оттенок выбрала Таня — мышиный, тусклый, где-то между темной блондинкой и светлой шатенкой.

— Мягкий, обычный, не бросающийся в глаза. Прекрасно.

Она надорвала коробку с краской, достала содержимое и натянула тонкие пластиковые перчатки. Добавила краситель в бутылочку с проявляющим раствором и потрясла ее, пока жидкости не смешались, медленно приобретая сероватый оттенок.

— Вижу, ты прихватила еще и газеты. — Она кивнула на

пачку на туалетном столе. — За какое они число?

Таня взяла газеты и села рядом с Рэд.

— С того дня, как ты унесла его. Моя бабушка собирает газеты, чтобы растапливать камин, и еще две я купила в Тикиэнде. Одну местную, одну национальную.

— Есть там что-нибудь?

Таня кивнула, опустив взгляд.

— В целом здесь шесть статей, все в национальных газетах… кроме вот этой. — Она вытащила «Бюллетень Тикиэнда» трехдневной давности с пятном от подливки на первой странице. — Ничего хорошего.

Она пролистала несколько страниц и протянула газету Рэд, которая перестала трясти пластиковую бутылочку и углубилась в чтение, беззвучно шевеля губами. Статья была короткая, но самая обличительная из тех, что прочла Таня. Мало того что она изображала Рэд как безжалостную, жестокую похитительницу; там было приведено ее подробное описание со слов свидетельницы, Рози Бик, шестидесяти шести лет от роду, хозяйки самой процветающей чайной лавки Тикиэнда и главной городской сплетницы.

Дочитав, Рэд задумчиво покивала головой.

— Значит, они знают, что я где-то здесь. Как я выгляжу. Во что одета. А все эта старая перечница. Она, видать, пронырливая, сует свой нос повсюду, расспрашивает всех и обо всем. Болтает с каждым, кто вошел в дверь. Хорошо, что я вовремя смылась.

Она встала и сняла с головы полотенце. Таня пошла за ней в ванную и остановилась в дверном проеме. Рэд наклонилась над раковиной и начала втирать краску в волосы. Таня в некотором смущении рассказала об утренних событиях, слегка нервничая и одним глазом поглядывая на дверь спальни. Она прекрасно осознавала, на какой ужасный риск пошла, приведя к себе Рэд, и какими могут оказаться последствия, если ее обнаружат здесь.

— И как же фэйри заполучили твои волосы? — спросила Рэд.

— Что ты имеешь в виду?

Рэд выпрямилась, стянула волосы на макушке и сняла перчатки.

— Чтобы сделать что-то такого размаха — вот так заколдовать волосы, — у них должен быть хотя бы один твой волосок. — Она с подозрением взглянула на Таню. — Что ты делаешь с волосами, остающимися на расческе?

Таня застенчиво отвела взгляд. Не хотелось признаваться в скверной привычке — оставлять волосы на щетке.

— Покажи.

Рэд взяла Таню за локоть и новела в спальню, где та с

виноватым видом кивнула на щетку на туалетном столике.

Рэд недоверчиво уставилась на нее.

— Глупость какая! С таким же успехом ты могла послать им письменное приглашение! — Она взяла щетку и начала вытаскивать и собирать в комок Танины волосы. — Нельзя оставлять свои волосы там, где они могут добраться до них. Избавься от них, прямо сейчас.

— Хорошо, — в замешательстве сказала Таня. — Я… Я выброшу их.

Рэд покачала головой.

— Нет, ты не выбросишь их. Ты уничтожишь их. Сожжешь. И точно так будешь поступать со всем, что может дать им власть над тобой.

— Например?

— Кровь. Слюна. Ногти на руках и ногах. Зубы. Все эти рассказы о колдовстве, о том, что ведьма приобретает власть над людьми, если ей в руки попадает локон их волос или зубы, — в этом есть большая доля правды. Нельзя оставлять ничего на волю случая.

Она достала из кармана коробок спичек, зажгла одну, осторожно положила ее на решетку камина и бросила ком собранных с Таниной щетки волос в огонь. Он тут же жадно поглотил его.

— По-моему, у матери сохранилось несколько моих молочных зубов, — медленно сказала Таня. — Но зубы ведь не сожжешь, верно?

— То, что не можешь сжечь, зарой, — ответила Рэд. — Либо в мешочке с солью, либо в освященной земле. Если порежешься, сожги ткань, которой вытирала кровь, а также пластыри или повязки. Не лижи конверты, используй воду. Состригай ногти прямо в огонь. Делай все, чтобы защитить себя. — Она помолчала. — Что ты сделала с отрезанными волосами?

Таня кивнула на кровать.

— Они там, в мешках для мусора. Я решила, что лучший способ избавиться от них — это сжечь, просто ждала возможности сделать это так, чтобы никто не заметил.

Рэд наклонилась и начала вытаскивать мешки из-под кровати.

— Лучший способ, худший способ — это не вопрос. Это единственный способ. — Своим ножом Рэд проделала дыру в одном мешке, вытащила пучок волос и протянула Тане. — Сожги их. Немедленно.

Таня бросила волосы на решетку и подожгла их. Волосы зашипели; пламя сожрало их в считаные секунды. Она повторила

процесс, вытащив новую пригоршню волос. В это время Рэд вытаскивала из-под кровати последний, шестой мешок. Таня сделала беспомощный жест.

— Чтобы сжечь все, уйдет несколько часов.

— Тогда мой тебе совет: не тяни с этим.

Таня бросила на решетку еще один комок волос.

— Откуда… Откуда тебе все это известно, Рэд? Почему ты знаешь так много, а я так мало?

Рэд полсала плечами.

— В основном я узнавала все от других, таких же, как ты и я. А остальное постигала самым нелегким способом — на собственном опыте.

— Я хочу, чтобы ты научила меня всему, что знаешь, — сказала Таня и показала на хозяйственную сумку. — Я выполнила свое обещание. Теперь твоя очередь. Мне нужна информация — я хочу знать то, что знаешь ты.

— Вряд ли я смогу научить тебя всему — у нас мало времени, — заговорила Рэд. — Но кое-чему научу. Хорошо, что тебе уже многое известно о наиболее важных вещах — о подменышах и об их связи со способностью второго зрения. Ты знаешь о наваждении. И знаешь, как нужно защищать себя. Но чтобы на самом деле понять, как фэйри связаны с нами, нужно вернуться к началу. Что я сейчас и сделаю.

В королевстве фэйри правят два противостоящих друг другу клана: Благий Двор и Неблагий Двор. Грубо говоря, «благий» означает благословенный, а «неблагий» — проклятый. Благий Двор известен как великодушный, склонный помогать и своему народу, и людям, а Неблагий — как злобный и жестокий. Оба клана ненавидят друг друга, но каждый обязан проявлять терпимость по отношению к другому.

— Но как такое возможно — чтобы в королевстве правили два двора? — спросила Таня, вздрогнув, когда спичка догорела до самых пальцев. — Это кажется бессмысленным.

— Они правят по очереди, — ответила Рэд. — Они обязаны соблюдать старое соглашение, по которому это должно происходить именно так. Соглашение связано с малоизвестной легендой о том, что вначале оба клана подчинялись одному большому двору, куда входили тринадцать самых мудрых и могущественных фэйри королевства. У каждого из них был свой магический предмет огромной силы, который нужно было даровать представителю человеческой расы, когда двор найдет достойного. Эти дары были известны как тринадцать сокровищ.

Таня нахмурилась. Эти слова показались ей знакомыми… Она вспомнила книгу из библиотеки. В ней упоминались

тринадцать сокровищ, но гоблины испортили книгу до того, как она прочла ее всю.

— Вот что это были за сокровища, — продолжала Рэд. — Кольцо, делающее невидимым того, кто его носит. Наваждение — иллюзия, способная обманывать любого так долго, как пожелаешь. Свет — магический канделябр со свечой, которая никогда не убывает. Меч, всегда одерживающий только победы и не знающий поражений. Книга знаний, способная дать ответ на любой вопрос. Ключ, открывающий любую дверь, в том числе и двери в другие миры. Кубок, дарующий вечную жизнь любому, кто отопьет из него. Блюдо, которое всегда будет полно, так что его владельцу голод не грозит. Плащ, дарующий силу; кинжал, истекающий кровью, способной исцелить любую рану. Чаша предсказаний. Сердце мужества. И наконец, котелок, способный оживить мертвого.

Каждое из этих сокровищ могло быть безвозмездно даровано его создателем — если остальной двор согласен, что получатель этого заслуживает. С самого начала одно из сокровищ вызывало одновременно тревогу и восхищение, а именно котелок. Шестеро членов двора считали, что смерть следует уважать, а не играть с ней и что может возникнуть хаос, если люди научатся оживлять мертвых. Оставшиеся семеро, включая создателя котелка, полагали, что если жизнь оборвалась преждевременно — к примеру, жизнь ребенка, — то котелок может дать умершему второй шанс и облегчить боль тем, кто его оплакивает.

Рэд замолчала и взглянула на часы.

— Еще десять минут, и мне нужно смывать краску. Напомни, чтобы я не забыла.

— Хорошо. — Таня сгорала от нетерпения услышать остальное. — Продолжай.

— Во дворе наметился раскол. И он окончательно произошел, когда создатель котелка был смертельно ранен посланной человеком стрелой. Вот тут-то двор и раскололся. Шестеро его членов настаивали на том, что создателя котелка следует оживить, а человечеству объявить войну. Шестеро других были категорически против такого решения. А, как я уже говорила, котелок, как и любое другое из оставшихся двенадцати сокровищ, можно было использовать лишь при общем согласии двора.

Ни одна сторона не желала уступать, каждая считала, что ее суждение правильно. Раскол рос, шансы на примирение уменьшались. Начались мучительные переговоры, и в конечном счете компромисс был достигнут. Отныне должно быть два двора, каждый правит полгода, как пожелает, и другая сторона не вмешивается. Тринадцать сокровищ больше никогда не были

использованы, поскольку ни один двор не желал вступать в переговоры с другим для выработки общего решения — такова была сила их ненависти друг к другу.

Итак, шесть месяцев каждого года один двор — тот, который был против воскрешения мертвых, — правит королевством и его жителями в мире и согласии. Этот двор фэйри назвали Благим Двором, поскольку во время его правления земля плодоносит — вот как сейчас.

— Как сейчас? — прервала ее Таня. — Ты имеешь в виду…

— Да, весна и лето.

— А Неблагий Двор правит осенью и зимой?

Рэд кивнула.

— Земля увядает и умирает. Происходят всякие беспорядки. Устраиваются пиршества, во время которых захватывают пленников и терзают их ради развлечения двора. Чаще всего эти пленники — люди, которые нечаянно заблудились или их заманили в королевство. Большинство пленников никогда не возвращаются. А те, кто вернулся, редко сохраняют рассудок.

Таня содрогнулась.

— Многие фэйри сбегают из королевства, когда там правит Неблагий Двор, — продолжала Рэд, — опасаясь за свою безопасность и безопасность детей. Неблагий Двор чрезвычайно забавляет выдумка с подменышами. Подменить ребенка своих врагов — тех, кто поддерживает Благий Двор и людей, — самое обычное дело. Они радуются всему, что несет хаос и разрушение. Большинство сбежавших возвращаются, когда наступает безопасное для них время. Некоторые же не возвращаются никогда, предпочитая полностью держаться в стороне от королевства.

— И куда они уходят? — спросила Таня.

— Сюда. В наш мир. Где могут жить, как им нравится, руководствуясь собственными правилами.

— Значит… Значит, те, кого мы видим, сбежали из своего королевства?

— Да. Или же были изгнаны.

— Изгнаны?

— За те или иные проступки, — объяснила Рэд. — С такими нужно проявлять особую бдительность. Обычно они опаснее всех. По счастью, их легко узнать. Самое распространенное наказание такое, что, оказавшись в изгнании, они могут говорить — и воспринимать речь — только в рифму. Это мешает им общаться с людьми и другими фэйри. Ну, или им отрезают языки.

Таня вспомнила гоблинов и состроила гримасу. Теперь их странная манера говорить стала понятна.

Рэд снова взглянула на часы, встала и потянулась.

— Пора.

Таня молча кивнула. Рэд закрылась в ванной комнате. Раздался шум воды — это она отмывала волосы. Потом послышалось характерное щелканье ножниц. Единственным звуком, кроме этих, было тихое сопение спящего подменыша.

Как Рэд и предсказывала, наваждение начало рассеиваться. Одно ухо ребенка удлинилось, его кончик заострился. Волосы отросли, кожа начала приобретать бледно-зеленый оттенок. Одновременно он слабел. Она понимала: ему требуются лекарства, но не человеческие, а те, которыми лечатся фэйри.

Отложив мешок с волосами, Таня встала, подошла к ребенку и нежно погладила по щеке. От него пахло молоком и шампунем. Кожа ощущалась мягкой, прохладной. Младенец зашевелился, выпростал ручку, и неожиданно глаза Тани обожгли слезы. Его будущее целиком зависело от Рэд и от нее самой. Пока же он даже понятия не имел, что был всего лишь пешкой в жестокой войне между двумя кланами собственного народа.

— Я хорошо позабочусь о нем, — негромко произнесла Рэд у Тани за спиной.

Таня вытерла глаза.

— Я не слышала, как ты вышла из ванной, — пробормотала она, подняла взгляд — и обомлела.

Поскольку Рэд больше не была похожа на Рэд.

Взгляд Тани задержался на неряшливых мужских штанах и рубашке. Сегодня днем она купила их задешево в магазине подержанных вещей. Они прекрасно сидели на мальчишеской фигуре Рэд, равно как и поношенные коричневые ботинки на ее крупных ногах. Длинные волосы были безжалостно острижены и имели теперь цвет соломы.

— Как я выгляжу? — спросила Рэд.

— Как… мальчик.

— Вот и отлично. — Рэд заметила, что Таня все еще смотрит на ее голову. — Они быстро отрастут, — сказала она. — Ищут ведь рыжеволосую девушку с младенцем-мальчиком, значит, я должна выглядеть в точности наоборот. — Она бросила на каминную решетку собственные волосы, сожгла их, порылась в хозяйственной сумке и достала оттуда розовые детские вещички. — И он тоже.

Вместе они начали переодевать подменыша, очень медленно, очень осторожно, чтобы не разбудить его. С нижней половиной все прошло гладко, но когда пришлось просовывать в рукава ручки, ребенок издал пронзительный вопль протеста. Таня вздрогнула в тревоге и быстро просунула его руку в рукав. Рэд в

это время застегивала пуговицы на маленькой розовой кофточке. Малыш распахнул глаза с таким видом, словно вот-вот заревет, но потом снова провалился в сон и больше не причинял хлопот.

— Сколько времени ты собираешься заниматься этим, Рэд? — спросила Таня.

— Мы пробудем здесь не больше часа, и потом тебе не придется прятать нас.

— Я не это имею в виду. Я имею в виду их… ну, вообще. Почему ты делаешь это? Почему спасаешь их? У тебя есть родные?

— Нет, — ответила Рэд. — Больше нет.

— Почему?

— Родители полтора года назад погибли в автокатастрофе. Работники службы спасения сумели буквально вырезать меня и моего младшего брата из обломков… Я сломала руку, но Джеймс не получил ни царапины.

— Повезло.

— Везенье тут ни при чем. Его спас фэйри.

— Фэйри спас его?

— Такой, знаешь ли, маленький, забавный, довольно странного вида — похожий на какого-то грызуна. Таскался за нами повсюду… не знаю уж почему. И знаешь, что еще странно? Он никогда не донимал меня, в отличие от других. Как будто он… присматривал за мной. Когда произошла авария, я думала лишь о том, как защитить Джеймса, и фэйри, казалось, понимал это. Во время столкновения он раздулся и оградил брата от ударов.

— Где он теперь? — спросила Таня.

— Погиб в этой аварии, — грустно ответила Рэд. — Отдал свою жизнь ради спасения моего брата. Позже нас отправили в приют в Тикиэнде. Мы пробыли там около месяца, когда я заметила, что творится. Детей подменяли — самых маленьких и только начавших ходить. Я пыталась сказать, что происходит, но меня не слушали. Однако потом фэйри совсем осмелели и забрали двоих ребятишек, даже не потрудившись оставить на их месте подменышей. Естественно, возникла шумиха, началось расследование. Решили закрыть приют, а всех детей распределить по другим. Однако в последнюю ночь забрали еще одного ребенка. Джеймса.

— И что ты сделала?

— Что я могла сделать? Никто ко мне не прислушался бы. Меня перевели в Лондон, и, как только с руки сняли гипс, я сбежала оттуда. Это оказалось несложно. Никто особенно и не искал меня. С тех пор я этим и занимаюсь. Может быть, когда-

нибудь я смогу вернуть брата.

Таня покачала головой.

— Не понимаю. Каким образом то, что ты делаешь, поможет тебе вернуть брата?

— Потому что это обмен. Я не просто возвращаю подменыша — фэйри должны дать мне кое-что за него.

— Ты имеешь в виду украденных человеческих детей?

— Правильно.

— Но что, если фэйри не захотят получить подменышей обратно? Может, они их и оставили потому, что с самого начала те были нежеланными, и вовсе не стремятся вернуть человеческих детей, которых забрали взамен?

Рэд кивнула.

— Они хотят возвращения только тех подменышей, которых отдали из озорства или по злобе. Если же все произошло по любой другой причине, дело гораздо сложнее.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Таня.

— Я имею в виду, что не всех так уж легко вернуть… но все же способы есть. Они всегда есть.

Таня молчала; внезапно все обрело смысл.

— Ты надеешься, что однажды это приведет тебя к брату, да? И ты сможешь обменять на него одного из них.

Глаза Рэд подернулись пеленой; казалось, она грезит наяву.

— Если бы только я могла найти способ проникнуть в… — заговорила она.

— Куда?

— В королевство фэйри, — ответила Рэд с тем же мечтательным выражением лица. — Уверена… Уверена, я смогла бы найти его.

— Погоди… Ты утверждаешь, что хочешь попасть в королевство фэйри, зная, что там творится? — недоверчиво спросила Таня. — Даже если ты найдешь брата, вам, скорее всего, никогда не удастся выбраться оттуда!

Рэд не ответила, но печаль в ее глазах была выразительнее всяких слов. Ей все равно, поняла Таня. Ее волнует одно — найти брата.

— Ты пыталась найти туда дорогу?

— Да. Но это непросто. Как будто чем дольше ищешь ее, тем больше она ускользает. Чтобы проникнуть туда, требуются определенные условия.

— Какие?

— Чтобы действительно попасть туда, без обмана, нужно получить приглашение. Или заключить сделку. Или разгадать загадку. Говорю же, это непросто. Они знают, что я ищу его, и

одного этого достаточно, чтобы стараться не пустить меня туда. Сейчас Джеймсу должно быть уже три года.

В голосе Рэд зазвучали нотки холодности, и Таня поняла, что не стоит дальше развивать эту тему. Невысказанным осталось то, что обе прекрасно понимали: шансы Рэд отыскать брата очень невелики.

— И что ты будешь делать, когда уйдешь отсюда? — спросила Таня.

Рэд начала методично упаковывать вещи.

— Завтра вечером через эту местность пройдет цирк и на какое-то время остановится в деревне в нескольких милях отсюда. У меня есть знакомый, который путешествует с ними, посредник фэйри, организующий обмен. В прошлом году после долгих уговоров цирковые позволили и мне остаться с ними. Когда я обменяю ребенка, они будут кормить меня и дадут место, где спать, а за это я стану работать на них, ухаживать за животными и все такое. Они не задают вопросов, и я тоже. Идеальный вариант.

— Идеальный для чего? — спросила Таня.

Рэд запихнула в сумку последние вещи.

— Чтобы исчезнуть, — ответила она.

17

Следующие два дня шел дождь. На третий день рассвет принес с собой серую морось, которая к обеду неохотно ослабела, а во второй половине дня сквозь тучи начало пробиваться подернутое дымкой солнце. Таня стояла у кухонного окна, глядя на бугристые, болотистые поля, под свинцовым небом раскинувшиеся до самого леса. Ее не покидал образ Рэд с подменышем, скорчившейся от холода, голодной, промокшей. Рэд обещала прислать ей весточку, как только доберется до цирка и окажется в безопасности. С тех пор как она ушла, Таня каждый день проверяла почту, но пока ничего не было.

Она села за стол и покрутила ручку настройки радио в поисках выпуска новостей. Поворчав и беспокойно поерзав под столом, Оберон тяжело навалился ей на ноги. Волнуясь, она внимательно слушала, но никаких упоминаний о Рэд или подменыше не было. Газеты тоже больше не поднимали эту тему. Таня позволила себе немного расслабиться. Похоже, они потеряли след.

Широко зевая, в кухню вошел Фабиан. Эти дни она его почти не видела. Уорик постоянно находился поблизости, не давая им поговорить. Таня сумела улучить лишь минутку, когда сообщила Фабиану, что уничтожила волосы. Он сел и налил себе чая.

— Холодный… — удивленно заметил он.

— Приготовь еще, — ответила Таня. Интересно, а где фея камина, мелькнула у нее неясная мысль. Обычно она не допускала, чтобы чайник остывал.

— Я не знаю как, — признался Фабиан. — В жизни не готовил чая.

— Начни с того, что вскипяти чайник, — с иронией сказала Таня. — Уверена, остальное ты и сам вычислишь. Бога ради, у тебя в комнате ведь целая куча книг по «Теории относительности» Эйнштейна.

— Лучше подожду Флоренс, — ответил Фабиан.

— Тогда тебе придется долго ждать. Она лежит с головной болью, а Уорика послала в Тикиэнд за продуктами.

— Здорово! — Фабиан потер руки. — В смысле продуктов, а не головной боли, конечно. Уорик всегда покупает более вкусную еду, чем Флоренс.

— Правда? — Таня знать не желала, что Уорик может обладать хоть какими-то приятными свойствами. — Вот уж не думаю.

— Ну, в прошлый раз он купил довольно вкусный чай.

Обычно наш чай отдает несвежими носками. Флоренс покупает дешевый чай и думает, что никто не замечает этого.

Таня закатила глаза, но ничего не сказала. Встала, сняла крышку с чайницы и пальцами поворошила ее содержимое. То, о чем говорил Фабиан, не имело никакого отношения к чаю, в этом она не сомневалась, а имело отношение к живущему в чайнице старому брауни. Ее пальцы добрались до самого дна, но никакие зубы не впились в нее, никто не стукнул палкой по костяшкам пальцев. В чайнице находился только чай. Брауни исчез. Она опустила крышку и нахмурилась. Никак не удавалось вспомнить, когда она в последний раз видела его. Может, он перебрался в другое место или даже… умер.

— Ну и что это за чай? — спросил Фабиан. — Приличный?

Таня снова уселась за стол.

— Я не понимаю разницы.

Фабиан схватил чайницу, снял крышку и втянул носом воздух.

— Понюхай. — Он сунул чайницу ей под нос. — Давай вдохни.

Таня, не проявляя особого энтузиазма, принюхалась.

— Тебе виднее.

Фабиан подошел к окну и посмотрел на лес Висельника.

— Уорик завтра утром собирается на охоту и, скорее всего, вернется только послезавтра в полдень.

Таня неотрывно смотрела в стол. Она уже поняла, к чему ведется разговор, и всячески хотела избежать такого поворота.

— Я подумал, стоит воспользоваться этой возможностью и снова сходить в лес, — продолжал Фабиан и добавил многозначительно: — Если, конечно, ты не передумала.

— Я ничего такого не говорила.

— Это и не требуется. Все написано у тебя на лице.

— Я не передумала. Просто… Просто я не вижу, чего мы можем этим добиться, вот и все. Амос стар. Сделал он там что-то или нет, он определенно расплатился за это. Может, лучше обо всем забыть.

— Как я могу забыть? Я только об этом и думаю! Мы с тобой понимаем, что во всем этом есть нечто странное… и я хочу узнать правду. Мне казалось, ты тоже.

— Я… В смысле, я…

Фабиан уже шагал к двери.

— Поверить не могу, что ты готова отступиться.

— Да нет же! — воскликнула Таня.

— Мне казалось, мы друзья.

— Так оно и есть, вот почему нам следует получше все

продумать, ведь в прошлый раз нас чуть не поймали. Твой отец и так терпеть меня не может, не хочу давать ему новых поводов.

— Ну, можешь успокоиться, — холодно заявил Фабиан. — Я пойду один. Без тебя меня не поймают, ведь ты просто… глупая девчонка!

Таня буквально потеряла дар речи. Когда шаги Фабиана затихли, она вышла в пустой коридор и с несчастным видом направилась к себе в комнату. Когда она проходила мимо дедушкиных часов на площадке, их медленное, равномерное тиканье подсказало ей, что часы, как и чайница, пусты.

Охваченная смятением, она вошла к себе в комнату. Отсутствие фэйри беспокоило ее; затевалось что-то странное. Только усевшись на постель, она заметила на подоконнике конверт. На нем не было написано ничего, даже имени. Чувствуя, как колотится сердце, Таня взяла конверт. Это наверняка от Рэд. Она торопливо сломала восковую печать и вынула сложенный вдвое листок бумаги.

Это были стихи, написанные черными чернилами, аккуратным почерком. Мелькнула мысль: может, это какой-то хитроумный шифр, к которому прибегла Рэд, чтобы скрыть следы? Но эта идея умерла еще до того, как Таня приступила к чтению. Рэд — человек грубоватый, прямой, к тому же ей сейчас не до изысков. Она вообще не того склада, чтобы писать стихи.

Таня начала читать.

В лесу, где много секретов знают деревья,
Однажды теплым летним вечером
Они о пропавшей девушке зашептали.
Ее глаза темны как ночь, кожа бледна как луна,
Волосы черны как вороново крыло,
Морвенна Блум, так ее звали.

Ее предупреждали, но она все равно
Играла в опасные игры и пошла в лес одна.
И вечером исчезла, и больше ее не видали.
Остался лишь локон черных волос,
А больше нигде ничего не нашли,
Хотя долго в лесу Морвенну искали.

Ей было четырнадцать, когда она исчезла.
Неделя за неделей проходили,
И постепенно люди стали забывать о том,
Какой она была. Одни считали,
Что она лежит на дне глубокой ямы

И под землей уснула вечным сном.

Другие говорили, что она сбежала
На поиски иной, прекрасной жизни.
А может, в ярости слепой была убита
Тем, кто ее руки упорно добивался.
Так истина в легенде растворилась,
А девушка сама была забыта.

Теперь о ней почти никто не помнит.
Но те, кто понимает, не ходят тем путем,
Каким когда-то, давным-давно прошла она.
Ведь говорят, Морвенна все еще в лесу,
Танцует там, где расцветает наперстянка,
Во тьме, где фэйри музыка слышна.

Стихи не были подписаны. Внутренний голос подсказывал Тане, что сказанное в них — правда. Она торопливо сунула листок обратно в конверт, а потом спрятала под красный шарф в тайнике под половицей. От того, что она только что прочла, голова у нее шла кругом.

Морвенну забрали к себе фэйри!

Вот уже пятьдесят лет они держат ее в своем королевстве. Она лишена возможности сбежать или хотя бы рассказать кому-нибудь, что с ней произошло.

«Вот что она пыталась сказать нам, — беспомощно думала Таня. — И она сделала бы это, если бы Уорик в тот день не нашел нас в лесу».

Половину столетия на Амосе лежала тень подозрения в преступлении, которого он не совершал, и это постепенно сводило его с ума.

Амос невиновен.

Два вопроса крутились в голове у Тани. Во-первых, кто оставил конверт на окне? И во-вторых, кому она могла довериться? Она сидела на постели, беспокойно теребя край простыни. Если бы только Рэд была здесь! Если бы только Таня рассказала ей о Морвенне Блум! Рэд наверняка посоветовала бы, что делать. Но что толку в этих «если бы»?

Она встала, чтобы положить на место половицу, и тут на глаза ей попался компас. И когда она увидела его, у нее родилась идея.

В лесу было тихо, если не считать шепота ветра среди

деревьев и журчания ручья. Таня остановилась на опушке: компас в руке, железный гвоздь в кармане, вся одежда вывернута наизнанку. На этот раз она не намерена рисковать. Оберон стоял рядом, глядя на нее удивленно, как бы не понимая, чего они ждут.

Она вздохнула. Меньше часа назад она и думать не хотела о том, чтобы идти в лес, но стихи изменили все. Она понимала, что письмо пришло к ней по одной-единственной причине: сейчас Морвенне могла помочь только она. Собрав все свое мужество, она перешла ручей и углубилась в лес, понятия не имея, куда, собственно, идет. Успокаивало одно: с ней компас, который всегда приведет ее к дому.

— Я не заблужусь, — говорила она себе тихим голосом. — Я не могу заблудиться.

Она все дальше и дальше заходила в лес. Под ногами хрустели и шуршали веточки и мох, один раз ей пришлось обойти разложившуюся мышь. Два раза она останавливалась и оглядывалась, испытывая странное, противоестественное ощущение, будто ее кто-то преследует. Во второй раз она даже окликнула Фабиана по имени, подумав, что, может, он снова шпионит за ней; но никто не ответил. Она продолжила путь, чутко прислушиваясь к любому звуку, который мог бы подсказать что-то, но было тихо. И только-только она чуть-чуть расслабилась, как увидела первый провал в катакомбы.

Таня смотрела на брешь в ограде, вспоминая, какое отчаяние испытала, когда Оберон сбежал. Отведя взгляд, она торопливо прошла мимо.

Вскоре перед ней открылась маленькая поляна, посреди которой лежало толстое упавшее дерево. Оберон вынюхивал что-то в высокой траве и чихнул, коснувшись носом одуванчика. Таня решила немного посидеть, попытаться определить, где она находится, и сделать глоток воды из прихваченной с собой бутылки. Глянув на компас, она потрясенно обнаружила, что дом был совершенно не в том направлении, где, как ей казалось, он должен находиться.

В конце концов она встала, понимая, что должна вернуться до того, как ее хватятся, а значит, у нее не так уж много времени. Тем не менее она по-прежнему понятия не имела, куда идти. Да и откуда ей знать? Нет, это было безнадежно.

— Пошли, мальчик, — сказала она Оберону. — Наверное, лучше нам вернуться.

Однако, успев сделать всего шаг, она заметила впереди между деревьями, какое-то движение. Вроде бы мелькнула рука…

— Морвенна? — окликнула она. — Морвенна Блум… это ты?

Из-за ближайшего дерева выглянуло грязное, морщинистое лицо, перекошенное от страха. Оберон, жалобно подвывая, припал к земле за Таниной спиной. Она медленно шагнула вперед.

— Брансвик?

Гоблин с широко распахнутыми глазами осторожно выбрался из своего укромного местечка, прижав к губам палец.

— Ты не должна, не должна! — прошептал он, неистово тряся головой.

— Не должна что?

Брансвик метнулся к ней, взял ее за руку и потащил по лесу, беспокойно оглядываясь через плечо.

— Ты не должна быть здесь! Не должна приходить сюда!

— Почему? — спросила Таня. — Брансвик, ты меня пугаешь. Объясни, что ты имеешь в виду!

Однако гоблин, не отвечая и несясь с сумасшедшей скоростью, продолжал тащить ее все дальше и дальше. Деревья вокруг росли гуще; древние стволы были искривленными, сучковатыми. Таня почувствовала, что ей и впрямь не следовало бы находиться здесь; как будто она вторгалась туда, куда уже давно не ступала нога человека. И все же Брансвик продолжал тащить ее еще глубже в лес. Внезапно между сплошной зеленью в глаза Тане бросилось что-то желтое. Гоблин остановился и наконец отпустил ее руку.

Симпатичный цыганский фургон почти полностью оплели растения. Брансвик привел Таню прямо к старой цыганке.

— С ней ты будешь в безопасности, — сказал он. — Но больше я ничем помочь тебе не могу.

Таня стояла, пристально вглядываясь в его лицо, но не находила ответов на свои вопросы; напротив, лишь возникали новые.

— А где два других гоблина? И почему… почему ты говоришь не в рифму?

Брансвик печально покачал головой и попятился, жестом показав, что она должна войти в фургон. Она остановилась перед дверью, подняла руку, чтобы постучать, но, заколебавшись, оглянулась на Брансвика. Он исчез.

И тут дверь распахнулась.

— Входи, — сказала старая цыганка, не сводя с Тани внимательного взгляда похожих на птичьи глаз. — Я ждала тебя.

18

В фургоне пахло горящими свечами и травами. У окна стояло удобное кресло, а рядом со столом небольшой буфет, в котором были выставлены самые разнообразные, необычные бутылки из яркого цветного стекла, все с привязанными к пробкам бирками.

Плотная бархатная занавеска скрывала заднюю часть фургона; там, предположила Таня, старая женщина спала. Около прислоненной к стене метлы свернулся калачиком дымчато-серый кот, с подозрением разглядывающий Таню.

Больше всего, однако, ее в этом фургоне удивил толстый журнал головоломок, открытый на странице с частично разгаданным кроссвордом. Таня пораженно уставилась на него; что-то столь обыденное казалось абсолютно неуместным в доме так называемой ведьмы.

— А чего ты ожидала? — взорвалась старая женщина, заметив удивление Тани. — Жаб и книг заклинаний? Коллекции островерхих шляп? Глаз тритона и крыльев летучей мыши?

— Нет, — смущенно заговорила Таня. — Просто…

Она замолчала, не зная, как выразить свои чувства.

— Видишь ли, я случайно люблю головоломки, — сварливо сказала Мораг. — Не понимаю, почему это так всех удивляет. И, к твоему сведению, я не держу книг заклинаний. — Костлявым пальцем она постучала себя по виску. — Все они вот здесь.

Жестом пригласив Таню сесть за стол, она налила в миску воды и поставила ее перед Обероном. Он тут же принялся жадно лакать.

Старая женщина тоже села, сложив на коленях морщинистые руки.

— Я ждала тебя раньше.

Таня достала из кармана компас.

— Хотелось… хотелось бы знать, зачем вы мне его дали. — Почему-то ей было трудно встречаться с твердым взглядом старой женщины. — И как узнали, что он мне понадобится.

— Конечно, — почти безучастно сказала Мораг. — Надо полагать, ты уже поняла, как его использовать?

Таня кивнула.

— Недавно мне было про тебя видение. И про твои способности.

Таня пораженно посмотрела на нее, Мораг улыбнулась.

— Не стоит так удивляться. У меня тоже есть кое-какие способности, хотя и отличные от твоих. Некоторые называют меня гадалкой. Другие считают ведьмой. Большинство знает меня

как Безумную Мораг. — Она помолчала, не сводя с Тани твердого взгляда. — Да, я знаю, что люди говорят обо мне, и кое-что из этого правда. У меня есть дар, и иногда я использую его, чтобы помогать людям… таким, как ты.

— Таким, как я?

— Тем, кому больше не к кому обратиться. И тем, кто не слишком опасается принять мою помощь.

— Что еще вы видели?

Страх в сознании Тани медленно уступал место любопытству.

Старая женщина, казалось, обдумывала ответ.

— Я видела украденного из колыбели ребенка, много лет назад. И позже я видела мальчика твоего возраста… которого переполняют обиды самого разного рода. И это каким-то образом связано с твоими способностями, с тем, что ты обладаешь вторым зрением. Правильно я говорю?

Таня кивнула, вспомнив об исчезновении Морвенны и о стихах.

— Мальчику требуется твоя помощь, — продолжала Мораг. — Однако придет время, когда и ты будешь нуждаться в его помощи. И гораздо больше, чем он.

Таня нахмурилась — старая женщина говорила загадками.

Мораг, видимо, почувствовала ее настроение.

— Знаю, у тебя много вопросов, но, боюсь, я способна ответить далеко не на все. У меня такое чувство, будто ты хочешь спасти кого-то… и спасешь. Но совсем не так, как рассчитываешь.

«Двух людей, — мрачно подумала Таня. — Амос нуждается в спасении не меньше Морвенны».

— Могу я спросить, что ты собираешься делать? — продолжала старая женщина.

— Мне нужно… вызволить кое-кого из королевства фэйри, — ответила Таня. — Но я не знаю как.

— Я бы не советовала, — мгновенно откликнулась старая женщина. — Очень нелегкая задача. Ты подвергнешь себя — и того мальчика — серьезной опасности. Ты даже можешь сама навсегда остаться в королевстве фэйри.

— У меня нет выбора.

Мораг не сводила с нее пристального взгляда; Тане показалось, что она видит страх в глазах старой женщины.

— Я так и думала, что ты это скажешь. — Она встала и кивнула на комод. — Я могу немного помочь тебе.

Она начала доставать из буфета какие-то банки, бутылки и каменным пестиком смешивать их содержимое в маленькой чаше.

Взгляд Тани снова привлек журнал с головоломками. Она ничего не могла поделать с собой — кроссворды выглядели здесь

чужеродно.

— Это предубеждение, — не задумываясь, пробормотала она.

— Прости? — сказала Мораг.

— Тринадцать букв по вертикали. «Мнение или суждение, не основанное на фактах». Ответ — предубеждение.

Мораг кивнула на лежащий на столе карандаш. Таня шустро вписала буквы в клеточки.

Покончив с этим, она посмотрела на свой компас.

— Откуда он у вас?

— Перешел ко мне от матери, — не оборачиваясь, ответила Мораг. — В семьях часто из поколения в поколение передаются вещи… скажем так, странные. Эта вещь еще до тебя помогала многим найти свой путь и будет помогать другим после тебя. Поэтому я буду признательна, если ты вернешь компас, когда почувствуешь, что он больше тебе не нужен.

— Но как я узнаю, что он мне больше не нужен?

— Узнаешь, — ответила Мораг. — Он просто перестанет работать.

Она закрыла буфет, вернулась на свое место и выложила на стол два предмета. Это были крошечные серебряные ножницы и бутылочка — такая маленькая, что умещалась в ладони. Подняв чашу, в которой что-то смешивала, Мораг осторожно перелила в бутылочку густую зеленовато-серую жидкость.

— Некоторые способы защитить себя тебе известны, но их будет недостаточно.

Она протянула ножницы Тане. В месте соединения был вставлен маленький красный драгоценный камень.

— Это для тебя, — сказала Мораг. — На вид в них нет ничего особенного, но они режут почти все, что угодно, кроме металла, дерева и камня. — Потом она взяла бутылочку с зеленой жидкостью. — А это мальчику — она поможет ему видеть то… что способна видеть ты.

Таня с уважением рассмотрела оба предмета и вернула их старой женщине.

— Я не могу их взять. Мне нечем расплатиться с вами.

Мораг сощурилась.

— Я не прошу никакой платы.

Таня почувствовала, как вспыхнули щеки.

— Но когда придешь в следующий раз, может, принесешь мне новый журнал головоломок.

Таня кивнула и прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

— Чтобы вызволить человека из королевства фэйри, нужно делать это, когда оно наиболее доступно, — оживленно продолжала Мораг. — Промежуточное время, вот что тебе нужно.

— Промежуточное?

— Магическое время, которое ни здесь ни там, ни одно ни другое.

— Не понимаю.

— Смена времен года, к примеру. Первое мая, летнее солнцестояние, Хеллоуин, зимнее солнцестояние — вот очень могущественные моменты. Или грань между сном и бодрствованием. Это и есть промежуточные времена.

— Но солнцестояние уже прошло, — сказала Таня, — а до Хеллоуина еще несколько месяцев!

— Ты права. Сейчас мы не рядом ни с одним из этих моментов. Но есть еще один, который случается гораздо чаще, а по могуществу ничуть не слабее. — Она устремила на Таню выжидающий взгляд. — Некоторые называют его часом колдовства.

— Полночь, — прошептала Таня. — Время между ночью и днем.

— Когда ты встретишься с человеком, которого хочешь вывести из королевства фэйри, нужно окликнуть его по имени, поскольку многие не помнят его, пробыв там достаточно долго. После этого ты должна предложить ему что-нибудь из одежды — и лучше всего, если эта одежда принадлежала ему до того, как его похитили. Вшей мешочки с солью в швы этой одежды и своей собственной. Если он предложит что-то тебе — не бери ни в коем случае. В особенности это касается еды и питья, как бы аппетитно они не выглядели. И наконец, есть еще одна очень важная мера предосторожности. Время в королевстве фэйри течет не так, как у нас. Оно движется либо быстрее, либо медленнее, и последствия этого могут оказаться гибельными. Чтобы защитить себя, ты должна срезать локон своих волос и хранить его в безопасном, ни для кого не доступном месте. Благодаря этому даже при самом худшем развитии событий ты, по крайней мере, не потеряешь годы своей жизни. Сохранишь свой теперешний возраст.

— Но что, если я застряну в королевстве фэйри, а потом сбегу и обнаружу, что в этом мире прошли многие годы? Я по-прежнему буду молода, а все, кого я знала, состарятся или даже умрут!

— Это возможно, — согласилась Мораг. — Но другая возможность еще хуже. Как тебе понравится, если ты постареешь, а те, кого ты любила, останутся такими, какими были? Если наш мир останется тем же самым, а в королевстве фэйри время протечет быстрее? Никто тебя не узнает. Никто не поверит, что это ты. И твоя жизнь будет близка к концу.

Таня растерянно покачала головой.

— Нет… В смысле, не знаю…

— Взвесь все хорошенько, пока еще есть возможность передумать.

Таня посмотрела на компас и на маленькую бутылочку, которую Мораг дала ей.

— Почему вы мне помогаете? — нерешительно спросила она.

Этот вопрос жег ее губы с тех пор, как она вошла в фургон.

— Потому что могу, — ответила цыганка. — И потому что хочу. У нас есть общие предки. Возможно, вместе мы сумеем исправить некоторые ошибки прошлого.

Ее взгляд остановился на браслете с брелоками на Танином запястье, перебегая с одного брелока на другой, пока в конце концов не остановился на пустом месте, где прежде был котелок.

— Тринадцать, — пробормотала она. — Несчастливое число… для некоторых.

Таня посмотрела в ее старые мудрые глаза, пытаясь понять, известно ли ей что-нибудь о трагической судьбе первой владелицы браслета, но, похоже, в словах старой женщины не было скрытого подтекста.

Таня почувствовала, что пора уходить. Мораг тяжело прошагала мимо нее и распахнула дверь фургона. Таня вышла на свежий воздух, крепко сжимая поводок Оберона. Мягкий ветерок взъерошил ей волосы. По дорожке проковылял ежик, не замечая, что за ним наблюдают. Лес казался таким мирным, таким прекрасным, что почти не верилось в опасность, которая в нем таилась.

День был теплый, и все же Таня вздрогнула.

— Иди с миром, — сказала Мораг, подозрительно оглядываясь. — Держись ближе к ручью.

— Спасибо вам… — начала Таня, но старая женщина покачала головой.

— Поблагодаришь потом. Надеюсь, мы еще встретимся.

Таня достала из кармана компас, пора было прибегнуть к его помощи.

19

Позже тем же вечером, чувствуя, что нервы у нее на взводе, Таня покинула дом и вышла на поиски Фабиана. Стоя под дубом, она напряженно вглядывалась в листву, но никаких признаков долговязой фигуры не обнаружила. Не отвечал Фабиан и на ее зов. Зная, что он не мог уйти далеко, она неспешно пошла через сад, пиная опавшие листья. Калитка была открыта и подперта камнем. Таня увидела вдали маленькую фигурку у ручья. Фабиан.

Она медленно приближалась к нему, стремясь отсрочить неизбежное. Фабиан со скрещенными ногами сидел на берегу ручья и бросал в воду камешки. Он не поднял взгляда, не пошевелился, когда Таня опустилась рядом. От неловкости она принялась щипать траву. Фабиан хранил гордое молчание, не желая первым начинать разговор.

— Мне… Мне очень жаль, — сказала она в конце концов. — Я хочу пойти с тобой. То есть если ты не возражаешь.

Фабиан бросил в ручей очередной камень.

— Я тоже сожалею. О том, что назвал тебя глупой девчонкой. На самом деле я не считаю тебя глупой.

— Ну и когда мы снова пойдем в лес? — спросила Таня.

— Не знаю. — На этот раз он бросил более крупный камень, и всплеск получился сильный. — Какой смысл? Может, нужно просто оставить все это в покое.

— Смысл в том, чтобы доказать невиновность Амоса.

Фабиан принялся теребить шнурки ботинок.

— А если он виновен? — спросил он сдавленно.

— Нет, это не так. — Таня собралась с духом. — Послушай, Фабиан…

Однако он вовсе не был настроен ее слушать.

— Что заставило тебя передумать? Ты же вроде бы раньше была против.

— Я просто… хочу помочь, — промямлила она, в последний момент утратив все свое мужество. — Мы ведь друзья?

Фабиан криво улыбнулся и провел рукой по густым волосам.

— Надеюсь. Ты правда считаешь, что он невиновен?

— Я знаю это. Я должна кое-что показать тебе.

Она достала из кармана листок со стихами и протянула ему.

Фабиан развернул его. Таня не спускала с него глаз, подмечая, как с каждой строчкой он все сильнее хмурится. Казалось, на чтение у него ушла целая вечность. Когда он закончил, глаза были широко распахнуты, лицо побелело как мел. И голос дрожал, когда он в конце концов заговорил.

— Это что, шутка? — Он поднял на нее взгляд сверкающих глаз. — Ты пришла сюда и извинилась только ради того, чтобы подшутить надо мной? Где ты это взяла?

— Это оставили на моей подушке, — ответила Таня. — И это не шутка, поверь.

— Поверить тебе? — взорвался Фабиан, в ярости вскочил, скомкал листок и швырнул его на землю.

Таня торопливо вскочила и подняла бумагу.

— Фабиан, пожалуйста! Просто выслушай меня…

Однако он слишком разошелся, чтобы слушать; с пылающим от злости лицом он отвернулся от нее, стиснув кулаки.

— Не знаю, каким образом ты подглядела это, но, уверяю тебя, мне совсем не смешно.

Он зашагал к дому.

— Каким образом я подглядела что? — Она заторопилась следом за ним. — Фабиан! Постой! О чем ты?

— Мой дневник! — закричал он, размахивая потрепанной записной книжкой в коричневом переплете. — Ты видела его! Ты читала его! А теперь смеешься надо мной!

Таня остановилась.

— Фабиан, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он, пылая яростью, почти бежал.

— Я никогда не читала твоего дневника! Клянусь!

Фабиан остановился, и Таня догнала его.

— Кто написал эти стихи? — требовательно спросил он.

— Не знаю. Говорю же, я просто нашла их.

— Это не смешно. Ты написала?

— Конечно нет!

— Тогда кто?

— Не знаю, — повторила Таня и перевела взгляд на дневник. — Что в нем?

— Ты ведь уже знаешь.

— Не знаю я, что там в твоей идиотской записной книжке! Не имею ни малейшего представления! Знаю лишь, что, очевидно, она много значит для тебя, и поэтому никогда в жизни не стала бы совать туда нос у тебя за спиной. — В ее глазах плескалась обида. — И ты понимаешь, что это правда. По крайней мере, я думала, что понимаешь.

Фабиан молчал.

— Все бесполезно, — пробормотала Таня. — Мне следовало знать, что ты в жизни не поверишь в фэйри.

— Да, я не верю в фэйри, как и всякий разумный человек на планете. Фэйри — это для малых детишек. То, что ты прочла, просто размышления в дневнике. Написанные, когда я был сильно

расстроен.

Таня прижала руку к сердцу.

— Клянусь своей жизнью: я не читала твоего дневника!

— Не верю!

— Ну да! — Танино терпение наконец лопнуло. — Ты не веришь мне. И ты не веришь в фэйри, но веришь в призраков. Ты сам признался в этом после того, как мы видели в лесу Морвенну Блум. И ты веришь в ведьм, правда? Ты веришь, что живущая в лесу старая цыганка может проклясть и заколдовать.

Фабиан не сводил с нее взгляда и молчал.

— Странно, что ты с такой легкостью веришь в одни виды магии, а в другие нет, — продолжала Таня. — Еще более странно, что ты отказываешься верить моим словам. Я не обманываю тебя, Фабиан. Почему тебе так трудно поверить мне? Моя дружба значит для тебя так мало?

— Дело не в дружбе. — Ярость в голосе Фабиана заметно пошла на убыль. — Дело в том, что реально, а что нет.

— Волосы, которые ты обрезал ножом Уорика, были реальны?

— Это все цыганка, ты сама так говорила…

— Нет, это не я говорила. Ты сказал, что она в ответе за это. Я просто не стала возражать, потому что так было легче. Цыганка старается помочь нам. — Таня достала из кармана маленькую бутылочку, которую Мораг дала ей. — Это для тебя. Чтобы ты тоже смог видеть их.

Фабиан недоверчиво хмыкнул.

— Это она тебе дала? И ты рассчитываешь, что я стану пить это?

— Почему бы и нет? Тогда ты получишь доказательство.

— Доказательство чего? Того, что эта придурковатая старая карга разбирается в травах? — Фабиан усмехнулся. — Ты когда-нибудь слышала о галлюциногенах? Я могу много чего увидеть, если выпью эту дрянь! Русалок, фэйри, драконов… да что угодно!

— Почему ты так убежден, что она хочет причинить нам вред?

— Почему ты так убеждена, что она хочет помочь нам? — тут же парировал Фабиан.

— Потому что она уже помогла нам. Дала мне компас, помнишь? И вообще — зачем ей тратить силы, притворяясь, будто она помогает нам? Если бы она на самом деле хотела причинить нам вред, то уже сделала бы это.

— Если ты так убеждена, отпей сама немного, — сказал Фабиан, но что-то в голосе выдало его.

Он заколебался.

— Что?

Фабиан кивнул на бутылочку в Таниной руке, но скорее нервно, чем с вызовом.

— Испытай. Посмотрим, как оно работает.

Теперь голос у него дрожал.

— Ты не понимаешь, — медленно заговорила Таня. — Это не для меня, а для тебя. Мне этого не нужно. Фабиан, до тебя что, так и не дошло, о чем я еще раньше пыталась сказать тебе? Что означают все эти странные вещи, которые происходят в моем присутствии? Не стихи убедили меня в существовании фэйри и не Безумная Мораг. Я и так способна их видеть. Я была способна их видеть, сколько себя помню. Ты можешь смеяться надо мной или называть меня лгуньей, но, по крайней мере, сначала выслушай меня, потому что иначе Амос умрет и его имя навсегда останется запятнано подозрением в убийстве Морвенны Блум. Вот посмотри сюда. Видишь? «Тем, кто ее руки упорно добивался». Понимаешь? Это о нем, об Амосе. Он любил ее! Он невиновен!

Фабиан не ушел. Он не стал ни возмущаться, ни высмеивать Таню. Выражение его лица за считаные секунды сменилось от смятения к страху, надежде, трепетному ожиданию. В конце концов взгляд его ясных голубых глаз встретился с Таниным, и он сказал:

— Хорошо, я выслушаю тебя. Но постарайся говорить убедительно.

20

Фабиан пристально смотрел на маленькую бутылочку в своей ладони. Внутри переливалась густая жидкость. Таня сидела рядом, глядя на маленькие водовороты в ручье и вдыхая его свежий запах. Она рассказала Фабиану все — за исключением Рэд и подменыша, — и он выслушал ее, не перебивая. Кажется, он поверил ей.

— На следующий день после того, как моя мать умерла, — заговорил он, — я сидел на этом самом месте. Он замолчал и дрожащим пальцем указал на дерево возле ручья. — Именно тогда я и увидел ее. Уорик привел меня сюда, потому что это было одно из любимых мест матери. Ему не нужно было ничего объяснять: я понимал, что она никогда не вернется. Мы бросали в воду белые розы и розмарин; розмарин в память о ней, а розы потому, что это были ее любимые цветы. Я только что бросил последний цветок, как вдруг заметил какое-то существо, сидящее на самой нижней ветке дерева. Это была… маленькая женщина. На ней было зеленое платье и сплетенная из травы шляпа. Она… Она посмотрела прямо на меня, а потом сняла шляпу и бросила ее в воду, к розам. Я удивленно моргнул, и она исчезла. Я решил бы, что мне показалось, если бы не шляпа, все еще плывущая по воде. Я не сводил с нее взгляда, пока она не утонула.

— Ты кому-нибудь рассказывал? — спросила Таня.

Фабиан покачал головой.

— Нет, никогда. Но всегда помнил. Пару месяцев назад я описал это здесь. — Он похлопал по коричневой обложке дневника. — С тех пор я никогда не видел ничего подобного. И всегда думал, что мне просто померещилось от горя.

— Может, так оно и было, — сказала Таня. — Может, горе открыло что-то вроде окошка в твоем сознании. А может, она просто явилась, чтобы успокоить тебя. Их можно видеть, когда они сами этого захотят. И не все они плохие.

Фабиан провел большим пальцем по бутылочке, снял крышку и понюхал содержимое.

— Пахнет еще хуже, чем выглядит. — Он протянул бутылочку Тане, предлагая понюхать. — То есть совсем скверно, учитывая, что на вид это похоже на разваренную в кисель жабу.

— Пованивает, — согласилась Таня. — Мне бы не хотелось это пить.

— И мне тоже не хочется. Может, и не нужно?

Он перевернул крышку бутылочки. На внутренней стороне была тонкая палочка. Фабиан сунул палочку в бутылку и

медленно вытащил ее. На конце блестела густая капелька.

— Глазные капли, — сказал Фабиан, откинул голову и поднял палочку. — Давай проверим. Вдруг сработает?

Таня положила руку ему на плечо.

— Не расходуй зря.

— Я и не расходую зря. Я испытываю.

— Мы уже знаем, что сработает, — сказала Таня. — Компас же работает.

— Нет, я хочу попробовать сейчас, — мрачно заявил Фабиан.

— Лучше позже. Вечером, когда все лягут спать. Тогда, если что-то случится, никто не узнает.

Фабиан заколебался, но потом вставил пробку на место.

— А как насчет зуба гоблина? Могу я хотя бы его увидеть?

Таня кивнула.

— Он спрятан у меня в комнате. Могу показать.

— Тогда пошли. — Фабиан вскочил. — Ох, постой! Уорик, скорее всего, околачивается где-нибудь поблизости. Нам нужно разделиться. Ты иди вперед, а я догоню тебя через несколько минут. Тогда никто не заподозрит, что мы были вместе.

— Хорошая идея, — согласилась Таня. — Приходи ко мне, когда никого не будет рядом.

Когда Таня вошла в дом, Уорик сидел и читал газету. Он едва глянул в ее сторону.

— Фабиана не видела?

— Нет, — пробормотала она. — Извините.

Уорик проворчал что-то, вытащил из газеты спортивную страницу, а остальные отложил. Проходя мимо, Таня неожиданно вздрогнула и остановилась, увидев заголовок на первой странице. Рядом была помещена крупнозернистая, не слишком качественная фотография, на которой она сразу же узнала Рэд.

ПРОПАВШИЙ РЕБЕНОК
Новые подробности

Таня схватила газету, не обращая внимания на удивленный взгляд Уорика.

> «Вчера вечером объявилась мать новорожденного ребенка, семь дней назад украденного из родильного отделения в Эссексе. Эта женщина, чье имя мы не называем в интересах следствия, оставила мальчика спустя всего четыре часа после его появления на свет. В настоящее время причины этого поступка неизвестны.
>
> В похищении в первую очередь подозревается

девушка-подросток, которая во время исчезновения ребенка находилась поблизости и вела себя подозрительно. Сегодня утром полиция сообщила, что это четырнадцатилетняя Равен Фокс (см. фотографию), которая находилась в розыске с тех пор, как почти полтора года назад сбежала из приюта. Учитывая юный возраст девушки, подробности ее происхождения не могут быть обнародованы, однако известно, что Фокс свойственно параноидальное и крайне неуравновешенное поведение. Следователи отказываются комментировать предположение, что Фокс имеет отношение к другому ребенку, пропавшему в приюте.

Полиция также допускает наличие связи этой девушки с двумя похищениями, случившимися на протяжении последнего года и имеющими пугающее сходство с последним. В августе прошлого года годовалый Себастьян Коннор исчез из сада в Кенте, стоило его отцу на минутку отвернуться. Десять дней спустя благодаря анонимному звонку он был найден на заброшенном складе. Мальчик не пострадал. Спустя два месяца из кондитерского магазина пропала только начавшая ходить Лаурен Марш, за которой приглядывала ее старшая сестра. Она до сих пор не найдена. Полиция просит откликнуться всех, кто располагает какой-либо информацией по поводу случившегося».

Ниже был указан контактный телефон. Таня проглотила ком в горле и положила газету на стол. Слова «параноидальное и крайне неуравновешенное поведение» так и стояли у нее перед глазами. Она почувствовала себя больной от смятения и беспокойства, не зная больше, чему верить.

— Что такое? — спросил Уорик.

— Ничего, — резко ответила Таня, раздосадованная его вниманием.

Оставив кухню, она поднялась по лестнице. Дверь ее комнаты оказалась слегка приоткрыта. Насторожившись, она распахнула дверь и увидела жуткий беспорядок.

Все вещи были вытащены из ящиков и разбросаны по комнате. Двери гардероба открыты, его содержимое — одежда, туфли, вешалки — грудами лежали на полу. Постельное белье сброшено, и даже с подушек сняты наволочки.

Потом она заметила обитателя водостока.

Он скатал ковер, поднял незакрепленную половицу и теперь стоял в углублении, где была спрятана коробка из-под обуви, — оттуда виднелась только его голова. Увидев Таню, он издал удивленный писк и отпрыгнул. Таня бросилась к тайнику. По счастью, коробка была на месте, по-прежнему завернутая в красный шарф. Обитатель водостока застыл, прижавшись спиной к стене и не осмеливаясь пошевельнуться.

Таня опустилась на колени, достала коробку, прижала ее к груди и перевела взгляд на испуганного фэйри.

— Ты что-то искал. Что?

Его взгляд переместился к запястью Тани, на серебряный браслет с брелоками, соблазнительно сверкающий при каждом движении девушки. Зрачки фэйри расширились; казалось, он впал в транс. Теперь стало понятно, что он искал. В нос Тане ударила жуткая вонь канализации. Она попятилась.

Громкий стук двери заставил вздрогнуть обоих; в комнату ворвался Фабиан.

— Я видел! — задыхаясь от волнения, сообщил он. — Там, в саду! Один из гоблинов, тот, что с синяками… — Он умолк, заметив беспорядок вокруг. — Что случилось? И черт побери, что это такое?

Он в ужасе ткнул пальцем в фэйри, который по-прежнему пялился на браслет с выражением обожания, переходящего в безумие.

Таня перевела на Фабиана разгневанный взгляд.

— Это обитатель водостока! Просто ушам своим не верю! Ты не устоял, да?

— Извини, — сказал Фабиан, но, судя по выражению лица, извинялся он только из вежливости. Скорее он выглядел так, будто ему только что присудили Нобелевскую премию. — Какой он противный!

Фабиан опустился на колени и протянул руку к фэйри. Тот, исполненный подозрительности, прыгнул вперед и попытался укусить его за пальцы, промахнувшись совсем чуть-чуть. Фабиан подскочил, быстро отдернув руку.

— Это невероятно! Потрясающе! Это произведет революцию в мире науки!

— Замолчи, Фабиан… — начала Таня, на мгновение отвлекшись от обитателя водостока — а большего ему и не требовалось.

Он с невероятной силой набросился на Танино запястье и принялся яростно сдирать браслет.

— Что он делает? — в тревоге воскликнул Фабиан.

— Отстань от меня! — закричала Таня, пытаясь стряхнуть

фэйри.

— Схвати его за шею!

Таня потянулась к тощей шее, но создание молниеносно извернулось и выскользнуло из-под ее руки. В конце концов она сумела схватить его за голову, хотя кожа фэйри была скользкой, как у лягушки, и удерживать его было трудно. Она попыталась отодрать фэйри от запястья, ее рука скользнула перед его лицом, и внезапно она почувствовала острую боль, как будто двадцать маленьких иголочек одновременно вонзились в ладонь. И еще она ощутила, даже не видя, как по руке течет кровь и капает с локтя. От потрясения она выпустила скользкую голову фэйри.

— У тебя кровь течет! — в ужасе воскликнул Фабиан.

— Охраняй ванную! — крикнула Таня. — Заткни пробками раковину и ванну. Нельзя позволить ему сбежать!

Фэйри дернул еще раз, и застежка браслета сломалась. Удовлетворенный, он выскользнул из руки Тани, стискивая в кулаке желанный предмет, и метнулся к открытой двери.

Промчавшись мимо Фабиана, Таня выскочила на лестничную площадку.

— Нельзя упустить его!

Обитатель водостока уже преодолел половину лестничного пролета, но вдруг затормозил. Таня поняла, почему он заколебался: на его пути лежал сухой, пыльный ковер. Этот фэйри привык к влажным трубам и воде. Перемещаться по сухой земле — это было не для него.

Таня скатилась вниз по ступеням и нагнала фэйри.

Пробегая мимо дедушкиных часов на площадке, он внезапно остановился и замер. У Тани мелькнула мысль, что он хочет спрятаться в часах; но потом она разглядела, к чему прикован его взгляд.

Из-за дедушкиных часов выглядывал кончик светло-рыжего хвоста, возбужденно покачивающегося туда-сюда.

То, что произошло дальше, навсегда запечатлелось в Танином сознании, она не раз вспоминала эту сцену. И часто задавалась вопросом, что это было: то ли последний всплеск силы старого Вулкана, то ли она недооценивала его, то ли ему просто повезло. Впрочем, это не имело значения; важен, как говорится, результат.

Вулкан прыгнул на обитателя водостока, и глаза фэйри расширились от ужаса. Он даже не попытался сбежать или тем более вступить в бой. Может, просто понял, что вот она, его судьба, и смирился с ней.

Фэйри не вскрикнул, когда кошачьи когти впились в него, и даже не захныкал, когда старые, сломанные зубы сомкнулись на его шее. Вулкан, казалось, понимал, что с удачей не шутят и не

стоит сейчас играть со своей жертвой. Послышался резкий хруст, и тело обитателя водостока обмякло.

Крик застрял у Тани в горле, превратившись в хриплый всхлип. Этот звук подтолкнул Вулкана к тому, чтобы поскорее убраться со своей добычей. Она провожала его взглядом, когда он запрыгал вниз по лестнице и дальше, в коридор, ища темное местечко, где бы попировать.

Только тут она осознала, что Фабиан стоит рядом, и повернулась к нему. Выражение его лица было зеркальным отражением ее собственного. Как и Таня, он буквально потерял дар речи. Молча наклонился, поднял что-то с потертого ковра и сунул ей.

На ее ладони лежал серебряный браслет. Несколько брелоков были покрыты кровью, хотя непонятно, чьей — фэйри или ее собственной. Она медленно повернулась и начала подниматься по лестнице, зажав в руке скользкий браслет. У своей комнаты она остановилась, услышав, как внизу открылась дверь и кто-то присвистнул. Таня замерла.

— Похоже, мы не зря кормим Вулкана, — произнес Уорик. — Как много крови! Наверное, крыса, не мышь. Вот уж не думал, что он все еще на это способен. Сейчас принесу швабру.

Слушать дальше Таня не стала. Задыхаясь от сдерживаемых рыданий, она заперла за собой дверь спальни и закрылась в ванной. Пустила в раковину горячую воду, подставила под нее браслет и затуманенными от слез глазами смотрела, как струя, сначала красная, потом розовая и, наконец, прозрачная, утекает в отверстие водостока, совсем недавно бывшего домом злосчастного фэйри. Что-то серебристое мелькнуло в глубине трубы, напомнив ей, что она лишилась брелока в виде котелка. Внутри зашевелилось сожаление — из-за того, что он лежит там, один, разлученный с остальными брелоками. Однако даже если бы Таня могла вытащить его и полностью восстановить браслет, она понимала, что никогда больше не будет его носить. И все же продолжала держать под обжигающей водой, как бы пытаясь смыть с него смерть. Так она и стояла, даже тогда, когда потекла холодная вода, от которой пальцы покраснели и дрожали. Стояла и плакала, плакала, пока наконец не осталось слез.

21

Таня металась и ворочалась среди сырых простыней. В такую влажную ночь трудно уснуть. Окно было открыто, в спальню проникало благоухание летних цветов, что обычно доставляло ей удовольствие; однако сегодня этот аромат, казалось, душил ее. Она никак не могла выбросить из головы гибель обитателя водостока.

Постепенно, однако, воздух стал прохладнее, и девушку наконец сморила дремота. Но только она начала засыпать, как послышался безошибочно узнаваемый шелест крыльев, рассекающих воздух. Слишком поздно она осознала, что веки у нее подрагивают; заметь она это несколько минут назад, может, и успела бы принять меры предосторожности.

По подоконнику царапнули когти. Занавески вздрогнули, разошлись, и хорошо знакомая черная птица медленно спланировала к Тане. За ней следовали еще три крошечные фигурки. Прямо в воздухе облик птицы изменился, но она продолжала двигаться и в конце концов опустилась на Танину подушку. Нахлынул сильный запах леса, Ворона посмотрела на нее, схватила прядь Таниных волос, злобно дернула и отскочила к своим спутникам, расположившимся в ногах постели.

Обвиняющие взгляды были прикованы к Тане, и она с трудом подавила желание отвернуться. Только Мизхог вел себя как обычно. Отсвечивая в лунном свете, из его рта свисало что-то влажное, блестящее. Слизняк, поняла Таня, еще полуживой. Обреченный, он тем не менее слабо извивался, но потом Мизхог целиком втянул его в рот и облизнулся. Таня оторвала от него взгляд и заставила себя сосредоточиться на остальных.

— Что случилось? — спросила она, не сумев скрыть нотки страха в голосе.

— Полагаю, ты знаешь, — ответил Гредин.

Он схватил подушку и бросил ее через всю комнату. Она задела стул около туалетного столика, тот перевернулся и с грохотом упал на пол.

Таня состроила гримасу. Шляпа-с-Пером тут же вперил в нее ледяной взгляд.

— Сегодня вечером из-за твоего вмешательства погиб один из наших, — сказал он.

— Ни во что я не вмешивалась. Он украл у меня кое-что, и я погналась за ним.

— Нет, ты погнала его! — рявкнул Шляпа-с-Пером, мгновенно оказавшись прямо перед ней, так близко, что она

могла разглядеть крошки в его усах. — Прямо навстречу смерти!

— Если бы он не взял то, что принадлежало мне, я не погналась бы за ним! — возразила Таня.

Шляпа-с-Пером усмехнулся.

— Обитатели водостоков не отличаются ни честностью, ни умом. Для такого тупого создания соблазн тринадцати сокровищ непреодолим. Нужно было прятать получше.

— Тринадцать сокровищ? — Таня недоуменно покачала головой. — Не понимаю.

— Ни слова больше, Шляпа-с-Пером, — предупредила его Ворона.

Таня в недоумении перевела взгляд сначала на нее, потом на Гредина. На физиономиях обоих застыло одинаковое выражение гнева и беспокойства.

Шляпа-с-Пером набросился на них.

— Это всего лишь вопрос времени! Она и сама сообразила бы! — Он повернулся к Тане. — Ты дразнила его! Искушала его!

— Как? — воскликнула Таня, забыв о том, что надо соблюдать тишину.

— Ты отдала ему один брелок!

— Она же не знала, — сказала Ворона.

— И потом, эта девушка… — Шляпа-с-Пером в ярости придвинулся еще ближе, хотя это казалось почти невозможным. — О да, не сомневайся, твоя болтовня с ней не прошла незамеченной!

Таня стиснула под одеялом кулаки.

— Я помогала ей вернуть ребенка. Ребенка фэйри. Не понимаю, что вы имеете против этого, разве что вам нравится, когда наши миры сталкиваются и возникают хаос и разрушения. Хотя, может, именно этого вы и добиваетесь. Я знаю, что такое Неблагий Двор. Рэд рассказала мне.

— Ты понятия не имеешь, чего мы добиваемся, — сказал Гредин. — И кто мы такие — тоже. Что касается девушки, может, она и рассказала тебе то, что знает, но, уверяю, она знает далеко не все. То есть почти ничего не знает.

Он замолчал, потому что на Мизхога напала жуткая икота. Таня с отвращением наблюдала за ним. Мизхог, как создание нервное, всегда тяжело переносил ссоры. Икота обернулась рвотой. Спустя несколько мгновений, как и опасалась Таня, из него вывалилось то, что осталось от слизняка. Икнув напоследок, Мизхог поймал на животе блоху.

Взгляд Шляпы-с-Пером был устремлен на старую картину, висящую над камином. Его лицо омрачилось.

— Эхо и Нарцисс, — пробормотал он. — Интересно. —

Оторвавшись от созерцания, он посмотрел на Таню. — Тебе знакома эта история?

Таня настороженно кивнула.

— Напомни-ка, в чем там дело, — сказал Шляпа-с-Пером, но в его тоне звучала насмешка.

— Волшебница прокляла Эхо, — сказала Таня, — так что она могла лишь повторять последние слова фраз, сказанных другими. Нарцисс был тщеславный юноша, который влюбился в собственное отражение в пруду и зачах. Эхо сохла по нему, и в конце концов все, что осталось от нее, — это голос.

— Подумать только! — сказал Шляпа-с-Пером. — Быть способной лишь повторять последние слова фраз, сказанных другими.

Таня почувствовала, что внутри все скрутилось в тугой ком.

— Ты мне угрожаешь?

Шляпа-с-Пером улыбнулся, поднял руку и сделал движение, как будто стучит. Со стороны гардероба послышался резкий стук костяшек пальцев по дереву — хотя Шляпа-с-Пером не только не коснулся его, но даже и рядом не находился.

— Тук-тук, — сказал он. — Кто там?

Тишина. Потом внимание Тани привлек негромкий звук, похожий на жалобный вой. Звук, исходящий из гардероба.

— Что это? — Таня притянула к себе одеяло. — Что ты делаешь?

Вой продолжался, потом послышалось царапанье, негромкое, но настойчивое, постепенно становящееся все более неистовым. Дверь гардероба задрожала, как будто кто-то изнутри с воем бросался на нее. Звук был поистине дьявольский.

Обмотавшись простыней, Таня соскочила с постели и добежала до середины комнаты, когда дверца гардероба распахнулась и оттуда с визгом вырвался Оберон, совершенно сбитый с толку и ужасно испуганный. Таню мгновенно осенило: Оберон в шкафу — это только начало. Настоящие неприятности начнутся, когда он разбудит весь дом, что неизбежно.

— Сюда, мальчик! — в отчаянии позвала она и протянула к нему руки. — Успокойся… все в порядке.

Однако ошеломленный Оберон не поддавался на уговоры. Он дико метался по комнате, сшиб стол и кресло в углу. Книги взлетели в воздух и рухнули на пол. Спустя несколько мгновений у пса в голове, похоже, слегка прояснилось, и он набросился на фэйри, рыча и лая. Ворона и Гредин с легкостью увернулись от него, взмыв к потолку. Мизхог взвизгнул и последовал за ними.

Шляпа-с-Пером вспрыгнул на подоконник, чудом избежав когтей Оберона, и ткнул толстым пальцем в Таню.

— Это тебе за обитателя водостока.

Сноп искр вырвался из кончика его пальца, и нижняя половина Таниного лица заледенела. Она коснулась пальцами рта; он был расслабленно открыт, губы ужасно онемели.

На лестничной площадке послышались торопливые шаги.

— Что тут происходит? — спросила бабушка.

— …тут происходит… — сказала Таня, причем губы двигались помимо ее воли.

Дверь распахнулась, спальню залил свет. В комнату ворвалась Флоренс, ее лицо выглядело как мрачная белая маска. За ней следовал Уорик. Его рука лежала на охотничьем ноже, который он носил на поясе; Таня и бабушка заметили это одновременно. Флоренс и Уорик обменялись взглядами, и он быстро опустил руку.

Со странным выражением на лице Флоренс подняла взгляд к потолку; Таня непроизвольно вскинула голову. Казалось, бабушка смотрит прямо на фэйри, но потом до Тани дошло, что электрическая лампочка неистово раскачивается. Наверное, один из фэйри — скорее всего, Мизхог — задел ее.

Наверху в своей комнате зашевелился Амос. Послышалась непристойная брань, а потом громкие удары, как будто он то открывал, то захлопывал дверь. Когда Флоренс оглядела всю сцену, ее губы поджались в тонкую ниточку: перевернутые кресло и стол, беспорядочно разбросанные книги и Оберон, продолжавший яростно облаивать подоконник.

— Черт побери, прекрати этот шум! — выбранил его Уорик.

Оберон, подвывая, спрятался за Таню.

— …этот шум… — повторила она, глядя на окно.

Шляпа-с-Пером в последний раз удовлетворенно ухмыльнулся, и все фэйри исчезли.

— Объясни, пожалуйста, что этот пес делает здесь? — холодно спросила Флоренс.

— …делает здесь… — эхом откликнулась Таня.

— Что ты вытворяешь?

— …ты вытворяешь…

— Такое у тебя представление о шутке? — спросил Уорик.

— …о шутке…

Таня зажала рот руками.

— Уорик! — взорвалась Флоренс. — Забери этого пса отсюда и запри его в кухне!

— …в кухне… — пробормотала Таня через прикрывающие рот руки.

Уорик поджал губы и вышел в сопровождении покорного Оберона. Флоренс осталась стоять, прямая, как палка, сверля

Таню взглядом синевато-серых глаз.

— Больше никаких глупостей! Никаких шатаний неизвестно где по ночам! Если я еще раз обнаружу Оберона здесь, то отправлю его домой, не успеешь ты и глазом моргнуть. Ты меня поняла?

Таня закивала, но слов удержать не смогла.

— …меня поняла…

Она опустила взгляд, не в силах больше смотреть в глаза бабушке.

— Прекрати повторять все, что я говорю!

— …что я говорю…

— Такой наглости я от тебя не ожидала. Ты слишком много времени проводишь в компании Фабиана. Ничего удивительного!

— …ничего удивительного…

— В постель — немедленно! — Бабушка поджала губы. — И чтобы я от тебя больше ни звука не слышала.

Она резко развернулась и захлопнула за собой дверь.

— …не слышала… — прошептала Таня в пустую комнату.

Жаркая слеза ярости и огорчения заскользила по щеке.

Медленно она побрела в ванную, где на краю раковины в лужице холодной воды лежал браслет. Она взяла его, вздрогнув, когда капля воды побежала по руке к локтю, словно ледяная слеза. В темноте она провела пальцем по каждому брелоку по очереди. Некоторые она не могла распознать на ощупь, но, опасаясь вызвать гнев бабушки, не решалась включить свет. Среди тех, какие она узнала, были кинжал, кубок и ключ.

Тринадцать сокровищ.

Почему она не догадалась раньше?

Семейная реликвия, передаваемая из поколения в поколение Элизабет Элвесден, первой леди поместья. Женщиной, которая умерла в психиатрической больнице, оставив свой главный секрет в частях дневника, спрятанных по всему поместью; секрет, который ее родные так стремились сохранить в тайне, чтобы не запятнать свое доброе имя. На любой секрет всегда так легко навесить ярлык безумия.

Секрет, который Таня сейчас почти разгадала. Может, Элизабет Элвесден и казалась безумной, но она ею не была. Элизабет Элвесден была подменышем.

22

Утро среды выдалось свежее, ясное, лишь со слабым намеком на холод в воздухе. Как обычно, вопли Амоса разбудили Таню рано, но на этот раз они послужили благой цели. Прислушиваясь к ним, Таня не повторяла ни слова и рискнула предположить, что заклятие фэйри рассеялось. После ночных событий она не испытывала голода, но все же решила заставить себя съесть что-нибудь. Впервые Флоренс не только не приготовила завтрак, но даже не появилась. Теперь Таня стояла в дверях кухни, отрешенно жуя лепешку и наблюдая за Обероном, принюхивающимся к чему-то в саду.

В кухню вошел Уорик. Теперь, когда она была не одна, Таня осознала, что громко чавкает. Она прекратила жевать и проглотила то, что было во рту, с трудом сдержав кашель, когда объемистый кусок застрял в горле.

— Пока никто больше не проснулся, — угрюмо сказал Уорик, включил чайник и насыпал в кружку растворимый кофе.

— Я не очень хорошо спала.

Едва произнеся эти слова, Таня поняла, как глупо они прозвучали.

Уорик, как обычно, проворчал что-то и повернулся к ней спиной.

— Не думаю, что кто-нибудь из нас спал хорошо, — пробормотал он и налил кипяток в кружку.

Сильный запах дешевого кофе наполнил кухню. Не сказав больше ни слова, Уорик вышел.

Спустя, наверное, минуту появился Фабиан, уселся за стол и посмотрел на Таню.

— Что уставился? — спросила она, раздраженная его взглядом.

— Что уставился? — тут же повторил он.

Таня нахмурилась.

— Значит, ты знаешь.

Фабиан усмехнулся.

— Конечно. Уорик рассказал мне. И как только я проспал все это!

— Это не я, Фабиан, — устало сказала Таня. — Это они. Фэйри. Они пришли, чтобы наказать меня за… за то, что случилось с обитателем водостока.

Улыбка на лице Фабиана мгновенно угасла.

— Ты имеешь в виду… это они сделали? Заставили тебя повторять?

Таня кивнула.

— И это еще не все. Я узнала, почему обитатель водостока так жаждал заполучить браслет с брелоками. Не потому, что он блестящий, а потому, что брелоки символизируют тринадцать сокровищ.

— Те, что связаны с Благим и Неблагим Дворами? — спросил Фабиан.

— Да. Тот, кто заказал этот браслет, вложил в него что-то очень личное, очень значимое для него. Легенда о тринадцати сокровищах мало кому известна, а это означает, что самая первая владелица браслета наверняка была связана с фэйри.

— В каком смысле связана?

— В таком, что некоторые ее потомки в этой семье — в том числе и я — обладают вторым зрением.

— Подменыш. Значит, нужно выяснить, кто первоначально владел браслетом.

— Мне кажется, я уже знаю, кто первоначально владел им. На портрете в ее комнате изображен этот браслет. Это Элизабет Элвесден.

Таня встала, выглянула в коридор, убедилась, что там никого нет, закрыла дверь кухни и села напротив Фабиана.

— Я помогу тебе спасти Морвенну Блум, и мы сможем снять подозрение с Амоса, — сказала она тихо. — Но после этого я улажу свои дела с фэйри.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Фабиан. — Видеть же их ты все равно не перестанешь?

— Я знаю, что не перестану видеть их, это от меня не зависит. Но от меня зависит то, в каких я с ними отношениях. Все, что они когда-либо делали мне, было результатом моих собственных поступков — например, того, что я пыталась кому-то рассказать о них. Им нужно от меня одно — мое молчание. Так, может быть, если я выполню их желание, они оставят меня в покое. И может быть, я начну наконец жить нормальной жизнью.

— Слишком много «может быть», — заметил Фабиан.

— Знаю. Но другого выхода у меня нет.

Фабиан встал, открыл заднюю дверь и замер в дверном проеме, но его чуть не сбил с ног Оберон, пронесшийся мимо в страстном желании вырваться в сад.

— Он вспыльчивый, знаешь ли, — заговорил Фабиан. — Амос, я имею в виду. Неудивительно, что люди думали о нем то… в чем его обвиняют. — Он помолчал и поднес руку к виску. — Помнишь… Помнишь, у меня здесь был синяк? Я сказал, что упал. Так вот, это неправда.

Таня промолчала; она чего-то в этом роде и ожидала.

— Когда стало ясно, кем на самом деле была девушка, которую мы встретили в лесу, я впал в отчаяние. Тем вечером, рассказав тебе о Морвенне, я остался на втором этаже и решил дождаться, пока Амос пойдет в туалет, — я знал, это даст мне пару минут, чтобы разведать. Теперь на то, чтобы сделать всего несколько шагов, у него уходит целая вечность. Я ждал в нише… и, казалось, прошло несколько часов, прежде чем он наконец вышел из своей комнаты. Как только он скрылся из виду, я пробрался в его комнату.

— Что ты искал? — спросила Таня.

— Все, что угодно… что доказало бы его невиновность… или вину.

— Полиция же его отпустила. Почему ты думал, что спустя столько времени сможешь найти что-нибудь?

— Не знаю. — Фабиан закрыл глаза. — Это было ужасно. У него там хлам везде… кипы старых газет… одежда, которую он не носил годами и, скорее всего, никогда не наденет. Подарки, которые он даже не развернул. Я слышал, как отец рассказывал Флоренс, что Амос никогда ничего не выбрасывает, но не думал, что до такой степени. Я нашел там кое-что, от чего мурашки побежали по коже…

Он вздрогнул и оборвал себя.

— Что?

— Локон волос. — Увидев испуганное выражение Таниного лица, он быстро добавил: — Не волнуйся, не твоих. Они слишком темные. Лежали в коробке с его обручальным кольцом, фотографиями моей бабушки и кое-какими ее вещами. Наверное, это ее волосы: она была темноволосая. Там творился такой беспорядок, что я даже растерялся: где же искать? Я уже готов был сдаться и уйти, когда нашел еще кое-что. Альбом с газетными вырезками, все о Морвенне… целые дюжины. На одной даже стояла дата еще до ее исчезновения.

— Как она попала в газету еще до исчезновения?

— Она победила в местном конкурсе талантов, — по-видимому, у нее был поэтический дар.

— Должно быть, это она написала стихи, которые я нашла, — медленно проговорила Таня. — Но все равно непонятно, как они попали ко мне в комнату… И что произошло дальше?

— Я начал читать вырезки, — ответил Фабиан, — и не рассчитал время — вернулся Амос и… застал меня.

— Он тебя ударил?

— Он закричал, чтобы я убирался. Поначалу я оцепенел, а потом, когда попытался выскользнуть мимо него из комнаты, ну… думаю, резкое движение напугало его. Он набросился на

меня. И… знаешь, что хуже всего? По-моему, он даже не осознавал, кто я такой.

Таня молчала, понимая, что никакими словами Фабиана не утешить.

Бой дедушкиных часов на лестничной площадке разорвал тишину.

— Уорик скоро уйдет, — негромко сказал Фабиан.

— Ты готов?

— У меня есть карта, фонарик и все такое прочее.

— Я возьму компас, а в карман положу старый железный гвоздь. И еще я вшила в наши карманы по паре мешочков с солью в качестве добавочной защиты. Если фэйри нападут на нас, разорви мешочек и швырни в них солью. И еще мне нужен локон твоих волос, на случай… ну, ты знаешь.

— На случай, если нас утащат в королевство фэйри, — мрачно закончил Фабиан.

Таня кивнула и торопливо продолжила:

— Надень что-нибудь красное, если у тебя есть.

— Нет у меня ничего красного.

— Тогда выверни одежду наизнанку. И чтобы ты ни делал, не забывай о средстве, которое Мораг дала тебе. — Фабиан глянул насмешливо, и Таня быстро продолжила: — Нам нужно выйти раньше, чем в прошлый раз, и найти Морвенну до полуночи, тогда мы сможем воспользоваться промежуточным временем и вывести ее из королевства фэйри.

Фабиан задумчиво кивнул.

— Я сверю свои часы перед выходом. И включу сигнал, чтобы он сработал в полночь.

Таню пронзил страх перед предстоящими событиями. Казалось, они продумали все. И все же, кто знает, достаточно ли этого? Уверенности она не испытывала.

Утро тянулось и тянулось. Уорик отбыл, но выходить еще было рано. Загрузив в лендровер охотничье снаряжение, он с шумом выехал за ворота и свернул на грязную дорогу, уводящую от поместья Элвесден.

В полдень Таня посмотрела на часы на лестничной площадке.

«Еще двенадцать часов».

Весь день Оберон вел себя беспокойно, чувствуя тревогу хозяйки. Он не мог усидеть на месте и шатался из комнаты в комнату, лишь усиливая волнение Тани. В конце концов солнце начало опускаться и скрылось совсем. Тьма, словно плотное одеяло, окутала поместье. Дедушкины часы неумолимо тикали.

В доме было спокойно и тихо. Таня начала спускаться по

лестнице. На площадке возле дедушкиных часов крепко спал Вулкан, раскинувшись, словно светло-рыжий коврик. Она обошла его и спустилась к темной кухне. Низкий рокочущий звук заставил ее остановиться, пока она не осознала, что это просто храп Оберона. Она только-только хотела войти в кухню, как из ближайшей комнаты донесся звон разбитого стекла.

Ее взгляд метнулся вдоль коридора. Из-под двери гостиной пробивалась полоска света. Послышалось недовольное восклицание Флоренс. Таня проскользнула на кухню и сделала то, что первым пришло в голову: залезла под большой дубовый стол. Оберон лениво приподнял голову и посмотрел на нее с таким видом, словно собирался подойти и тем самым выдать ее.

— Сиди на месте! — прошипела Таня.

Оберон послушался.

Открылась дверь, и вошла Флоренс, негромко ворча. Погремела чем-то в буфете и снова ушла в гостиную. Таня слышала, как она сметает осколки разбитого стекла, и потом Флоренс вернулась на кухню. С того места, где, скрючившись под столом, сидела Таня, ей были видны старомодные бабушкины тапочки. Флоренс ссыпала осколки в мусорную корзину и ушла, выключив свет в коридоре. Было слышно, как шлепали тапочки, когда она поднималась по лестнице.

Таня с облегчением закрыла глаза. На дрожащих ногах вылезла из-под стола и подошла к Оберону, очень удивленному ее странным поведением. Достала из кармана красный, расшитый бисером шарф, обвязала вокруг его шеи, а свободные концы засунула под ошейник. Вдвоем они выскользнули в холодный ночной воздух и через сад пошли к калитке.

Фабиан уже ждал их снаружи, молчаливый и даже бледнее обычного. Он подскочил, когда Оберон в знак приветствия ткнулся влажным носом ему в ладонь, а потом удивленно посмотрел на пса.

— Это не твой ли шарф на нем?

— Он тоже нуждается в защите, — сухо ответила Таня.

— Ну, по-моему, красный — не его цвет, — сострил Фабиан.

Таня была слишком напряжена, чтобы заставить себя рассмеяться.

— Потише, — сказала она. — Нам ни к чему привлекать к себе внимание.

Фабиан тут же смолк, непроизвольно протянув руку к макушке, — наверное, вспомнил, как в прошлый раз на него напала ворона.

Они двинулись в сторону леса, Оберон бежал впереди. Казалось, он уже привык к этим поздним прогулкам.

Ночь была ясная. В темном небе висел серп луны, звезды мерцали, точно прозрачная серебристая вуаль. Таня обхватила себя руками, радуясь, что оделась тепло. Поверх джинсов и своей единственной красной футболки она надела старый непромокаемый плащ, тот самый, который был на ней в грозовую ночь. В правом кармане плаща лежали компас и железный гвоздь, в левом — ножницы, которые дала ей Мораг, и маленький матерчатый мешочек с солью.

Неожиданно Фабиан остановился, вглядываясь во тьму.

— Что такое? — спросила Таня.

— Ничего, — пробормотал он.

— Скажи!

— Просто… Просто у меня такое чувство, что за нами кто-то идет. Не обращай внимания. Пошли.

— Ты видел кого-то?

— Нет, я ничего не видел, — ответил Фабиан. — Просто ощущение. Пойдем.

Они молча продолжили путь и быстро добрались до ручья, за которым раскинулся лес.

— Где фонарь? — спросила Таня.

— В рюкзаке. Я достану его, как только мы окажемся в лесу, — здесь и без него светло.

Фабиан пересек ручей, Таня за ним, по скользким камням, под шум быстро бегущей воды. Спустя несколько минут они уже стояли на опушке леса.

Фабиан снял рюкзак, поставил на землю и опустился рядом с ним на колени. Достал фонарь, карту и бутылочку Мораг. Вынув пробку, быстро смазал оба глаза.

— Сколько сейчас времени? — спросила Таня.

Фабиан надел рюкзак.

— До полуночи тридцать одна минута. Нужно поторопиться.

Они в молчании углубились в лес. Единственным звуком, нарушающим тишину, было шуршание сухих мертвых листьев под ногами. Таня шла в нескольких ярдах за Фабианом и чуть не упала, споткнувшись о лежащую на земле ветку. Фабиан включил фонарь.

— Тебе по-прежнему кажется, что нас кто-то преследует? — негромко спросила Таня. — Если это правда, свет нас выдаст.

— Не знаю. Но теперь без фонаря мы далеко не уйдем. — Он развернул карту. — Нужно идти ко второму входу в катакомбы — там мы ее встретили. Значит, там же можем увидеть снова. — Он похлопал по карте. — Это недалеко, первый провал совсем рядом.

Они пошли дальше. В лесу стояла какая-то сверхъестественная тишина. Иногда из темноты на них смотрели

желтые глаза ночных созданий. Внезапно Таня вскрикнула — что-то тяжелое ударило ее по ноге.

— Что такое? — спросил Фабиан.

— Компас, — ответила Таня. — Он провалился через дыру в кармане. Наверное, ее проделал гвоздь, он тоже провалился.

— Дай его сюда, — сказал Фабиан. — Я положу его в рюкзак. Там он будет в безопасности.

Не без труда Таня просунула руку сквозь дыру и вытащила компас, но гвоздь найти не сумела. Надо полагать, он остался где-то под подкладкой.

— Положи его в надежное место, — сказала она, передавая компас Фабиану. — Если мы потеряем его, у нас останется только карта.

Они все шли, шли и забрались так далеко, что Таня уже начала сомневаться, правильно ли они выбрали направление. И тут, словно бы из ниоткуда, возник первый вход в катакомбы.

Фабиан прыжками устремился к перилам.

— Все верно! — крикнул он через плечо. — Теперь уж точно недалеко!

Таня побежала следом, стараясь ориентироваться на свет фонаря, что было нелегко.

— Помедленнее! Я ничего не вижу!

Вскоре они вышли на маленькую поляну.

— Вот где мы видели ее.

Руки Фабиана дрожали от возбуждения, когда он провел лучом фонаря по плотной стене деревьев.

— Ты уверен? Я не вижу ограды. Может, это другая поляна?

Фабиан сверился с картой.

— Нет, это она… должна быть она.

— Смотри. — Таня указала чуть в сторону от толстого дерева. — Посвети туда фонарем.

Фабиан поднял фонарь; между деревьями сверкнуло что-то серебристое.

— Вон она.

Они двинулись в сторону ограды; внезапно послышался звук, от которого кровь застыла в жилах.

— Что это?

Взгляд Фабиана испуганно метался по сторонам.

— Похоже на… плач, — пробормотала Таня.

Они осторожно пробирались дальше, Танино сердце колотило в груди, точно молот. Неподалеку от ограждения под деревом сидела девушка, сгорбившись и обхватив руками колени. Длинные черные волосы стекали к земле, где в изобилии росла наперстянка, еле заметно покачиваясь в ночном воздухе.

— Это она, — прошептал Фабиан. — Морвенна Блум.

Ветка хрустнула под ногой Тани, но девушка не подняла головы, продолжая плакать, уткнувшись в ладони.

— Морвенна! — окликнул ее Фабиан, когда снова обрел голос. — Морвенна Блум!

При звуках своего имени девушка вскинула голову, и Таня со страхом поняла, что она вовсе не плакала — она смеялась.

— Вы нашли меня.

Она встала и отряхнула с платья листья. Выглядела она точно так же, как прежде: едва ли на день старше, чем на фотографии.

— Мы знаем, что произошло с тобой много лет назад, — заговорила Таня. — И… И пришли, чтобы помочь тебе.

Просто не верилось, что девушку оказалось так легко найти… пожалуй, слишком легко.

— Помочь мне? Как?

— Мы хотим вывести тебя отсюда, — сказала Таня.

Внезапно ей стало страшно. В лунном свете Морвенна выглядела почти как дух. Таня достала из плаща ножницы, засунула их в задний карман джинсов, сняла плащ и протянула его девушке.

— Возьми. Он тебя защитит.

Морвенна сделала шаг к ним; странная улыбка играла на ее лице, когда она взяла плащ.

— А чем ты защитишь себя, хотела бы я знать?

Из горла Оберона вырвалось низкое, громкое рычание. Шерсть на загривке пса встала дыбом, тело словно окаменело. Он занял позицию между Таней и Морвенной.

Именно в этот момент Таня поняла: что-то ужасно, чудовищно неправильно.

— Защищу себя от чего?

Морвенна смотрела на нее остекленевшими, угольно-черными глазами.

— От меня, конечно.

У Тани мелькнула мысль, что она ослышалась.

— Ты знаешь, почему я здесь? — Голос Морвенны зазвучал нараспев. — Я здесь, потому что пятьдесят лет назад кое-что произошло. И теперь я могу освободиться, только если будет уплачен долг.

— Какой долг? — спросил Фабиан. — О чем ты?

Морвенна улыбнулась — холодной, недоброй улыбкой.

— Долг одного моего давнего друга. — Она посмотрела прямо в глаза Тани. — Твоей бабушки.

— Что? — Таня попятилась. — Не понимаю!

— Ясное дело, не понимаешь. Откуда? Видишь ли, Флоренс и

я много лет назад заключили… соглашение или, если угодно, договор. Я сдержала свое обещание, она нет. И теперь Флоренс должна расплатиться.

— И какова же цена? — спросила Таня, в ужасе догадываясь, что она сейчас услышит.

Морвенна сделала еще шаг к ней.

— Ты.

23

Тане хотелось бежать, но ее удерживали на месте первобытный страх, от которого выворачивало внутренности, и болезненное желание узнать наконец всю правду. Уголком глаза она отметила, что Фабиан буквально оцепенел.

— Я… Я все еще не понимаю.

— Тогда давай я тебе объясню, — прошипела Морвенна. — Много лет назад я походила на тебя. Одиночество, непонимание… как тебе известно, таким, как мы, нелегко завязать дружбу.

— Тем, кто обладает вторым зрением, — сказала Таня.

Морвенна улыбнулась.

— Да. Тем, кто обладает вторым зрением. Но потом я нашла друга: человека, который понимал меня и которого я понимала, потому что мы были похожи. Этим человеком была твоя бабушка.

— Моя бабушка не обладает вторым зрением. Ты лжешь.

— Правда? Судя по выражению твоего лица, ты не так уж в этом уверена. Я знаю Флоренс. Она умело скрывает это. Она защищает тебя от истины и ради этого отталкивает тебя. Смею предположить, что вы не слишком близки.

Таня смотрела на нее в полном ошеломлении, потом опустила взгляд.

Морвенна засмеялась.

— В точности как я и думала. Ты никогда не задавалась вопросом: почему тебе здесь не рады? Почему она не хочет видеть тебя рядом с собой? Ну, еще немного, и ты поймешь.

— Зачем ты говоришь все это? — прошептала Таня. — При чем тут я?

— Все это имеет прямое отношение к тебе. Можешь поблагодарить свою бабушку. — Морвенна намотала на палец прядь черных волос. — Мы с Флоренс были лучшими подругами. Неразлучными. Все делали вместе. Однако ее родители предоставляли ей больше свободы, чем мои мне. — Ее лицо омрачилось. — Иногда с моим отцом бывало очень… трудно. Почтенный священник Блум… или, по крайней мере, так он выглядел со стороны. Реальность же была совсем другой. Он подавлял своим властным характером. Мне приходилось умолять его, чтобы он хотя бы выпустил меня из дома. Однажды мы шли по этому лесу, Флоренс и я. — Морвенна нахмурилась. — Я была сильно расстроена. Отец решил в конце лета отослать меня в школу-интернат в Лондоне. Флоренс умоляла меня не уезжать — тогда она потеряла бы свою единственную подругу. Я и сама не

хотела уезжать, и поэтому мы начали обдумывать, как сбежать. Мы говорили об этом, когда заметили, что за нами наблюдают… и прислушиваются к нашим словам.

— Фэйри, — сказала Таня.

— Они предложили нам убежище. Место, где никто не найдет нас, где ничто не причинит нам вреда, где мы никогда не состаримся. Королевство фэйри.

— Но они забрали тебя… ввели в заблуждение… захватили тебя…

Морвенна продолжала говорить, как будто не слышала Таню.

— Для меня это был шанс сбежать… но Флоренс сомневалась. Она разрывалась между желанием пойти со мной и остаться со своими родными. Однако времени у нас было мало. Фэйри сказали, что в канун дня летнего солнцестояния мы должны сделать выбор. Я молила Флоренс пойти со мной, но она никак не могла решиться. Потом, за день до назначенного срока, у нее произошла серьезная ссора с родителями. После этого она приняла решение — мы поклялись убежать и никогда больше не возвращаться. Однако из нас двоих Флоренс всегда была слабее. Я чувствовала, что сомнения продолжают точить ее. Не доверяя просто слову, я заставила ее поклясться, что она исполнит свое обещание. Мы прокололи себе пальцы и скрепили наш договор кровью. Наступил канун дня летнего солнцестояния. Я ждала Флоренс в лесу, но она так и не пришла. Я пошла в поместье, и домоправитель сказал мне, что она плохо себя чувствует. Иными словами, Флоренс струсила. Но для меня было уже слишком поздно. Я не могла отступиться.

— Этим домоправителем был Амос, правда? — спросил Фабиан. — Он мой дедушка.

— Влюбленный дурак, — сказала Морвенна. — Я рассказала ему, что решила сбежать, и он стал умолять меня не делать этого. Я дала ему локон своих волос на память и просила сохранить его в тайне, в безопасном месте. Он и понятия не имел, что этот «подарок на память» был частью гораздо более значительного плана. В свой локон я вплела несколько прядей волос Флоренс, стащила их с ее расчески — чтобы придать ее обещанию еще большую силу.

— Локон волос? — напряженно спросил Фабиан.

— Ключ к моему бессмертию, — ответила Морвенна. — Что-то, бывшее частью меня. До тех пор пока он хранится в мире смертных, они могут видеть меня, если я сама того пожелаю, и я навсегда останусь четырнадцатилетней. И такой же буду, когда вернусь. В полночь я вошла в королевство фэйри. Вначале я была счастлива, хотя знала, что никогда не прощу Флоренс ее трусость.

Но шли годы, и это бессмертное существование было наполнено таким ужасным одиночеством, что я стала сожалеть о своем решении. Однако если человек добровольно уходит в королевство фэйри, то способа вернуться назад нет. Кроме одного.

— И что это за способ? — внезапно охрипшим голосом спросила Таня.

— Обмен на другого смертного, связанного с ним кровным родством и обладающего вторым зрением. У меня не было кровных родственников со вторым зрением, но когда мы с Флоренс поклялись друг другу на крови, это связало нас. Получалось, что она единственная могла занять мое место, но у нее хватало ума и шагу не ступать в лес. Поэтому я ждала. Проходили годы. Флоренс вышла замуж и ждала ребенка. В конце концов передо мной открылась возможность, которую я так долго искала. Никогда не стоит недооценивать силу материнской любви.

— Ты украла ребенка, чтобы он занял твое место, — хриплым от отвращения голосом сказала Таня.

— Нет, не для этого. — Морвенна злобно рассмеялась. — Ребенок, конечно, был кровно связан с Флоренс, но не обладал вторым зрением и, следовательно, не мог занять мое место в королевстве фэйри. Ребенок был просто моим «тузом в рукаве». Я украла его, чтобы выманить Флоренс в лес. Точнее, его принесли мне. Я не сомневалась, что Флоренс догадается, кто стоит за этим, и будет готова лицом к лицу встретиться со своим прошлым. Найдя нас, она, как я и ожидала, стала умолять меня вернуть ей ребенка. Я сказала, что согласна — если она сама прямо здесь и сейчас займет мое место. Но если она откажется, я заберу младенца в королевство фэйри и она никогда больше его не увидит. Флоренс понимала, что выхода у нее нет. Она согласилась поменяться со мной местами, но умоляла сжалиться над ней и позволить хотя бы первые несколько лет самой растить ребенка. Обещала, что, если я дам ей семь лет, потом она с готовностью займет мое место. Клялась, что в седьмой день рождения ребенка вернется сюда и выплатит свой долг. И я по глупости согласилась. После столь долгого ожидания какая разница — еще несколько лет? Я не потеряла ни дня своей жизни и могла позволить себе проявить великодушие. Мне и в голову не пришло, что она уже тогда задумала обмануть меня. — Морвенна вперила в Таню ненавидящий взгляд. — Ребенок, о котором я говорю, твоя мать.

Таня вспомнила укрытую в глубине дома детскую комнату.

— Но моя мать родилась двадцать девятого февраля — в добавочный день високосного года.

Фабиан изумленно открыл рот.

— Значит, до ее седьмого дня рождения должно было пройти двадцать восемь лет!

— Вот именно, — сказала Морвенна. — Природа позволила Флоренс спастись еще раз. Я знала, что после случившегося и близко не смогу подойти к этому ребенку: Флоренс предпримет необходимые меры, чтобы защитить его. Мне оставалось одно — снова ждать долгие годы, пока она должна будет исполнить свое обещание. Однако, когда подошел срок, произошло кое-что неожиданное. На свет появился еще один ребенок, кровно связанный с Флоренс. И вместе с ним прекрасная возможность отомстить. — Она улыбнулась Тане, у которой ум за разум зашел от ужаса. — Ты.

— Нет…

— Должна сказать, с тобой все оказалось непросто: ты была хорошо защищена, — продолжала Морвенна. — И все же недостаточно хорошо.

— Кто защищал меня?

Морвенна не отвечала.

— В полночь мы должны поменяться местами.

— Нет! — закричала Таня и посмотрела на Фабиана, но он застыл в полном оцепенении.

— Деревья… посмотри на деревья.

Отовсюду повылезали фэйри. Такого она еще не видела: сломленные, злобные существа, выглядевшие так, будто понятия не имели, что на свете существует доброта. Их кожа напоминала кору, а руки и ноги — ветки. Да они и были плотью от плоти леса.

Таня уловила еле заметное движение на залитой лунным светом поляне. Фабиан был прав. Их действительно преследовали.

Лишь на краткое мгновение между деревьями показалось лицо и тут же исчезло. Знакомое лицо. Лицо, которое, как думала Таня, она никогда больше не увидит. Мелькнула мысль, что это лишь игра воображения, но потом лицо появилось снова, с прижатым к губам пальцем, призывающим хранить молчание.

Рэд.

Таня быстро отвела взгляд, мысли у нее смешались. Что происходит?

— Вяжите ее! — приказала Морвенна.

Фэйри начали приближаться. Оберон зарычал на них и защелкал зубами.

— Вы в меньшинстве, — заявила Морвенна. — И если ты не отзовешь пса, они убьют его, это я тебе обещаю.

Таня посмотрела на Оберона. Нет, на такой риск она пойти не могла и отозвала его, несмотря на протестующие завывания. Он недоуменно ткнулся в нее носом, но она оттолкнула его, прогнала прочь.

— Беги! — закричала она Фабиану.

Фэйри надвигались, и Таня отступала, пока не уперлась спиной в ствол дерева.

Она почувствовала, что ее привязывают к дереву чем-то невидимым и непреодолимым — холодным, тонким, клейким. Фэйри обмотали ее так, что она совсем не могла двигаться, и ускользнули в темноту, все, кроме одной безобразной старой фэйри, с удивительной силой вцепившейся в Танины руки.

— Останешься с нами, моя прелесть? — прохрипела она. — Станешь играть с моими детишками. Будем надеяться, ты продержишься дольше других…

От страха глаза Фабиана стали как блюдца.

— Она защищена! Оставь ее в покое! Ты не можешь прикасаться к ней!

Морвенна презрительно скривила губы, глядя на красную Танину футболку.

— Красный цвет просто скрывает от фэйри… но его действие закончилось, когда ты назвал мое имя.

— А как насчет этого? — закричал Фабиан.

Он сунул руки в карманы и вытащил маленький матерчатый мешочек, сшитый Таней. Перочинным ножом проделал в нем дырку, высыпал на ладонь горстку соли, швырнул ее в лицо старой карге и метнулся к Тане. Старуха-фэйри попятилась, громко вскрикнула и принялась тереть глаза. Таня в ужасе смотрела, как ее кожа покрывается волдырями. Старуха заковыляла прочь и в конце концов исчезла из виду.

Однако из тьмы возникли новые фэйри.

— Осторожнее! — взвизгнула Таня.

Фабиан начал поворачиваться, во всех направлениях бросая соль. Вопли боли и ярости наполнили ночь — но все пострадавшие фэйри мгновенно исчезали, а их место занимали другие.

— Их слишком много! — прошептал Фабиан. — И у меня кончилась соль.

— Они же этого не знают.

— Пока нет. Но очень скоро они поймут.

Он попытался сдернуть или разорвать путы, но это оказалось невозможно — он только изрезал руки.

— Скрученная паутина, — заметила Морвенна таким тоном, словно эти слова звучали для нее музыкой. — К тому же

заколдованная. Смертные руки не могут ее разорвать. Из нее плетут сети, которые нужны, чтобы подбросить подменыша. Эта предназначалась для того, чтобы захватить твою мать, а теперь пригодилась и для тебя.

— Фабиан! Ножницы… у меня в кармане. Мораг говорила, что они разрежут все, что угодно!

Несмотря на раненые руки, Фабиан продолжал сражаться с заколдованной паутиной, но без особого успеха. Морвенна с удовлетворением наблюдала за ним. Таня осознала совершенно отчетливо: какой бы прежде ни была эта девушка, теперь она за гранью милосердия и сострадания. Половина столетия в королевстве фэйри не прошла для нее даром. Осталась лишь внешняя оболочка, а внутри клокотали жажда мщения и ненависть — и не было ничего человеческого.

— Все без толку! — сказал Фабиан. В конце концов он прекратил сражаться с Таниными путами и медленно попятился. Судя по выражению его лица, он сдался.

— Прости.

Отступив еще дальше, он развернулся и, не сказав больше ни слова, бросился бежать.

— Куда ты? — закричала Таня. — Не бросай меня! Фабиан, ты трус!

Но он уже исчез.

24

Фабиан мчался сквозь тьму, то и дело спотыкаясь. По выражению Таниного лица он понял: она думает, что он бросил ее; именно такого эффекта он и добивался. Чтобы его план сработал, ей нужно было поверить в это, поскольку, догадайся Морвенна, что у него на уме, она никогда не выпустила бы его из леса живым.

Он услышал, что за ним кто-то гонится. Страх обернулся паникой.

— Оставьте его! — закричала Морвенна в глубине леса. — Мальчишка не важен!

Шум позади медленно стихал и вскоре вовсе прекратился; теперь Фабиан слышал лишь свое неровное дыхание. Внезапно земля пошла под уклон, и он покатился с горки. Послышался звон, и фонарь погас.

— Нет, — залепетал Фабиан, оказавшись в полной темноте. — Пожалуйста, нет…

Но уже было ясно, что отныне фонарь ему не поможет. Он поднялся на дрожащих ногах. В лесу было черным-черно.

— Думай! — приказал он себе. — Успокойся и думай!

Он нажал кнопку на часах, и экран осветился. До полуночи оставалось семнадцать минут.

Опустившись на колени, он принялся ощупывать землю, пока не нашел рюкзак. И только тут вспомнил, что в нем лежит.

Компас!

Чуть не плача от радости, он открыл рюкзак и принялся рыться в нем, пока не нащупал гладкую, холодную медь. Вытащил компас и, подсвечивая часами, посмотрел, куда указывает стрелка. Оказалось, прямо вперед.

Без колебаний Фабиан продолжил путь. Он бежал так, как не бегал никогда; ноги заболели, а легкие начало жечь, словно огнем, но он ни разу не остановился. Каждая секунда была на счету.

Еще дважды он падал, рвал одежду, царапал кожу, но в компас вцепился мертвой хваткой и, поднявшись, снова мчался вперед. Завидев наконец просвет в чаще, он испытал никогда прежде не изведанное чувство ликования и необыкновенный прилив сил.

И вот он уже вышел из леса и понесся к дому.

Таня привалилась к дереву — силы оставили ее. Попытавшись дотянуться до ножниц, она еще больше запуталась в

заколдованной паутине, а правая рука оказалась болезненно вывернута за спину.

— Почему ты не пыталась захватить меня раньше? — воскликнула она, чувствуя, что гнев в конце концов пересилил страх. — Ты могла сделать это, когда мы с Фабианом заблудились в лесу.

Морвенна откинула черную прядь. На ее лице возникла совершенно безумная усмешка.

— В тот день я попыталась завести вас далеко в лес, чтобы вы не нашли дороги назад — по крайней мере, до полуночи. Однако потом вам пришли на помощь.

Таня вспомнила, как тогда злилась на Уорика, и всем сердцем пожелала, чтобы он каким-то чудом сейчас появился здесь.

Морвенна рассмеялась, догадавшись, о чем она думает.

— На этот раз тебя никто не спасет. Даже твой дружок сбежал. Зачем ему тут оставаться, раз он выяснил, что его драгоценный дедушка невиновен?

— Заткнись!

— Единственное утешение, что ему никогда не выбраться из леса. Лес Висельника странно действует на смертных. Парень будет день за днем ходить по нему кругами и к тому времени, когда его найдут, превратится в живой труп… если его вообще найдут.

— Как ты узнала в тот день, что это я? — спросила Таня. — Ты же никогда прежде меня не видела!

Последовала короткая пауза, и потом Морвенна ответила:

— У меня свои источники информации.

Таня снова начала вырываться, в отчаянии вглядываясь в окружающие деревья. Но тщетно. Если Рэд все еще была здесь, она очень хорошо спряталась.

Легкие Фабиана готовы были взорваться, когда он пронесся через кухню, даже не закрыв за собой заднюю дверь. Первый этаж, второй… Он остановился перед комнатой дедушки.

В комнате работал телевизор и старик бормотал что-то себе под нос. Фабиан постучал в дверь, тут же метнулся по коридору и спрятался в нише.

Амос неуверенной походкой вышел в коридор.

— Уорик? Это ты?

Фабиан молниеносно откинул гобелен и проскользнул в служебный коридор. Там, в полной темноте ощупывая стену, он двинулся вдоль нее, отсчитывая двери, пока не добрался до комнаты дедушки.

Затаив дыхание, он повернул ручку. Удача была на его стороне.

Служебная дверь открылась, он вошел в заваленную хламом комнату. Главная дверь была приоткрыта, Амоса видно не было. Волна отчаяния нахлынула на Фабиана. Взгляд перебегал с одной груды всякой ерунды на другую. Опустившись на пол, он заглянул под кровать, вытащил несколько картонных коробок, набитых одеждой и газетами, и перевернул их. Имущество дедушки было на месте, в том числе и обручальное кольцо, но вот локона нигде не было.

На столике рядом с постелью лежал альбом с газетными вырезками. Фабиан схватил его, принялся листать страницы. Несколько вырезок упали на пол. Он закрыл альбом и бросил его на кровать. Быстро метнулся к комоду и начал рыться в дедушкиной одежде.

— Где он хранит его, где?

Просто не верилось: он же видел локон, но не уловил связи, такой явной, такой очевидной. Если уничтожить эти волосы, заклинание молодости Морвенны разрушится, а именно ее, понимал Фабиан, она ценила превыше всего. И это единственное, на что он мог рассчитывать.

Не найдя ничего в комоде, Фабиан с силой задвинул последний ящик, и часть одежды вывалилась на пол. В полном разочаровании он пнул ногой коробку, которую не потрудился засунуть обратно под кровать. Она со стуком упала. Фабиан вздрогнул — в коридоре послышались шаги.

— Уорик!

В дверном проеме возник Амос. В его запавших глазах плескалось безумие.

— Я не делал этого! — выкрикнул он. — Я сто раз говорил им, что это не я. Она сбежала!

— Я… Я знаю, — пролепетал Фабиан и попятился к служебной двери.

Амос, подергиваясь, подошел к разобранной постели и опустился на нее.

— Я любил ее, любил ее, — повторял он, покачиваясь.

Его морщинистая рука скользнула под подушку. «Вот оно!» — понял Фабиан.

Со скоростью, удивившей его самого, он прыгнул вперед и откинул подушку. Там, куда дедушка каждую ночь опускал голову, лежал локон волос, свернутый в тонкую черную петлю. Чувство вины обожгло Фабиана, словно едкая кислота, когда он вырвал локон из слабых пальцев старика.

Амос закричал, словно раненое животное.

Фабиан выбежал через служебную дверь; крик дедушки звенел у него в ушах. Выскочив из-за гобелена, он выждал мгновение, чтобы убедиться, что в поле зрения никого нет. Не слыша ничего, кроме душераздирающих воплей Амоса, он выскользнул из ниши… и налетел на кого-то, стоящего сразу за углом.

Фабиан поднял взгляд и изумленно открыл рот.

— Ч-что ты тут делаешь? Я думал, т-ты на охоте!

— Планы изменились, — прошипел Уорик, разглядывая разорванную, окровавленную одежду сына. — Решил пораньше вернуться — и что же я вижу? — Он грубо схватил Фабиана за плечо. — Теперь ты объясни мне, какого черта болтаешься тут посреди ночи!

Фабиан открыл рот, но не смог произнести ни слова.

— Ну же, говори!

— Уорик! — окликнул его Амос.

Уорик злобно посмотрел на сына и, не отпуская его плеча, поволок по коридору к комнате Амоса.

— Что такое, отец?

Его обычно неприветливый голос сейчас звучал на удивление мягко.

Амос зашаркал к двери, его плечи сотрясались от рыданий.

— Он взял его… Он взял его.

Уорик заметил волосы в руке Фабиана; на его лице промелькнуло понимание.

— Зачем они тебе? Что ты хочешь сделать с волосами своей бабушки?

Фабиан завел руку с локоном за спину.

— Это не… Это волосы не бабушки.

— Отдай! — продолжал рыдать Амос. — Я обещал хранить их вечно!

Глаза Уорика расширились.

— Где девочка?

Фабиан оцепенел.

— Где Таня?

— Она… Она в лесу! — прохрипел Фабиан, не в силах больше скрывать.

Лицо Уорика побелело как мел. Без единого слова он схватил Фабиана за руку и вырвал у него локон.

— Что ты делаешь? — закричал Фабиан. — Отдай!

Он бросился за отцом, который уже спускался по лестнице, оставив позади рыдающего Амоса. Догнав Уорика на площадке первого этажа, Фабиан попытался вырвать у него волосы Морвенны.

Уорик гневно оттолкнул его.

— Отдай! — воскликнул Фабиан. — Ты не понимаешь!

Отец повернулся, схватил его за шиворот и встряхнул, как пес крысу.

— Маленький дурак! Это ты не понимаешь! Ты хоть осознаешь, что натворил? Все эти годы мы из кожи вон лезли, защищая ее, — а ты взял и увел ее прямо туда, где ей угрожает опасность!

Уорик пошел дальше, переступив через Вулкана, лежащего около дедушкиных часов.

Истина начала доходить до Фабиана, и колени у него задрожали. Уорик все знал.

— Мы не понимали, — еле слышно пролепетал он. — Просто хотели помочь.

— Помочь? И кто, по-вашему, нуждался в помощи?

— Оба! Амос и Морвенна!

— Их уже не спасти! Жизнь Амоса кончилась в тот день, когда поползли слухи! А что касается Морвенны, вам не приходило в голову задуматься, что будет, если после пятидесяти лет отсутствия она выйдет из леса, такая же свежая, по-прежнему четырнадцатилетняя? Их ничто не спасет! Ничто и никогда!

Фабиан не знал, что сказать. Слова отца тяжело перекатывались в голове. На первом этаже скрипнула дверь, над перилами возникло лицо Флоренс. Она выглядела осунувшейся, полусонной и была в ночной рубашке.

— Уорик? Что происходит? Все в порядке?

— Все прекрасно, — ровным тоном ответил Уорик, бросив на Фабиана предостерегающий взгляд — дескать, помалкивай. — Просто кое-кому не спится, одни проказы на уме.

— А-а… — Флоренс недовольно взглянула на Фабиана. — Ну, в таком случае увидимся утром.

Дверь ее спальни закрылась. Фабиан посмотрел на отца.

— Ты не расскажешь ей?

Уорик натягивал сапоги.

— Нет.

— Она имеет право знать!

— Она и так скоро все узнает, — мрачно сказал Уорик. — И когда это произойдет… ну, если Морвенна добьется своего, Флоренс не переживет этого.

Фабиан сморгнул слезы стыда и посмотрел на часы. До двенадцати оставалось семь минут.

— У нас кончается время!

— Думаешь, я этого не знаю?

Уорик покинул дом через переднюю дверь и пошел вокруг

него к своей мастерской. Фабиан в смятении следовал за ним.

— Куда ты? — спросил он. — Нам нужно в лес, немедленно!

Уорик распахнул дверь в мастерскую.

— Заходи!

Фабиан неуверенно сделал шаг. Никогда прежде отец не позволял ему даже приближаться к своей мастерской, а уж тем более заходить туда, но сейчас Уорик толкнул его в спину, он пролетел через дверь и… сразу же все понял.

Вся дальняя стена от пола до потолка была занята стоящими друг на друге клетками. В самой большой, внизу, сидели два безобразнейших создания. Тот, что повыше, — в его внешности было что-то жабье — вцепился в прутья клетки и усмехнулся.

— Не просто смотри, — сказал он. — Давай отопри!

— А где еще один гоблин? — изумленно спросил Фабиан. — Таня говорила, их трое.

— Брансвик угрозы не представляет. Он наполовину человек. Подменыш. Он просто подражает этим двоим, потому что ничего другого не знает.

Фабиан пробежал взглядом по остальным клеткам. Их было около дюжины, в каждой — один или два фэйри. В одной сидело маленькое сморщенное создание, сжимая пакетик с чаем с таким видом, как будто от него зависела его жизнь. В другой забилась в угол фея камина — крошечная страшненькая девушка в платье из посудного полотенца, глядевшая сквозь завесу длинных волос. Ее лицо просияло, когда Фабиан посмотрел на нее. Она бросила на него пугливый, умоляющий взгляд и снова съежилась.

Уорик снял со стены духовое ружье и принялся заряжать его.

— Почему они в клетках? — спросил Фабиан.

— Потому что вот как они мне отплатили! — ответил отец. — Потому что один из них предал нас!

Он достал связку ключей из плаща. Фабиан заметил на полке рядом с вешалкой большую банку серовато-зеленой, подозрительно знакомой жидкости.

— Но почему?.. — Внезапно Фабиан почувствовал себя совсем больным. — Почему они не убегают?

— Клетки железные. Они не могут сбежать, пока я не освобожу их.

— Все это время ты знал, что на самом деле произошло с Морвенной Блум.

Уорик повесил на пояс охотничий нож.

— Все это время волосы были здесь, прямо у меня под носом. Флоренс всегда подозревала, что Морвенна достаточно хитра, чтобы оставить здесь что-то для защиты. — Уорик внимательно осмотрел локон, сложил его и сунул в карман. — Договор был

заключен в лесу, где магия сильнее всего. Только там он может быть и расторгнут.

— Но уже почти полночь! — воскликнул Фабиан на грани паники.

— Время еще есть, — произнес голос, которого он не узнал.

— Ворона! — воскликнул Уорик.

Фабиан резко развернулся и увидел на краю окна три маленькие фигурки: одну мужскую, одну женскую и еще одно убогое создание с потрепанными крыльями. Говорила женщина, в платье из перьев и с точеными чертами лица. Ворона.

— Она в лесу, — сказал Уорик. — Нам нужно идти.

Ворона кивнула.

— Нельзя тратить времени даром. Но кое-что ты должен знать: Шляпа-с-Пером исчез.

— Мы со вчерашнего дня не видели его, — сказал Гредин.

Уорик поджал губы в тонкую ниточку.

— Почему ты считаешь, что можешь доверять им? — спросил Фабиан. — Почему они не в клетке?

Уорик уже выходил из мастерской.

— Они на нашей стороне.

Фабиан выбежал наружу. У него появилось странное чувство, будто реальность распадается на глазах, как если бы он оказался в какой-то другой вселенной, где ничто не было тем, чем казалось. «Мой отец не домоправитель, — оторопело думал он. — Мой отец не сторож. Мой отец — охотник на фэйри».

Уорик между тем торопливо шагал к забрызганному грязью лендроверу.

Фабиан едва успел плюхнуться на пассажирское сиденье и захлопнуть дверцу, как Уорик отпустил ручной тормоз и поехал к распахнутым воротам поместья, разбрасывая колесами гальку.

— Остается только надеяться, что мы успеем вовремя.

Когда лендровер с шумом умчался в ночь, веки Флоренс затрепетали и открылись.

«Как будто Уорик куда-то поехал», — сонно подумала она и повернулась на другой бок.

«Это невозможно, — рассуждала она. — По ночам Уорик охраняет дом и следит за лесом — но он всегда ходит пешком. Всегда».

Она медленно уплывала в сон, туда, где нет ни мыслей, ни тревог. Она устала, устала как собака. Когда ее внучка бывала в доме, она всегда засыпала с трудом. Сегодня, однако, чувствуя себя до предела раздраженной и вымотанной, она в конце концов распечатала пузырек со снотворным, которое ей прописали еще

месяц назад. Высыпала на ладонь две таблетки и проглотила их, запив кружкой солодового молока.

В эту тревожную ночь она спала лучше, чем когда-либо за долгое, долгое время.

25

У Тани мучительно болело все тело. Каждая клеточка устала от непрерывной борьбы, но путы нисколько не ослабели. В конце концов она обмякла, в отчаянии привалившись к дереву. Рэд так и не появилась. Никто не появился.

— Стихи — это был хитроумный прием. Ты знала, что мы попытаемся разгадать тайну, правда?

Морвенна подошла к ней — движение, напоминавшее змею, ползущую к своей жертве.

— Конечно. Хотя я никогда не додумалась бы до этого, если бы не мой хранитель.

— Какой хранитель? — Таня почувствовала, как ею снова овладевает страх. — О чем ты?

Морвенна рассмеялась.

— У всех, родившихся с вторым зрением, есть хранитель из королевства фэйри, знают они об этом или нет. Ты, надо полагать, не знала?

Таня покачала головой.

— Эти хранители предназначены для того, чтобы защищать нас и действовать в наших интересах. В моих интересах было найти тебя.

— И кто же мой хранитель? — спросила Таня. — Почему он не действует в моих интересах?

— О, он есть, — произнес знакомый голос. — И ты была под защитой. По крайней мере, пока я допускал это.

— Ты! — прошептала Таня.

Из мрака возник Шляпа-с-Пером.

— Много же времени у меня ушло, чтобы заманить тебя сюда. Это я принес тебе стихи. Это я взял газетную вырезку из комнаты Амоса и вложил в книгу, чтобы ты ее нашла. И это я сделал так, чтобы ты постаралась сохранить компас ведьмы. Без моего вмешательства ты запросто выбросила бы его.

— Это был ты, — поняла Таня. — Тогда в автобусе. Ты хотел купить у нас компас.

— Нет, я только делал вид, что хочу купить его, — ответил Шляпа-с-Пером. — Потому что знал: тогда ты сохранишь его. Я подбрасывал тебе все эти подсказки, не сомневаясь, что ты клюнешь на них, не сможешь сопротивляться желанию разгадать тайну пропавшей девушки. Ты и твой глупенький приятель.

— Значит, именно этого вы все хотели долгие годы? Заманить меня сюда? Ради нее?

— Нет, не все, только я. Остальные защищали тебя — но я

обманул их. Втерся в их компанию, сумел заслужить доверие. Сумел убедить в том, что хорошо отношусь и к ним, и к той части нашего королевства, которая называется Благий Двор. Правда, Гредин никогда полностью не доверял мне. Но я хитрее его… намного хитрее. Видишь ли, когда Морвенна покинула мир смертных, никому и в голову не пришло, что ее хранитель не последует за ней. Это был мой самый главный секрет. — Он победоносно улыбнулся. — Секрет, который приведет тебя к гибели.

— Так кто же мой хранитель? — спросила Таня.

— Гредин и есть твой хранитель, — ответил Шляпа-с-Пером. — Ворона — хранительница твоей бабушки. Оба считали, что это в твоих интересах — и в интересах Флоренс — держать тебя в неведении.

— А Мизхог?

Шляпа-с-Пером презрительно улыбнулся.

— Скажем так, твоя бабушка много лет назад спасла Мизхога от примерно такой же жалкой участи, какая постигла обитателя водостока. С тех пор он предан ей.

— Если они меня защищают, то почему не приходят?

— Потому что они в меньшинстве. И потому что уже слишком поздно, — ответила Морвенна. — Через минуту я буду свободна, а ты займешь мое место. Шляпа-с-Пером останется здесь, чтобы удостовериться, что ты не сбежала. В конце концов я обрету свободу, на которую имею полное право.

Ослепительная, раскаленная добела ярость захлестнула Таню с такой силой, как никогда прежде.

— Ты не заслуживаешь свободы!

— Что ты сказала? — обманчиво спокойно спросила Морвенна, но Тане уже было все равно.

— Ты эгоистичная и жестокая, ты не заслуживаешь свободы! — закричала она, дрожа всем телом. — Все эти годы тебя терзала ненависть. Ты обвиняешь мою бабушку, а ведь на самом деле ты сама во всем виновата. У тебя был выбор — и ты его сделала. И моя бабушка сделала выбор. Ты ушла, она осталась. Она свободна поступать так, как считает правильным. И она выстрадала свой выбор.

— Меня это не волнует! — взвизгнула Морвенна. — Мы заключили соглашение! Флоренс предала меня, струсила — и заслуживает того, чтобы быть здесь. Не я! Не я!

— Тебя это не волнует! — с отвращением воскликнула Таня. — Конечно! Почему тебя должно волновать, что за твою ошибку расплачиваются другие? Не только моя бабушка, но и Амос. То, что ты сделала, сгубило его. Но тебя это не волнует!

Морвенна тронулась с места, мелькая среди деревьев, словно призрак.

— Обмен уже начался.

Таня забилась в путах, бессильно глядя, как Морвенна исчезает из виду… и слушая, как Шляпа-с-Пером злобно высмеивает ее попытки освободиться. Ужас поглотил ее. Горячие слезы хлынули по щекам. Оберон подпрыгивал, подвывая от ужаса и смятения. Перед внутренним взором возник образ — ее фотография на объявлениях и внизу одно жуткое слово: РАЗЫСКИВАЕТСЯ.

«Не хочу быть девушкой, исчезнувшей в этом лесу. Не хочу быть очередной без вести пропавшей Тикиэнда».

Что-то зашевелилось во тьме, приближаясь неясным, расплывчатым пятном. Шляпа-с-Пером заметил его чуть раньше Тани.

Рэд.

Шляпа-с-Пером отвлекся всего на мгновение, но Оберону хватило и этого — он совершил прекрасно рассчитанный прыжок, и Шляпа-с-Пером умолк навсегда.

Лендровер со скрежетом остановился у ручья. Уорик и Фабиан выскочили из машины, перешли ручей и помчались в лес. Ночную тишину разорвал пронзительный писк.

Фабиан припустил еще быстрее.

— Что это? — задыхаясь, спросил Уорик.

— Сигнал моих часов. Я установил его на полночь!

Уорик пошарил в кармане и дрожащими руками вытащил локон.

— Подержи! У меня есть спички… мы должны сжечь его.

Фабиан протянул руку, но волосы проскользнули между пальцев и упали на землю.

— Где он? — закричал Уорик и зажег спичку. — Фабиан, ты полный идиот!

Фабиан в отчаянии рухнул на землю и принялся искать локон.

Часы продолжали пронзительно вопить, словно баньши, оплакивающий чью-то смерть.

Рэд яростно кромсала Танины путы ножницами, которые достала из ее заднего кармана. Медленно, но верно они поддавались, одна за другой пряди падали на землю и распадались. Ее руки потемнели и увлажнились от крови: скрученная паутина сильно порезала их, пока она расправлялась с ней.

— Как ты оказалась здесь… откуда узнала? — спросила Таня сквозь рыдания. — Где малыш?

— В безопасности. — Рэд продолжала кромсать, тяжело дыша. — Я совершила обмен, но цирковые не разрешили мне остаться с ними. Сказали, что полицейские крутятся вокруг, вынюхивают, расспрашивают… Они узнали, кто я такая, — прочли в газетах. Ну, я и решила, что лучше всего вернуться сюда и еще на какое-то время затаиться. Я хотела войти в подземный ход под церковью, когда увидела, как вы с тем парнем выходите из сада. Я посмотрела, посмотрела и пошла за вами… к счастью для тебя.

В конце концов последняя прядь распалась. Таня была свободна.

— Нам нужно убраться отсюда до полуночи… Она хочет поменяться со мной местами…

— Я все слышала, — ответила Рэд. — Нужно идти.

Она схватила Таню за руку и потащила через лес. Тьма была полна движения. Фэйри появлялись и исчезали, дожидаясь момента, когда Таня окажется в их власти. Оберон бегал вокруг девушек, защищая их; Рэд вытащила нож и держала его наготове. Потом она побежала зигзагами между деревьев; Таня за ней.

— Нужно выбраться из леса, — тяжело дыша, проговорила Рэд, — раньше Морвенны. У нас почти не осталось времени…

Ее слова эхом отдавались в Таниной голове. Что-то происходило вокруг; что-то ужасное.

— Остановись! — простонала она.

Послышалось странное жужжание, какое мог бы издавать рой насекомых.

— Нам нельзя останавливаться! — прошипела Рэд. — Вперед! Я сказала: вперед!

— Не могу, — прошептала Таня и остановилась, чуть не упав.

Постепенно жужжание перешло в шепот. Среди деревьев мелькали лица. Искривленные, как старческие пальцы, тянулись к ней ветки. Вьющиеся растения отделялись от древесной коры и ползли к ней. Лес ожил.

Таня понимала, что это значит. Обмен произошел.

Силы оставили ее. Она опустилась на землю, закрыла глаза и плотно зажала руками уши. Ветка плюща поползла по ее ноге. Рэд срезала ее ножом, но тут же появилась другая. Она слышала, как Рэд велит ей встать, умоляет идти, — но Таня не могла. Вспомнив о родителях, она пожалела, что не увиделась с ними еще один, последний раз. Вспомнив о бабушке, пожалела, что их отношения сложились так скверно, хотя все могло быть совсем иначе. Вспомнила о Фабиане, Уорике; подумала о том, что произойдет с

Амосом. Хотелось бы знать, найдет ли когда-нибудь Рэд своего брата. Она даже представила себе Вулкана, свернувшегося у дедушкиных часов, с выступающими сквозь заметно поредевшую шерсть костями.

Последним, о ком она подумала, был Оберон, ее обожаемый, верный пес. Он оставался с ней до конца. Потом все мысли исчезли, не осталось ничего, кроме тьмы. Оберон завыл.

Резкая боль в пальце заставила ее очнуться. Таня с трудом пришла в себя и посмотрела вниз. Из новой раны струилась кровь.

— Как я?.. — сонно начала она, видя ножницы Мораг в руке Рэд, но не понимая.

Она почувствовала, что снова проваливается в небытие, а обвившаяся вокруг тела растительность тащит ее куда-то… но прежде увидела руку Рэд.

Бедную окровавленную руку Рэд.

Бедные искромсанные пальцы Рэд, чья кровь смешалась с ее собственной, когда та с силой сжала ее руку. Рэд удерживала ее, положив себе на колени ее голову. Рэд не хотела, чтобы она уходила.

— Возьмите меня, — шептала Рэд. — Возьмите меня вместо нее. У нее есть жизнь, стоящая того, чтобы к ней вернуться, а у меня нет. Вы лишили меня этой жизни. Возьмите лучше меня. Возьмите меня вместо нее. Возьмите меня вместо нее.

Вьющиеся растения и ветки, крадущиеся к Тане, и те, которые уже оплели ее, на мгновение замерли, а потом начали отступать, выпуская ее из своей хватки, и поползли к Рэд. Дюйм за дюймом они обвивали ее, словно зеленые щупальца, утаскивали от Тани… утаскивали из мира смертных.

Рэд не сопротивлялась.

И спустя считаные мгновения лес поглотил ее.

Фабиан наконец нащупал локон и схватил его вместе с горсткой земли.

— Нашел!

Уорик чиркнул новой спичкой, желтое пламя с шипением ожило. Он взял волосы и поднес к ним спичку. Они мгновенно вспыхнули, и он уронил их на землю.

Отец и сын в молчании смотрели, как волосы сгорают дотла; наконец на их месте остались лишь опаленные веточки и листья.

Часы Фабиана наконец смолкли.

— Все это время, — заговорил Уорик, — я думал, что это волосы моей матери. Она тоже была темноволосая. До сегодняшней ночи я ничего не понимал. Он все время надеялся на

возвращение Морвенны. Он так и не освободился от нее. Истина была прямо передо мной, но я предпочел не замечать ее.

— Ты давно знаешь?

Даже в темноте Фабиан сумел различить сожаление в глазах отца.

— С тех пор, как родилась Таня.

— Что произойдет с Морвенной теперь, когда договор расторгнут? — спросил Фабиан.

— Она сразу почувствует это, — ответил Уорик. — И наверняка откажется от такого желанного прежде обмена. — Он двинулся дальше в лес, крикнув через плечо: — Нужно найти Таню!

Фабиан пошел следом. Ни тот ни другой не подозревали, что обмен уже произошел — но с участием совсем другого человека.

Опушка леса уже показалась, луна затерялась где-то среди деревьев. Едва ли в здравом уме, пошатываясь, Таня шла вперед. Только Оберон, натягивающий поводок, поддерживал ее. Глаза распухли и слиплись от слез.

Рэд ушла, растворилась в королевстве фэйри, словно след на песке. Поменявшись с Таней, она спасла их обоих.

Таня вдруг осознала, что она не одна.

Всего в нескольких шагах перед ней Морвенна Блум тоже шла по тропе из леса. И нахлынувшая волна гнева рассеялась, когда Тане стало ясно: что-то с Морвенной очень, очень не так.

Двигалась она заметно медленнее. Дыхание тоже изменилось, стало неровным, затрудненным. Она все больше горбилась и еле-еле волокла ноги. Складывалось впечатление, что она больна. Больна… или очень, очень устала.

— Что такое со мной? — бормотала она.

И голос ее звучал не как голос четырнадцатилетней девочки.

Нет, не устала… состарилась.

Ужас пронзил Таню — она поняла, что произошло. Фабиан сбежал не из трусости. Фабиан сбежал, чтобы уничтожить локон волос — то звено, которое связывало Морвенну с юностью. И он достиг своей цели.

Таня вскрикнула; Морвенна услышала и повернулась к ней.

— Ты? — проскрипела она старческим голосом, ужаснувшим ее даже сильнее, чем Таню. — Как?.. Это невозможно… Ты здесь…

Ее лицо по-прежнему дышало злобой, но кожа сморщилась, покрылась морщинами, поблекла и обвисла — это пятьдесят добытых мошенничеством лет догнали Морвенну, навалились на нее все сразу. Зрелище было чудовищное.

Таня не смогла сдержать крика.

Морвенна посмотрела на свои руки и взвыла. Они больше не были гладкими и мягкими; прямо у нее на глазах они покрывались морщинами и искривлялись.

— Нет!

Она схватила прядь своих волос — они стали белоснежными. Медленно подняла руки к лицу, потрогала провалы на щеках и морщины на коже. Протянула искривленные руки к Тане, растянув губы в чудовищной гримасе, обнажившей почерневшие, шатающиеся зубы, которые тут же стали выпадать.

Сотрясаясь от рыданий, Таня отвернулась от нее и побежала — назад в лес, тем же путем, каким пришла, готовая встретиться с чем угодно, только бы не видеть чудовищно изменяющуюся Морвенну.

Она так и не заметила, что та пыталась догнать ее. Однако к тому времени, когда старуха сделала всего несколько шагов, Таня уже исчезла. Морвенна оказалась совсем одна.

Ужасная боль прожгла грудь и левую руку. Хватая ртом воздух, она опустилась на землю. Угасающий взгляд обратился к краю леса.

Он был так близок… но ей никогда не достигнуть его.

Когда ее нашли, Таня лежала, свернувшись калачиком на земле и прижавшись к Оберону.

Загрубелая рука откинула с ее лица волосы, а потом послышался голос, знакомый… и все же другой.

— Она в шоке.

Определенно, это был голос Уорика, по-прежнему неприветливый и невыразительный; но сейчас в нем звучали нотки беспокойства.

— Она поправится?

Это Фабиан.

Таня зашевелилась — его голос подействовал на нее успокаивающе. Сфокусировав взгляд, она увидела, что глаза Фабиана закрыты, а на лице выражение вины и боли.

— Я бросил ее, — произнес он еле слышно. — Бросил ее, папа. Но я должен был…

— Фабиан? — прохрипела Таня.

Он широко распахнул глаза, взял ее руку и крепко сжал.

— Прости. Мне очень жаль… Я вынужден был сделать так, чтобы ты поверила… — Он сглотнул. — Локон волос. Он все время был у Амоса.

— Я поняла. — Она сумела даже слабо улыбнуться. — Ты поступил очень храбро. — Она перевела взгляд на Уорика. — Вы защищали меня. Вы и бабушка. Вот почему вы не хотели, чтобы я

приезжала в поместье, — из-за того, что могло произойти.

— Флоренс хотела рассказать тебе, — мягко проговорил Уорик. — Но слишком боялась. И стыдилась. Она была такая молодая и наивная, когда заключила этот договор с Морвенной, но ей это дорого обошлось.

— С ним покончено, — прошептала Таня.

Лишь она одна знала, что Морвенна за все расплатилась сполна, но сейчас она не хотела — нет, просто не могла — говорить о том, что видела.

Больше не было сказано ни слова, да этого и не требовалось. Уорик завернул ее в свое пальто, поднял на руки и понес в поместье.

Ранним утром следующего дня Мораг заперла фургон, выгнав наружу недовольного кота. Она редко выбиралась в Тикиэнд посреди недели и хотела сделать свои дела и вернуться обратно до того, как на улицах станет оживленно. Почти на краю леса она увидела: что-то лежит впереди, совсем рядом с тропой и частично скрытое подлеском.

Женщина была мертва уже несколько часов, Мораг поняла это еще до того, как опустилась рядом с ней на колени. Утонувший в складках кожи рот открыт, рука прижата к груди.

— Разрыв сердца, — пробормотала Мораг и протянула руку, чтобы закрыть безжизненные глаза женщины.

Но когда она заглянула в эти мертвые черные провалы, ее рука замерла, а потом она резко отдернула ее, не успев коснуться покойницы, — поскольку даже в смерти в ней ощущалось что-то бесконечно злобное.

Мораг слышала, как скрипели колени, когда она поднималась. Отступила на шаг и тут увидела рядом с телом яблоко, лежащее в складках рваного зеленого платья. Оно упало с ветки дерева. Что-то шевелилось под его сморщенной кожурой. Спустя несколько мгновений из яблока вылезла толстая личинка.

— Да, — прошептала Мораг. — Теперь я понимаю. Гниль. Гниль до самой сердцевины.

Она зашагала по тропе к Тикиэнду чуточку быстрее обычного, понимая, что придется сделать крюк, чтобы сообщить о зловещей находке. Она надеялась, что это займет не слишком много времени.

Эпилог

Как и большинство могил на маленьком церковном кладбище, та, где покоилась Элизабет Элвесден, выглядела заброшенной. И в точности как поместье, так недолго бывшее ее домом, могила заросла плющом — серый камень был почти не виден между зелеными листьями. Однако, несмотря на запущенный вид, эта могила не была забыта.

Таня смотрела, как бабушка, стоя на коленях, вырвала очередной пучок сорной травы. Потом ее взгляд скользнул через поле, мимо леса, туда, где в пятнах солнечного света стояло поместье. Вот-вот должна была приехать мать, чтобы забрать ее домой. Теперь, с радостью в сердце понимала Таня, все будет по-другому. Фэйри, ее фэйри, придут снова, но она больше не боялась их.

Почти неделю назад она очнулась в своей постели, укрытая одеялом, ослабевшая, как будто проспала сто лет. Когда в голове окончательно прояснилось, она осознала, что кто-то держит ее за руку, и, подняв взгляд, посмотрела в серые глаза бабушки. Таня даже не сразу узнала ее: всегдашняя жесткость исчезла, как будто с плеч спала огромная ноша. Бабушка заговорила; это продолжалось долго, долго. Таня слушала, узнавала то, чего раньше не знала, — и прощала.

После той ночи в газетах еще некоторое время обсуждали историю Равен Фокс, но эти статьи постепенно перекочевывали на последние страницы по мере того, как становилось ясно, что след девушки потерян. Однако, проглядывая газеты, Таня обратила внимание на другую заметку: о том, что в лесу Висельника обнаружено тело.

Женщина, в возрасте за шестьдесят, умершая от сердечного приступа. Ее личность, однако, и то, как она оказалась в лесу, оставались тайной для всех, кроме тех, кто знал.

Именно тогда Таня в конце концов рассказала Фабиану, Уорику и бабушке, что действительно произошло той ужасной ночью в лесу — и о девушке, которая спасла ее.

Они очистили могильную плиту от последних сорняков и положили на нее свежие цветы.

Когда они возвращались домой, Таня глянула в сторону леса и задала вопрос, на который боялась услышать ответ:

— Что будет с Амосом?

Флоренс грустно покачала головой.

— Тут ничего не поделаешь. Мы знаем правду о Морвенне

Блум, но мало кто нам поверит. Люди будут думать то, что им хочется. Мы можем сделать для него одно: постараться, чтобы он провел свои последние дни со всеми удобствами и спокойно, но даже это нелегко — учитывая, что творится у него в голове. Воспоминания о ней постоянно терзают его. Она — причина его безумия.

Мягкий ветерок шевелил листву над головой и приносил аромат диких трав. Один из этих запахов, сильный и резкий, заметно отличался от остальных. Внезапно в сознании Тани ожило воспоминание о том, что однажды ночью сказал Гредин. В то время эти слова породили в душе страх; сегодня они наполнили ее надеждой.

Лес слушал, когда она медленно заговорила:

— Мы не можем изменить прошлое и не можем изменить людское мнение. И все же сделать кое-что для Амоса мы в состоянии.

Есть место, где растет розмарин около ручья, текущего вверх по склону холма. Территория пикси. Дикие создания эти пикси. Непредсказуемые. В некотором смысле опасные. И розмарин, который помогает сохранить память, там тоже испорчен. Его свойства изменены на прямо противоположные.

Однако даже от испорченного пикси розмарина может быть толк. Употребленный в должном количестве, он обладает силой навсегда уничтожать некоторые воспоминания в голове смертного.

Такие, как воспоминания о бывшем возлюбленном.

notes

Примечания

1

«Джек в коробочке» — популярная детская игрушка, представляющая собой коробку с фигуркой, выскакивающей, когда открывают крышку.